

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

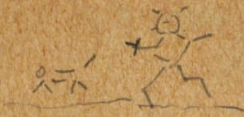
354

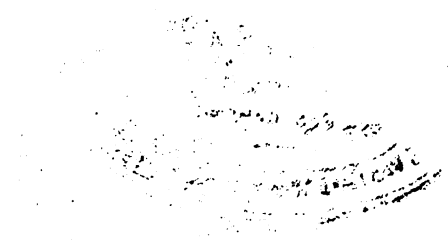
PG3470
.S52
R3
I 903

I 855-1

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

Shkliarevskii

А. ШКЛЯРЕВСКИЙ

Razskazy iz ugolovnoi khroniki

РАЗСКАЗЫ *БЗУ*

ИЗЪ УГОЛОВНОЙ ХРОНИКИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1903

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Неправильный вердиктъ присяжныхъ.

(Изъ уголовной хроники).

РАЗСКАЗЪ.

I.

Зала уголовного отдѣленія петербургскаго окружнаго суда 4 или 5 февраля 187* года была полна многочисленной публикой, принадлежавшей къ различнымъ слоямъ общества. Разбиралось довольно интересное дѣло о кражѣ золотыхъ часовъ, цѣною въ двѣсти рублей, вдовою губернскаго секретаря Маргаритою Васильевною Цвѣтковой, у одного надворнаго совѣтника. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣла прелестная молодая блондинка, лѣтъ 23 или 24, казавшаяся еще моложе этихъ лѣтъ, съ нѣжнымъ, нѣсколько исхудалымъ личикомъ, на щекахъ котораго по временамъ вспыхиваль легкій румянецъ. Горбоносый профиль молодой женщины былъ отчасти энергиченъ, но кроткіе, открытые, чистые, голубые глаза смягчали и эту небольшую

рѣзкость въ ея фізіономіи, заставляя невольно предполагать, что едва-ли рѣшимость свойственна ея характеру. Она была одѣта въ простенькое черное люстриновое платье и въ пеструю накидку на плечахъ, съ непокрытою головою, на которой длинныя, густыя, свѣтлорусыя волосы были связаны посрединѣ голубенькой бархаткой. Странно было видѣть такое существо, обвиненное въ подобномъ преступленіи, какъ воровство. А, между тѣмъ, Маргарита Цвѣткова дѣйствительно была уличенная воровка, и дѣло о кражѣ ея часовъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, возбудилъ именно я, такъ какъ я-то и былъ этимъ однимъ изъ надворныхъ совѣтниковъ, у котораго украли часы...

Дѣло происходило такъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до кражи, случившейся въ октябрѣ, лѣтомъ, въ одно прекрасное утро, ко мнѣ явилась бѣдно одѣтая молодая женщина и, отрекомендовавшись вдовою губернскаго секретаря Маргаритою Цвѣтковою, просила дать ей въ редакціи, въ которой я былъ сотрудиномъ, мѣсто стенографистки, простой переписчицы, или переводчицы съ французскаго языка. Я отвѣчалъ ей, во-первыхъ, что въ редакціи я ничѣмъ не завѣдываю и не распоряжаюсь, а во-вторыхъ, что, сколько мнѣ извѣстно, тамъ и нѣтъ свободнаго ни одного подобнаго мѣста. Но, видя ея горестъ при моемъ положительномъ отказѣ принять въ ней участіе, я, въ утѣ-

шеніе, предложилъ Цвѣтковой придти ко мнѣ въ четвергъ, обѣщаясь къ этому дню приготовить окончаніе одной своей рукописи. Цвѣткова поблагодарила меня, но что-то замаялась, покраснѣла и не уходила. Я догадался, что она желаетъ попросить у меня выдачи ей, хотя немного, впередъ денегъ. По злосчастному стеченію обстоятельствъ, въ продолженіе цѣлаго года, до знакомства моего съ Цвѣтковою, ко мнѣ являлось множество разныхъ лицъ, мужскаго и женскаго пола: молодыхъ чиновниковъ, экс-студентовъ, студентокъ и прочее, часто съ очень симпатичными фізіономіями и въ грустной обстановкѣ по костюму, съ предложеніемъ услугъ по перепискѣ и переводамъ и съ постояннымъ сопровожденіемъ при этомъ просьбы объ одолженіи небольшой суммы впередъ, подъ работу. Я не отказывалъ. Но что же?.. Большая часть изъ нихъ уже больше не являлись... И, замѣчательно, чѣмъ симпатичнѣе была наружность, тѣмъ скорѣе она меня обманывала... Одни изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, хотя возвратили черезъ швейцара рукописи, отданныя имъ для переписки, другіе же и этого не дѣлали... Такія продѣлки раздражили меня противъ моихъ просителей и, — не желая быть баснею въ городѣ: слыть за простака, котораго всякій можетъ надуть, — я далъ себѣ рѣшительное слово — ни подъ какимъ предлогомъ и никому изъ нихъ, не выдавать впередъ ни гроша до тѣхъ поръ, пока работа не будетъ вполне окончена. Поэтому,

замѣтивъ намѣреніе Цвѣтковой, я поспѣшилъ сообщить ей (умышленно, серьезно и желчно), представляя себя скрягою, свои правила относительно выдачи гонорара, какъ условія *sine qua non*, и предупредилъ, что малѣйшій намекъ ея о выдачѣ денегъ впередъ можетъ лишить ее навсегда у меня работы, тогда какъ, въ другомъ случаѣ, я постараюсь найти ей постоянныя занятія. Цвѣткова ушла очень печальная; я предположилъ, что больше она не посѣтитъ меня, но ошибся: въ четвергъ, въ девять часовъ утра, она была у меня. Я далъ ей рукопись, назначилъ срокъ, въ который желалъ-бы видѣть ее переписанною и согласился на выговоренную Цвѣтковой плату, по тридцати копѣекъ за писанный листъ. Цвѣткова принесла работу раньше срока и тотчасъ же получила деньги. Кромѣ того, я сдержалъ свое слово и далъ ей новую переписку. Она писала не особенно красиво (что, впрочемъ, не было мнѣ и нужно), но четко и добросовѣстно, т. е., не разгоняла нарочно строкъ и не оставляла между ними большихъ пробѣловъ, какъ другіе переписчики, плодившіе, благодаря этому разгону, изъ десяти рукописныхъ листовъ обыкновеннаго письма, до тридцати и сорока переписныхъ, а писала сжато и умѣстительно, подражая оригиналу. Трудами ея я былъ до того доволенъ, что увеличилъ даже плату за переписку: вмѣсто тридцати, по сроку копѣекъ за листъ. Такимъ образомъ, въ те-

ченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Цвѣткова находила для себя у меня постоянныя занятія, которыя выполняла дома. Не зная причинъ, побудившихъ меня такъ рѣзко заявить ей, при первомъ знакомствѣ, о денежныхъ условіяхъ, молодая женщина смотрѣла на меня, какъ на человѣка, можетъ быть, и честнаго, но твердаго въ скупости и аккуратности; я же, не имѣя надобности мѣнять настоящія отношенія, чуждыя всякихъ недоразумѣній, нерѣдко случающихся при не своевременныхъ денежныхъ выдачахъ, и, не зная всѣхъ обстоятельствъ переписчицы, не выходилъ изъ разъ принятой на себя роли аккуратнаго человѣка.

Однажды въ октябрѣ Цвѣткова, по обыкновенію, какъ это нерѣдко бывало и прежде, утромъ явилась ко мнѣ за новою работою; старую она принесла нѣсколько дней тому назадъ и получила за нее деньги. Я далъ ей для переписки довольно объѣмистую рукопись, которую она при всей поспѣшности не могла-бы кончить ранѣе недѣли. Вдругъ, въ тотъ же день вечеромъ, около десяти часовъ, когда я находился съ своимъ семействомъ въ заднихъ комнатахъ квартиры, въ халатѣ, въ передней раздался звонокъ и человѣкъ доложилъ о новомъ приходѣ ко мнѣ Цвѣтковой. Я немного удивился, но поспѣшилъ одѣться, употребля на переодѣванье не болѣе пяти-шести минутъ: «Что ей отъ меня нужно?—думалъ я,—не денегъ ли впередъ?.. Дѣлать нечего, измѣню своимъ правиламъ,

выдамъ... Она, кажется, женщина очень честная, аккуратная и трудолюбивая»... Съ этими мыслями я уже собрался къ ней выйдти, какъ тотъ-же самый человекъ, который доложилъ мнѣ о ея приходѣ, является и сообщаетъ, что Цвѣткова уже ушла. «Словно съумасшедшая она какая-то сегодня, — прибавилъ онъ, — посидѣла, пока я ходилъ къ вамъ, въ кабинетъ, потомъ выбѣгаетъ оттуда вся красная и говорить: «я съ твоимъ бариномъ увижусь послѣ... Теперь раздумала...» быстро отворила входную дверь, и, какъ стрѣла, пустилась бѣгомъ по лѣстницѣ».

Мнѣ оставалось только пожать плечами. Спустя часа два послѣ этого посѣщенія, я пошелъ за какою-то книгою въ кабинетъ. Комната эта находилась отъ прочихъ совершенно отдѣльно, прямо изъ передней, направо; другая, кромѣ входной, дверь въ передней, налѣво, вела въ залу и другіе апартаменты. Посѣтители, приходившіе ко мнѣ по дѣлу, обыкновенно приглашались въ кабинетъ и ждали въ немъ моего выхода. Здѣсь-же я принималъ всегда и Цвѣткову. Отыскавъ книгу, мнѣ вздумалось посмотреть на часы, узнать время, но... увы! Моихъ любимыхъ золотыхъ часовъ на подчасникѣ, на письменномъ столѣ, не было... Между тѣмъ, я очень хорошо помнилъ, что я ихъ повѣсилъ. Вообще, у меня была привычка: по возвращеніи съ занимаемой мною должности, въ четыре часа пополудни, я прежде всего заходилъ къ

себѣ въ кабинетъ, оставлялъ тамъ портфель, бумаги, книги, снималъ съ себя часы и вѣшалъ ихъ на подчасникъ, гдѣ они оставались всегда до двѣнадцати часовъ утра слѣдующаго дня, то есть, до времени новаго моего ухода на должность. Я, разумѣется, тотчасъ же позвалъ человѣка и предложилъ ему вопросъ: «гдѣ часы?..» Тотъ изумился, поблѣлъ весь и сталъ божиться и клясться, что послѣ четырехъ часовъ, кромѣ приходившей переписчицы, въ кабинетѣ никто не былъ и самъ онъ даже не входилъ въ него. На молодую женщину, естественно, пало сильное подозрѣніе, которое еще болѣе увеличивалось ея страннымъ, эксцентричнымъ уходомъ изъ моей квартиры. Украденныхъ часовъ мнѣ было очень жаль и не столько по ихъ цѣнности, сколько по воспоминаніямъ: они были подарены умершимъ отцемъ моей жены, старикомъ, котораго я уважалъ безпредѣльно. Преслѣдовать похитительницу въ тотъ день было поздно, но на утро я заявилъ о случившемся полиціи и указалъ на Цвѣткову, какъ на виновное лицо. Адреса ея я не зналъ. Однако, полиція отыскала ее тотчасъ же и къ вечеру часы, подъ мою росписку, были мнѣ уже возвращены. Цвѣткова въ своемъ преступленіи не запералась. Съ первыхъ же словъ она созналась полиціи, что часы украдены ею у меня, по надобности въ деньгахъ, и чрезъ нѣсколько минутъ были проданы за сто рублей на Вознесенскомъ проспектѣ одному часов-

щику изъ евреевъ, магазинъ котораго она вызвалась указать. Полученныя за часы деньги Цвѣткова заявила всѣ сполна издержанными, и на вопросъ полиціи: на что именно, и какъ она могла такъ скоро издержать ихъ? молодая женщина отказалась дать отвѣтъ. О поступкѣ Цвѣтковой былъ составленъ полиціею протоколъ и переданъ судебному слѣдователю. Мнѣ вовсе не хотѣлось губить молодую женщину, но я забылъ о послѣдствіяхъ, которыя ожидаютъ ее за поступокъ, и чрезъ это отнесся къ ней безучастно, тѣмъ болѣе, что голова моя въ то время была занята спѣшными дѣлами и неожиданно представившейся мнѣ поѣздкой въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Кажется, даже, я уѣхалъ изъ Петербурга прежде еще, чѣмъ полиція передала протоколъ слѣдователю, а возвратился обратно къ самому уже разбирательству дѣла, такъ что всѣ частности, при производствѣ слѣдствія, мнѣ были неизвѣстны.

II.

Въ окружномъ судѣ, при разбирательствѣ, кромѣ собственной личности Цвѣтковой, дѣло ея первоначально казалось вовсе не такимъ интереснымъ, какъ о немъ предполагали многіе. Подсудимая созналась въ совершенномъ ею преступленіи и свидѣтелей спрашивали лишь для формы. Часовщикъ-

еврей, пользуясь тѣмъ, что часы были не нумерованные, долго заперался, но былъ уличенъ Цвѣтковою въ приобрѣтеніи ихъ именно отъ нея; я призналъ часы за свои, а лакей мой рассказал о вечернемъ посѣщеніи Цвѣтковой моей квартиры. На вопросъ предсѣдателя, обращенный къ молодой женщинѣ, «что побудило ее къ преступленію?» Цвѣткова прибавила къ показанію, сдѣланному слѣдователю: «по уходѣ утромъ отъ надворнаго совѣтника N—скаго, когда я пришла домой, я застала у себя на столѣ письмо отъ одной своей пріѣзжей подруги и сейчасъ, по адресу, пошла навѣстить ее. Она находилась въ самомъ бѣдственномъ, беспомощномъ состояніи. Мнѣ нужно было, во чтобы-то ни стало, достать для нея денегъ. Съ этой цѣлью я цѣлый день рыскала по Петербургу, но не достала ни рубля... Просить, взаимно у г. N—скаго, зная его строгія правила, я сочла бесполезнымъ, а потому рѣшилась на кражу. Обстановка г. N—скаго мнѣ была хорошо извѣстна, и я выполнила свой планъ до выхода его ко мнѣ въ кабинетъ». Болѣе къ своему оправданію Цвѣткова не могла ничего прибавить.

Товарищъ прокурора, въ обвинительной рѣчи, счелъ нравственною обязанностью своею указать присяжнымъ засѣдателямъ на обстоятельства, увеличивающія вину подсудимой: во-первыхъ, на ея образованіе и развитіе, при которыхъ проступокъ ея дѣлается вовсе не извинительнымъ, такъ

какъ она хорошо понимаетъ права собственности, а во-вторыхъ, что вещь похищена Цвѣтковой у человѣка, который доставлялъ ей работу, или, другими словами, средства къ жизни, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи, у своего благодѣтеля, а потому, въ заключеніе, онъ просилъ засѣдатель отнестись къ подсудимой какъ можно строже.

Вслѣдъ за товарищемъ прокурора поднялся съ своего мѣста для произнесенія защитительной рѣчи и повѣренный Цвѣтковой. Это былъ не молодыхъ лѣтъ мужчина, брюнетъ, съ истощеннымъ лицомъ и густою, окладистою бородою съ просѣдью. Имя его въ юридическомъ мірѣ было почти неизвѣстно.

— «Милостивые государи,—обратился онъ къ присяжнымъ засѣдателямъ,—я вовсе не намѣренъ опровергать мнѣнія моего оппонента, г. товарища прокурора; можетъ быть,—по своему взгляду на дѣло моей кліентки,—онъ и правъ. Равномѣрно, я не желаю вымалывать у васъ прощенія для госпожи Цвѣтковой. Но я полагаю, что для правильнаго обсужденія проступка обвиняемаго лица, необходимо прежде всего познакомиться съ его прошлою жизнію, убѣжденіями, развитіемъ и тою обстановкою, при которой совершилось преступленіе. А потому, взамѣнъ защиты, я осмѣливаюсь просить судъ, разрѣшить мнѣ рассказать біографію г-жи Цвѣтковой, конечно, въ возможно сокращенномъ видѣ...»

Защитникъ при этихъ словахъ слегка покло-

нился. Предсѣдатель не сдѣлалъ никакого возраженія и повѣренный, принявъ молчаніе за знакъ согласія, началъ; но какъ въ настоящее время біографія молодой женщины мнѣ извѣстна болѣе подробно, чѣмъ защитнику, то я передамъ ее самъ, своими словами.

III.

Маргарита Васильевна Цвѣткова, урожденная Бѣлозерова, осталась сиротою еще въ младенчествѣ, по трехлѣтнему возрасту, не наслѣдуя отъ своихъ родителей никакого состоянія. Они умерли въ одинъ мѣсяць, во время холерной эпидеміи, свирѣпствовавшей въ ихъ городѣ. Маленькую Маргариту взяла къ себѣ ея тетка, женщина крайне бѣдная, перебивавшаяся кое-какъ, со дня на день. На десятомъ году теткѣ этой удалось помѣстить дѣвочку въ одинъ изъ лучшихъ женскихъ пансіоновъ въ ихъ губернскомъ городѣ, но, разумѣется, не на свои средства, которыхъ у нея не было. Маргарита была принята въ пансіонъ стипендіаткой самой содержательницы пансіона, которая, въ видахъ благодѣянія и для нѣкоторыхъ привилегій своему заведенію, воспитывала въ немъ безвозмездно трехъ бѣдныхъ сиротъ. Съ первыхъ же дней своего вступленія въ пансіонъ, Маргарита подружилась тамъ съ одною воспитанницею, однолѣткою и одноклассницею, по фамиліи Кале-

рією Фомичевою, дочерью какого-то бѣднаго и незначительнаго чиновника, воспитывавшеюся тоже на счетъ благотворительности.

Дружба эта продолжалась до самаго выпуска, возрастая и усиливаясь ежегодно. Дѣвочки имѣли въ своихъ характерахъ много общаго, чего-то не вырази-мо-дѣтски-наивнаго, добраго, стыдливаго и скромнаго; но Калерія Фомичева была бойчѣе своей подруги, увлекалась скорѣе ея и училась гораздо лучше Маргариты. Наконецъ наступилъ день выпуска и молодыя дѣвушки со слезами разстались, поклявшись, какъ водится, не забывать другъ друга. Калерія уѣхала въ домъ своего отца, а Маргарита осталась изъ милости въ пансіонѣ, въ качествѣ сверхштатной помощницы, такъ какъ единственная родственница ея, тетка, умерла во время пребыванія ея въ пансіонѣ. По окончаніи курса судьба обѣихъ подругъ была довольно печальна. Маргарита переносила много обидъ и оскорбленій отъ своей благодѣтельницы, содержательницы пансіона, упрекавшей ее при всякомъ удобномъ случаѣ кускомъ хлѣба. Калерія страдала, въ домѣ родителей, черезъ суровый нравъ отца, бѣдность и собственную неспособность къ работѣ. Маргарита носила въ пансіонѣ кличку «дармоѣдки», а Калерія дома — «барышни-бѣлоручки». На второй годъ судьба молодыхъ дѣвушекъ (имъ было уже свыше семнадцати лѣтъ) измѣнилась.

Содержательница пансіона, желая по скорѣе

сбыть съ рукъ Маргариту, часто брала ее въ зимнее время на вечера съ танцами къ своимъ знакомымъ, которыхъ у нея было множество. На одномъ изъ такихъ вечеровъ дѣвушка познакомилась съ молодымъ офицеромъ, изъ мѣстнаго гарнизоннаго батальона, подпоручикомъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Цвѣтковымъ. Ему было лѣтъ 26. Онъ былъ очень красивый brunetъ, учился въ корпусѣ, но за какую-то шалость сосланъ въ гарнизонъ, прекрасно танцоваль, рисоваль немножко, а особенно удачно карикатуры, мастеръ былъ подмѣчать смѣшное и ѣдко острить; писалъ небольшія стихи, которые не дурно, съ чувствомъ декламировалъ и имѣлъ тому подобные таланты. Иногда онъ заводилъ рѣчь о музыкѣ, о литературѣ, общалъ Маргаритѣ дать читать «Отечественныя записки», «Современникъ», сочиненія Некрасова и прочее. Цвѣтковъ разузналъ о всѣхъ знакомыхъ домахъ, гдѣ бывала съ Маргаритою содержательница пансіона, познакомился съ ними въ свою очередь и не пропускалъ ни одного вечера, на которомъ онъ могъ-бы встрѣтиться съ дѣвушкою. Мало-по-малу, молодые люди, какъ говорится, влюбились другъ въ друга. Благодарительница Маргариты, хотя и замѣчала сближеніе молодого офицера со своею воспитанницею и зорко, на всякій случай, слѣдила за нею, но не только не препятствовала сближенію, а даже поощряла, пригласивъ Цвѣткова бывать у себя въ домѣ. Осо-

бенно страстно влюбился подпоручикъ. Все это кончилось полученіемъ въ одно утро содержательницею пансіона письма отъ Цвѣткова, въ которомъ онъ просилъ ее осчастливить его рукою Маргариты... Съ дѣвушкой онъ переговорилъ объ этомъ предварительно. Предложеніе, какъ и ожидать должно, было принято. На счетъ взноса ценза, согласно воинскаго устава, при безприданности невѣсты, кое-какъ, по знакомству съ батальоннымъ командиромъ гарнизона, дѣло было улажено, и свадьба послѣдовала, за предложеніемъ, недѣли черезъ двѣ. Видя безкорыстную женитьбу Цвѣткова, Маргарита приписала ее доказательствомъ серьезной любви къ себѣ, а не страстному порыву молодого человѣка къ молодой дѣвушкѣ... Порывъ этотъ, при другой ея обстановкѣ, могъ бы кончиться и иначе... Маргарита Васильевна въ то время была дитя, неопытное въ жизни и въ оцѣнкѣ людей. Она считала Цвѣткова за образецъ совершенства: за человѣка умнаго, дѣльнаго и благороднѣйшаго...

Первое полугодіе новобрачные прожили весело и были довольны другъ другомъ, хотя ихъ посѣщала иногда и нужда. Цвѣтковъ просто не отходилъ отъ своей прелестной жены...

Супружеское счастье Цвѣтевыхъ можетъ быть продолжалось-бы и долго, но на бѣду подпоручикъ лишился службы и черезъ это пошли большія перемѣны. Онъ поссорился сначала за что-то съ

адъютантомъ, потомъ, разгорячася, надѣлалъ дерзостей батальонному командиру и ему предложили подать въ отставку, съ предувѣдомленіемъ, что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ представленъ къ увольненію безъ прошенія... Сначала Цвѣтковъ не унывалъ, поступилъ на службу писцомъ въ канцелярію губернатора съ переименованіемъ въ губернскіе секретари и надѣялся вскорости получить мѣсто становаго пристава, или, на крайность, гдѣнибудь секретаря... Но, увы!—не прошло мѣсяца, какъ мечты его разбились въ прахъ... Онъ увидѣлъ полную свою неспособность къ гражданской службѣ, а впослѣдствіе и къ чемунибудь, кромѣ фронта, маршировки и умѣнія болтать о чемъ угодно, при всѣхъ своихъ разнообразныхъ талантахъ... Можетъ быть онъ и былъ-бы въ состояніи составлять нѣкоторыя незначительныя бумаги по канцеляріи, или вести, на примѣръ, входящій журналъ, если-бы онъ попался опытному секретарю или столоначальнику, которые растолковали-бы ему въ чемъ суть и указали на форму, принимая въ немъ участіе, но Цвѣткова, на первыхъ порахъ, по обыкновенію, посадили за переписку, къ которой онъ былъ положительно несроденъ, по своей разсѣянности и не аккуратности. Онъ поминутно пропускалъ слова, иногда цѣлыя строки, перевиралъ неразбираемое и такъ далѣе. Часто, переписывая какую-нибудь ничтожную бумаженку въ шесть-семь строкъ, Цвѣтковъ портилъ по десяти, пят-

надцати бланковыхъ листовъ. Штатнаго оклада жалованья писцамъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ не полагается, а каждый изъ нихъ получаетъ по мѣрѣ своихъ трудовъ и усердія: отъ 5 до 25 рублей, а иногда болѣе. Но Цвѣткову на первый мѣсяць не выдали ни копѣйки, замѣтивъ, что онъ только «переводить бумагу...» На слѣдующій мѣсяць, изъ милости, дали пять рублей, тогда какъ товарищи его, писцы, мальчики, недавно выпущенные изъ уѣзднаго училища, получили отъ десяти до двадцати рублей. Частныхъ службъ въ городѣ для Цвѣткова почти не было, а если и были, то преимущественно у купцовъ, которые, въ провинціи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ни за что не приняли бы къ себѣ въ услуженіе «благороднаго», офицера. Самолюбіе Цвѣткова страшно страдало, но онъ скоро нашель себѣ для него нѣкоторое удовлетвореніе. Онъ началъ рассказывать въ канцеляріи не скромные анекдоты, свои любовныя похожденія и декламировать стихи.

Между чиновниками нашлось много не только слушателей и почитателей таланта Цвѣткова, но даже и подражателей. По окончаніи службы, слушатели и почитатели приглашали Цвѣткова зайти въ трактиръ, гдѣ и угощали его на свой счетъ, списывали тамъ стихи и заставляли рассказывать анекдоты. Около Цвѣткова образовывался цѣлый кругъ изъ половыхъ и постороннихъ посѣтителей трактира. Постепенно Цвѣтковъ на этомъ поприщѣ

приобрѣлъ огромную популярность. Служба была положительно оставлена и Цвѣтковъ цѣлые дни проводилъ въ трактирахъ, въ томъ или другомъ, гдѣ находилъ людей, готовыхъ за его анекдоты напоить его и гдѣ восхищались и удивлялись его памяти, уму и дарованіямъ.

Я слишкомъ распространился о личности этого господина; но изъ моего разсказа рельефнѣе можно представить, что испытывала его молодая жена, при такомъ поведеніи мужа? Это избавляетъ меня отъ описанія ея страданій. Бѣдность Цвѣтковыхъ въ это время дошла до вопіющихъ размѣровъ...

Не получая ни откуда помощи и средствъ къ существованію, они на первыхъ порахъ жили продажею, не нужныхъ уже теперь, оставшихся офицерскихъ вещей, потомъ приступили къ закладыванію и продажѣ ложекъ, самовара, постели, подушекъ, носимаго платья и бѣлья. Наконецъ, ни продавать, ни закладывать больше уже ничего не было. Наступила зима. Комната оставалась не топлённою. Цвѣтковы давно переселись изъ прежней своей чистенькой квартиры въ подвалъ съ каменнымъ поломъ. Ко всему этому нужно еще присоединить то, что Маргарита Васильевна была въ интересномъ положеніи при послѣднихъ мѣсяцахъ... Мужъ наѣдался въ трактирахъ, жена по нѣскольку дней перебивалась то жиденькимъ чаемъ, то кускомъ хлѣба съ водою, калачемъ, кашею и изрѣдко стаканомъ молока. Переносимая

женою бѣдность не только не возбуждала въ Цвѣтковѣ состраданія, а, напротивъ, раздражала и ожесточала его, и онъ съ каждымъ днемъ становился къ ней грубѣе и несправедливѣе. Кроткое замѣчаніе Маргариты Васильевны, по поводу заявленія его, на третій мѣсяць службы, о неспособности своей служить по гражданскому вѣдомству: «что со временемъ онъ привыкнетъ», привело Цвѣткова въ такую ярость, что онъ бросился къ своей женѣ со сжатыми кулаками... Онъ возвращался домой постоянно поздно, по закрытіи трактировъ, пьяный и сейчасъ-же принимался упрекать ни въ чемъ неповинную свою жертву, что она заѣдаетъ его жизнь... «Безъ тебя я-бы давно уѣхалъ отсюда, нашель-бы себѣ мѣсто и жиль-бы прекрасно».

— Ну, такъ оставь меня, если я тебѣ въ тягость,—сказала выведенная изъ границъ терпѣнія Маргарита.

— А! Оставь!.. Тебѣ, видно, этого хочется?... Зачѣмъ послѣдовалъ градъ оскорбленія.

Когда-же Маргарита, однажды, осмѣлилась и сама упрекнуть мужа въ нетрезвомъ поведеніи и странномъ обращеніи съ проживавшей въ ихъ домѣ прачкою, толстою, курносою женщиною, то иступленіе Цвѣткова достигло до такихъ предѣловъ, что онъ не могъ удержаться и страшно, до синяковъ, избилъ свою жену.

Но, несмотря на такой образъ жизни своего

мужа и на то, что она стала понимать, что Цвѣтковъ, кромѣ балагурства, ни на что неспособный человѣкъ, чувство любви къ нему въ груди молодой женщины не совсѣмъ исчезло. Она давала большую цѣну его безкорыстной на ней женитьбѣ и извиняла многіе его проступки неудачею по службѣ и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. (Тогда какъ Цвѣтковъ и при самомъ блестящемъ состояніи своихъ дѣлъ, остался-бы вѣренъ самому себѣ: былъ-бы балагуромъ, кутилой, несправедливымъ къ женѣ и невѣрнымъ ей...). Однако, какъ ни оправдывала Маргарита Васильевна въ своихъ глазахъ мужа, но самое положеніе дѣлъ ясно показало ей, что рассчитывать на помощь ей нечего, а нужно самой прискивать себѣ средства къ существованію и, мало того, поддерживать еще мужа. Г-жа Цвѣткова начала отыскивать себѣ работу. Женскій трудъ, въ провинціи, въ то время, еще вовсе развитъ не былъ.

Поступить въ лавку или въ магазинъ, конторщицею или приказчицею, считалось для молодой женщины предосудительнымъ. Да ее-бы никто и не принималъ, если-бъ она и искала этихъ мѣсть.

Желѣзная дорога изъ того губернскаго города еще проведена не была; въ телеграфной станціи служили мужчины. Оставалось брать срочное шитье въ магазинахъ, или найти уроки дѣтямъ.

Послѣ долгихъ поисковъ Маргарита Васильевна отыскала и то и другое: въ одномъ магазинѣ ей дали

шить мужскія рубашки съ выстроченною грудью, по 75 коп. за штуку, надъ которою, при отвлеченіяхъ по хозяйству, нужно было просидѣть, при пристальной работѣ, не менѣе трехъ дней, и урокъ— по 50 коп. за часъ; но этотъ урокъ былъ не ежедневный, а только два раза въ недѣлю. Такимъ образомъ, она выработывала въ мѣсяцъ около двѣнадцати рублей: 7¹/₂ руб. за шитье и 4¹/₂ руб. за уроки. Бѣдность Цвѣтковыхъ нѣсколько уменьшилась, но существовать вдвоемъ на эти деньги, при дороговизнѣ въ ихъ городѣ, было невозможно, тѣмъ болѣе, что Владиміръ Сергѣевичъ, изъ этихъ трудовыхъ 12 руб., частенько бралъ четвертаки и двугривенные на водку, папиросы, помаду, починку сапогъ и прочее. Между тѣмъ, интересное положеніе замужней женщины приблизилось къ разрѣшенію. За нѣсколько дней предъ этимъ, она уже не могла ни работать, ни ходить на урокъ. Слѣдовательно, разрѣшеніе случилось при полнѣйшемъ безденежьи. Мужъ, подъ предлогомъ, что у него слабые нервы и онъ не можетъ слышать криковъ страданій, ушелъ изъ дому въ трактиръ и явился лишь черезъ сутки... Къ счастью, во время страданій молодой женщины, въ комнату ея зачѣмъ-то вошла старуха кухарка сосѣдей и восприняла младенца—крошечнаго и красненькаго мальчика...

Дѣло происходило вечеромъ. Цѣлую ночь больная провела въ безпамятствѣ. Утромъ она опом-

нилась и пришла въ ужасъ отъ того положенія, въ которомъ находилось. Ожидать помощи было не отъ кого, на мужа не было никакой надежды... Какъ вдругъ она вспомнила о Калеріи, своей пансіонской подругѣ, которая по окончаніи курса въ пансіонѣ поступила въ очень богатый домъ гувернанткой и жила съ этой семьей въ имѣніи. Подруги хотя рѣдко, но переписывались и не давно Цвѣткова узнала, что Калерія вышла замужъ за богатаго человѣка, совѣтника казенной палаты, нѣкоего Завальскаго, котораго Маргарита Васильевна не знала лично.

Вспомнивъ о своей подругѣ, молодая женщина оживилась и приступила къ заходившей къ ней по временамъ провѣдать о ея здоровьѣ кухаркѣ съ неотступными мольбами: разузнать адресъ Завальской и отнести ей письмо. Тронутая несчастнымъ положеніемъ Цвѣтковой, старуха согласилась. Маргарита Васильевна написала лишь нѣсколько словъ: «Милая Калерія! Я нахожусь въ самъ безпомощномъ положеніи... Родила младенца... Христа ради, спаси меня!.. Навести тотчасъ-же.»

«Твоя Маргарита».

Въ концѣ письма она приложила свой адресъ.

Можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала Маргарита Васильевна отвѣта на свое письмо. Каждый часъ, по уходѣ посланной, ей казался безконечнымъ. Старуха-кухарка ушла

по подачѣ кушанья своимъ господамъ, часа въ три, а возвратилась около шести.

— Ну, что?—спросила ее нетерпѣливо Цвѣткова,—видѣла?.. Что она сказала?..

— Ухъ!—отвѣчала усталая старуха,— видѣла, какъ-же не видѣть... Онѣ сказали, что завтра утромъ приѣдутъ.

Сердце молодой женщины сжалось. Она ждала не такого отвѣта... Она думала, что по полученіи ея записки, Калерія сейчасъ же прилетитъ къ ней.

— Что-же она разспрашивала обо мнѣ?—спросила Маргарита Васильевна старуху.

— Нѣтъ, не разспрашивали...

«Видно и Калерія измѣнила мнѣ», — подумала Цвѣткова.

IV.

Калерія Фомичева вышла замужъ по настоянію своихъ родителей, за начальника отца по службѣ, совѣтника, Василия Васильевича Завальскаго, старика, лѣтъ 58. Завальскій видѣлъ Калерію довольно часто въ домѣ одного своего сослуживца, ассесора палаты; красота дѣвушки обратила на себя его вниманіе и, узнавши чья она дочь, совѣтникъ послѣ нѣкотораго раздумья, велѣлъ однажды старику Фомичеву, какъ своему подчиненному, придти къ себѣ на квартиру, гдѣ спокойно въ кабинетѣ

и сдѣлать чрезъ него предложеніе Калеріи. Старики Фомичевъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Такой блестящей карьеры онъ никогда и не ждалъ для дочери. Но Калеріи совѣтникъ вовсе не понравился и она было заупрямилась; однако, это упрямство скоро сломали. Завальскій былъ человѣкъ очень не глупый, въ молодыхъ годахъ красивый и съ нѣкоторымъ образованіемъ; слѣды красоты и теперь еще были замѣтны, не смотря на сѣдину и лѣта; но подѣ старость лѣтъ характеръ его сдѣлался деспотичнымъ и въ немъ развилась страсть, какъ и во всѣхъ старыхъ холостякахъ, къ скупости, которая превосходила подчасъ даже плюшкинскую. Калерія въ домѣ своего мужа не имѣла ровно никакого значенія и не могла добровольно распорядиться ни одной полушкою. Всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ завѣдывалъ самъ Завальскій. Самъ онъ ходилъ на базаръ, закупалъ провизію и отдавалъ на вѣсъ кухаркѣ. Ключи отъ кладовой, погреба, шкафовъ, сундуковъ и прочаго находились у него и онъ не довѣрялъ ихъ ни прислугѣ, ни Калеріи. По наружной обстановкѣ, занимая большую и хорошо меблированную квартиру, Завальскіе, казалось, жили прилично. На самомъ-же дѣлѣ совѣтникъ отказывалъ себѣ и женѣ во всемъ. Особенно скупъ онъ былъ въ пищѣ. Завтракъ состоялъ изъ двухъ куриныхъ яицъ для мужа и жены, а обѣдъ—изъ бульона и пары котлетъ мизерной величины, такъ, что Калерія постоянно

вставала изъ-за стола голодною. Чай, подаваемый въ ихъ домѣ, можно было развѣ только изъ приличія назвать чаемъ: въ сущности это была тепленькая водица, прикрашенная чѣмъ-то желтымъ, безъ всякаго чайнаго запаха. Какъ не скрывалъ Завальскій свою скупость, но о ней знали въ городѣ всѣ его знакомые и у него почти не бывалъ никто, исключая семействъ, которыхъ заставляли навѣщать его служебныя отношенія. Единственными развлеченіями для молодой женщины, посреди томившей ея въ домѣ мужа скуки, было фортепіано, которое онъ приобрѣлъ ей на аукціонѣ, благодаря необыкновенной дешевизнѣ. Калерія играла съ утра до вечера и достигла большого совершенства въ технику; другимъ развлеченіемъ ея было чтеніе. Завальскій самъ любилъ читать и бралъ книги изъ мѣстной публичной библіотеки. Своей собственной у него не было.

Маргарита Васильевна ошиблась, предполагая, что подруга отнеслась къ ея письму не всей душой. Если-бы письмо получилось утромъ, когда мужъ на службѣ, то она пошла-бы къ ней тотчасъ-же, вмѣстѣ съ посланною, но Завальскій былъ дома и уйти безъ его спроса ей было невозможно. Притомъ, пробѣгая записку своей подруги, у молодой женщины мелькнуло въ головѣ: «Бѣдная! Можетъ быть, у нея нѣтъ куска хлѣба?.. Ей нужны деньги!» а въ распоряженіи Калеріи не было даже гривенника. Посланная Маргариты Ва-

сильевны не совсѣмъ правильно передала ей свое посѣщеніе Завальской. Прочитавъ записку, Калерія не въ ту-же минуту отвѣтила старухѣ, что пріѣдетъ къ Маргаритѣ завтра утромъ, а уйдя отъ нея во внутреннія комнаты и возвратившись оттуда, спустя нѣсколько минутъ... Она ходила въ кабинетъ мужа просить его о помощи. Это была первая просьба молодой женщины за все время ея замужества.

Завальскій, при входѣ своей жены къ нему, полуспалъ на диванѣ и находился въ дурномъ настроеніи духа. Калерія объяснила ему, что она пришла къ нему съ просьбой и рассказала о своей дружбѣ съ Маргаритою; потомъ показала письмо и начала проситься объ отпускѣ ея къ подругѣ и деньгахъ.

— Какая тамъ подруга?—брезгливо отвѣчалъ Завальскій.—Мало-ли ихъ тамъ было у тебя въ пансіонѣ! Какая нибудь дрянь, попрошайка. Насплетничали ей, что ты вышла замужъ, будто-бы за богатаго человѣка, вотъ она и конючить... Что это у ней за ребенокъ? Можетъ быть незаконно-рожденный?..

— Нѣтъ, она замужняя женщина.

— Зачѣмъ пла за голяка?.. Я женился на тебѣ вовсе не съ филантропическою цѣлью помогать всѣмъ твоимъ нищимъ-подругамъ... Да, у меня нѣтъ и средствъ, я человѣкъ бѣдный, живу жалованіемъ, взятокъ не беру... Опять отпускать

тебя къ незнакомымъ мнѣ людямъ, можетъ быть, въ вертепъ нищеты или разврата, я тоже не намѣренъ. Я не могу дозволить тебѣ компрометировать себя и меня...

— Что-же мнѣ отвѣчать посланной Маргариты?—спросила молодая женщина, со страдальческою миною складывая вмѣстѣ пальцы обѣихъ рукъ.

— Отвѣчай ей, — посовѣтовалъ Завальскій, на словахъ, — что теперешняя твоя обстановка и положеніе въ обществѣ препятствуютъ тебѣ продолжать прѣжнія знакомства, завязанныя въ дѣтствѣ, а потому ты не можешь навѣстить ее.

Но Калерія, какъ извѣстно, передала посланной Маргариты другой отвѣтъ. Душа ея рвалась къ своей подругѣ. Она рѣшилась навѣстить ее, вопреки совѣтамъ мужа, не взирая ни на какія mogućія быть непріятныя послѣдствія. Но ее беспокоила мысль: какъ найти средства помочь Маргаритѣ?.. Придумывая постройку разныхъ плановъ, она не спала цѣлую ночь. На другой день, по утру, лишь только Завальскій вышелъ изъ дому на службу, Калерія открыла послѣшно шкафъ съ своимъ скуднымъ гардеробомъ и стала искать тамъ вещей, которыя была намѣрена продать.

За этимъ занятіемъ ее застала горничная Даша, молодая красивая дѣвушка, искренно ей преданная.

— Что вы ищете барыня?—спросила она.

Калерія подумала и, нуждаясь въ помощи Даши относительно сбыта вещей, рассказала ей все откровенно.

— Значить вамъ деньги нужны?—замѣтила она.

— Да.

— Что же, я думаю, достать можно, только для чего-же вамъ продавать вещи? не равно ихъ хватится баринъ. И много-ли вы выручите за нихъ? Къ тому-же у васъ платья всѣ на перечесть.

— Но какъ-же иначе достать денегъ?

— Подъ росписку, за проценты. Васъ въ городѣ всѣ знаютъ, чья вы жена и какое у вашего мужа состояніе. Всякій процентщикъ дастъ... А тамъ, дальше, какъ нибудь заплатите... Не сейчасъ спросятъ съ васъ деньги... Возьмите хоть на годъ. Ну, повинитесь передъ бариномъ, разсердится, да и простить... Не снесетъ-же онъ съ васъ, въ самомъ дѣлѣ, голову?...

Калерія колебалась не долго. Любовь къ подругѣ побѣдила страхъ. Завальская наскоро одѣлась и пошла съ Дашею къ ростовщику. Даша не ошиблась, ростовщикъ узналъ въ Калеріи совѣтницу Завальскую и согласился выдать ей подъ росписку денегъ. Сумму и условія онъ самъ назначилъ: сто рублей, срокомъ на два лишь мѣсяца и по пятнадцати копѣекъ съ рубля процентовъ въ мѣсяць. Ростовщикъ былъ отставной полковой аудиторъ, старикъ лѣтъ пятидесяти, изъ евреевъ, въ дѣтствѣ взятый въ кантонисты, гдѣ принялъ

православіе и, по выпускѣ изъ батальона писаремъ, дослужился въ этомъ званіи до четырнадцатаго класса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до должности аудитора. Физіономія его носила ясныя слѣды еврейскаго происхожденія. Онъ имѣлъ большую лысую голову, съ длинными пучками сѣдыхъ волосъ на вискахъ, въ родѣ пейсовъ, черныя, блестящія и, въ то-же время, слезившіеся глаза, горбатый носъ, тонкія ввалившіяся губы и выдавшійся впередъ подбородокъ. По нравственнымъ качествамъ аудиторъ Новодережкинъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ собратьевъ по ремеслу—ростовщиковъ, соединяя въ себѣ ихъ пронырство, жадность и безсострадательность къ своимъ кредиторамъ, увѣряя всѣхъ, при этомъ, что онъ бѣдный, несчастный старикъ, что онъ самъ достаетъ деньги и платитъ большіе проценты, жертвуя на помощь ближнимъ послѣдними крохами, что его всѣ обманываютъ, не отдають въ срокъ и такъ далѣе. Получивъ деньги съ ростовщика, Калерія съ Дашею взяли извозчика и поспѣшили къ Цвѣтковой.

Свиданіе обѣихъ подругъ было чрезвычайно трогательно. Видимая нищета и печальное положеніе Маргариты поразили до глубины души чувствительную Калерію. Ей захотѣлось сейчасъ-же улучшить обстановку своей несчастной подружки и доставить все необходимое ей и ея ребенку, которому она вызвалась быть крестною матерью. Завальская отозвала Дашу въ сторону, посовѣто-

валась съ нею и поручила отправиться за всѣми покушками и не щадить денегъ до послѣдней копейки.

Даша исполнила ея порученіе скоро и добросовѣстно. Она привезла съ собою нѣсколько мебели, качку для новорожденнаго, матрацъ, подушки, одѣяльца, бѣлье для него и матери, капоть... Оставшіеся деньги она передала Маргаритѣ. При этомъ Калерія стала извиняться, что не могла навѣстить больную вчера.

Молодые женщины изъ короткаго и ничего, по видимому, не значущаго разговора, поняли другъ друга.

При всемъ желаніи своемъ продлить подольше свиданіе съ Маргаритою, къ двумъ часамъ Калерія, опасаясь ранняго прихода мужа, принуждена была ее оставить, обѣщаясь навѣстить завтра. Само собою разумѣется, что объ отсутствіи своемъ и посѣщеніи Цвѣтковой, молодая женщина не сказала мужу.

Возвратившійся вечеромъ Владиміръ Сергѣевичъ былъ очень удивленъ улучшеніемъ обстановки въ своей квартирѣ и видимому благосостоянію жены. На столѣ лежали свертки разныхъ припасовъ, стояла голова сахару и прочее. Прежде чѣмъ спросить Маргариту о ея здоровьѣ и о ребенкѣ, онъ задалъ вопросъ: «откуда все это?» и, получивъ отвѣтъ, упрекнулъ свою жену: «зачѣмъ ей въ голову не пришла ранѣе мысль обратиться къ Калеріи?»

Затѣмъ Владиміръ Сергѣевичъ сталъ очень ласковъ и нѣженъ и цѣловаль ребенка, а когда увидѣлъ у жены своей деньги и она предложила ему купить, если онъ хочетъ, для себя водки, пришелъ въ самое благодушнѣйшее состояніе, что послѣ третьей рюмки, бывшей въ этотъ день, можетъ быть, съ утра тридцатой, сочинялъ премиленькіе стихи на режденіе своего ребенка, которому рѣшилъ дать имя Всеволодъ, въ честь одного своего любимаго писателя, въ особенности за его эротическія произведенія. Утромъ, ожидая визита Калеріи къ своей женѣ, онъ признался своей наружностью: тщательно обрился, припомадился, закрутилъ усы, вываксилъ, «какъ стекло», сапоги и долго любовался собою въ зеркало, принимая разныя позы: то улыбаясь, то закатывая глаза. Но молодая женщина, хотя поздоровалась и попрощалась съ нимъ довольно любезно, во все остальное время своего пребыванія у Маргариты, не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Во первыхъ, Калерія была внутренно предубѣждена противъ Цвѣткова за его отношенія къ своей подругѣ, а во вторыхъ, онъ показался ей фатомъ. Дѣйствительно, всегда присутствующее Владиміру Сергѣевичу фатовство, какъ-то скрывалось прежде, теперь-же оно выказывалось крайне рельефно; къ тому же, постоянное трагическое времяпровожденіе положили слѣды на его манеры. Такое невниманіе къ своей особѣ оскорбило Цвѣткова и онъ, по уходѣ Калеріи, отозвался о ней не особенно лестно.

Завальская такъ рада была, что ей удалось извлечь свою подругу изъ нужды и во время помочь ей, что забыла объ ожидавшихъ ее неприятностяхъ отъ мужа, по случаю сдѣланнаго займа. Ко дню крещенія маленькаго Всеволода, у Калеріи не было денегъ и она вновь признала у ростовщика двадцать пять рублей. Старая росписка была замѣнена другою, при чемъ Новодережкинъ потребовалъ, чтобы въ нея были включены за два мѣсяца, тридцать рублей, проценты и новый заемъ, что составляло сумму въ 155 рублей; затѣмъ онъ предложилъ Калеріи отсрочить долгъ на три мѣсяца, но съ тѣмъ, чтобы въ росписку еще включить за это время вторичные проценты со ста пятидесяти рублей. Такимъ образомъ, новая росписка была дана Завальскою уже на 254 рубля 75 коп.

Черезъ двѣ недѣли, послѣ родовъ, Маргарита оправилась отъ болѣзни и принялась за свои прежнія труды еще съ большимъ усердіемъ; но ребенокъ, къ которому она была сильно привязана, много отнималъ у нея времени и она съ величайшимъ трудомъ вырабатывала тѣ-же несчастные двѣнадцать рублей. Владиміръ Сергѣевичъ также велъ прежнюю жизнь, съ тою лишь переменною, что теперь, надѣясь на помощь крестной матери своего Всеволода, онъ сдѣлался беззаботнѣе прежняго и бралъ мелочь у жены, мѣнѣе стѣсняясь. Улучшенное помощью Калеріи на

время положеніе Цвѣтковыхъ съ каждымъ днемъ начало приходитъ въ старое разстройство и, наконецъ, они вновь впади въ такую же бѣдность, въ какой застала ихъ Калерія. Завальская часто навѣщала подругу и своего крестника, замѣчала усиливавшуюся съ каждымъ днемъ бѣдность, негодовала на тунеядство Цвѣткова и душевно страдала Маргаритѣ, но помочь ей была не въ состояніи. По женскому инстинкту Маргарита чувствовала, что роль Калеріи въ домѣ ея мужа должно быть незавидная и безотрадная; на эту мысль навело ее даже то простое обстоятельство, что сама Калерія бывала у нея, но къ себѣ въ домъ она никогда не приглашала свою подругу. Калерія-же не такъ себя держала и не принадлежала къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя могли-бы стыдиться ея бѣдности. Значить на это были другія болѣе важныя, семейныя причины. Маргарита вовсе не ожидала отъ своей подруги благодѣяній и онѣ тяжелы ей были; но она сама замѣчала, что Калерія страшно страдаетъ, что не оказываетъ ей помощи; слѣдовательно, у ней не было на это средствъ, и здѣсь молодая женщина догадалась, смотря на грустное личико Калеріи, что можетъ быть и первая ея помощь была куплена дорогою цѣною. Владиміръ Сергѣевичъ думалъ иначе: зная, что совѣтникъ Завальскій старикъ, онъ предполагалъ, что молодая и хорошенькая Калерія должна вертѣть имъ, какъ ей угодно. Онъ обвинялъ по-

другу своей жены въ ханжествѣ, скряжничествѣ и настаиваль, чтобы Маргарита требовала отъ нея денегъ для ея крестника. Онъ дѣлалъ объ этомъ довольно грубые намѣки и самой Калеріи, что заставляло еще больше страдать молодую женщину. По этому предмету между супругами происходили большія ссоры. Впрочемъ, ссоры у Цвѣтковыхъ бывали безпрестанно и безъ всякихъ поводовъ и Калеріи неоднократно случалось быть свидѣтельницею ихъ и миротворительницею. Цвѣтковъ церемонился съ Завальскою только при первомъ знакомствѣ.

V.

Наступили осень и срокъ платежа для Завальской по роспискѣ ростовщику денегъ. Положеніе молодой женщины было крайне критическое: во-первыхъ, старикъ Завальскій, по случаю ненастной погоды, мучился ревматизмомъ и находился о самомъ брюзгливомъ настроеніи духа, при которомъ ей невозможно было признаться въ своемъ долгѣ, а во-вторыхъ, ей необходимо было помочь Маргаритѣ, у которой, по несчастному стеченію обстоятельствъ, въ это время умеръ ребенокъ, и на погребеніе его не было средствъ. Она рѣшилась идти къ ростовщику просить его еще объ отсрочкѣ и новой ссудѣ. Новодережкинъ на этотъ разъ во-

все не былъ къ ней такъ благосклоненъ, какъ въ первые два. Онъ заставилъ молодую женщину умолять себя со слезами и чуть не на колѣняхъ. Однако, въ концѣ концовъ, смиловался: далъ ей отсрочку еще на три мѣсяца и ссудилъ пятьюдесятью рублями. Новая росписка была уже на сумму триста девяносто восемь рублей 50 коп. За то ребенокъ Цвѣтковыхъ былъ похороненъ и Калерія удалось еще разъ помочь своей подругѣ. Черезъ три мѣсяца росписка у ростовщика вновь была перемѣнена и отсрочена на полгода, съ клятвенными обѣщаніями: со стороны Калеріи, что это дѣлается въ послѣдній разъ, а со стороны Новодережкина, что больше онъ отсрочки уже давать не будетъ. Калерія успѣла въ своей просьбѣ, предложивъ ростовщику двойные проценты, то есть не по 15, а по 30 коп. на рубль, что составило всего къ уплатѣ тысячу сто пятнадцать рублей восемьдесятъ копѣекъ. Принимая вексель отъ Калеріи, Новодережкинъ былъ убѣжденъ, что молодая женщина не заплатитъ своего долга въ новый срокъ, такъ-же, какъ и въ предыдущіе и что ему придется вести дѣло съ самимъ Завальскимъ. Ростовщику было хорошо извѣстно, что, по закону, мужъ неплательщикъ за жену, но, такъ какъ сумма въ роспискѣ была не велика, то онъ надѣялся, что совѣтникъ не доведетъ свою жену до публичнаго позора, напр., до ареста, какъ неисправную должника или, даже, до взысканія, — сжалятся

надъ нею и заплатить; но когда сумма достигла цифръ тысячи рублей, то, при всемъ соблазнѣ своемъ ея, онъ сталъ побаиваться: какъ-бы Завальскій не пожертвовалъ своею женою, не отказался бы отъ уплаты, потому что старикъ совѣтникъ былъ извѣстенъ ему за величайшаго скупца. Но Новодережинъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ: Калерія принесла ему въ срокъ всю сумму сполна. Ростовщикъ былъ крайне удивленъ, гдѣ могла Калерія достать деньги, сомнѣваясь чтобы Завальскій безпрекословно выдалъ ей такой кушъ, не наводя никакихъ у него справокъ, и смотрѣлъ на молодую женщину испытующимъ взглядомъ. Она была очень блѣдна и разстроена.

VI.

Вмѣстѣ съ уплатою ростовщику долга, въ характерѣ Калеріи, и даже, отчасти, въ ея обстановкѣ, произошла замѣтная перемѣна, которая не ускользнула отъ Маргариты и ея мужа. Навѣщая Цвѣтковыхъ, Калерія порою была чрезвычайно грустна, а иногда въ такой-же степени весела и то казалась сосредоточенною на какой-то занимавшей ее мысли, то крайне разсѣянною. Она порывалась открыть Маргаритѣ какую-то тайну, но удерживалась... Высказывала странные намеки, называя себя то счастливицею, то преступницею... Наруж-

ностью своею она стала заниматься гораздо болѣе прежняго, и въ портмонѣ ея постоянно были деньги, которыми она охотно надѣляла, почти при всякомъ своемъ посѣщеніи, небольшими суммами, въ 3 и 5 р., свою подругу и Владиміра Сергѣевича, который, вслѣдствіе этого, перемѣнилъ о ней мнѣніе. Отношенія ея къ Маргаритѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлались страннѣе, она, какъ будто-бы, стыдилась ея и избѣгала всякаго задушевнаго разговора.

На слѣдующую весну въ судьбѣ Маргариты произошла важная перемѣна: она овдовѣла. Въ послѣднее время Владиміръ Сергѣевичъ почти никогда не бывалъ дома, и являлся лишь изрѣдка, иногда къ обѣду, а иногда на ночлегъ. Однажды весною, въ сообществѣ достойныхъ себѣ товарищей, Цвѣтковъ отправился, при сильномъ вѣтрѣ, кататься на утлой лодкѣ и наловить рыбы. Дорогою въ лодкѣ онъ началъ, на срединѣ рѣки, шалить: вставлялъ и выдѣлывалъ разныя па, какъ вдругъ поскользнулся, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду. Вытащили его не тотчасъ и безъ всякихъ признаковъ жизни. О смерти его ходили и другіе слухи: будто-бы Владиміръ Сергѣевичъ былъ столкнутъ въ рѣку умышенно ревнивымъ мужемъ, но судебнымъ слѣдствіемъ заподозрѣнное лицо было оправдано.

Похоронивъ, при пособіи Калеріи, своего мужа и сдѣлавшись совершенно свободною, Маргарита задумывалась надъ вопросомъ: оставаться-ли ей въ

губернскомъ городѣ Х., въ которомъ она жила, или уѣхать изъ него куда нибудь подальше?.. Жизнь въ Х. молодой женщинѣ была тягостна по тяжелымъ воспоминаніямъ, по тѣмъ сострадательнымъ и обиднымъ взглядамъ, которые бросали на нее знавшіе скандальный образъ жизни и загадочную смерть ея мужа, по невозможности прочно устроить въ этомъ противномъ для нея городѣ, даже по наружному виду, свою будущность и, сверхъ того, по скудности заработка. Объ этомъ предметѣ она рѣшила посоветоваться съ своею подругою.

Калерія была въ восторгѣ отъ мысли Маргариты и совѣтывала ей прямо ѣхать искать счастья въ Петербургѣ, какъ центрѣ русской цивилизаціи, причемъ сулила молодой женщинѣ блестящую будущность. Маргарита внутренно сама раздѣляла совѣтъ своей подруги: ей хотѣлось видѣть пышную столицу, свѣтъ, жизнь. Но она думала предпринять туда поѣздку, скопивъ нужную, незначительную для этого сумму денегъ. Путь не требовалъ большихъ средствъ, такъ какъ изъ Х. уже была открыта желѣзная дорога до Москвы, а тамъ — по Николаевской — и Петербургъ... Калерія же настаивала, чтобы Маргарита неоткладывала дѣла въ долгій ящикъ и отправлялась-бы немедленно, прося принять отъ нея на дорогу помощь. Маргарита тронута была до слезъ добротою къ себѣ подруги, но отказывалась отъ ея денегъ.

— «Ты уже и такъ много издержала на меня,— замѣтила онъ ей,—вспомни Калерія, вѣдь, деньги, собственно говоря, не твои, а твоего мужа... Въ правѣ-ли ты такъ пользоваться его добротою и такъ безконтрольно тратить его средства?»

При этомъ замѣчаніи кровь бросилась въ лицо Калеріи и она тяжело вздохнула.

— «Моего мужа?»—спросила она какъ-то странно, въ раздумьи и затѣмъ прибавила быстро: «Ну, это дѣло мое!.. Прошу тебя Маргарита, ради Бога, не отвергай моей помощи! Дай мнѣ сдѣлать доброе дѣло... И, если тебя посѣтитъ нужда, — пиши мнѣ...»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора Маргарита уѣхала въ 11 ч. утра изъ Х., провожаемая на вокзалѣ Калеріей и Дашей.

На первыхъ порахъ своего житья въ Петербургѣ Цвѣткова испытывала бѣдность, еще сильнѣйшую, чѣмъ въ Х., но воспользоваться радушнымъ предложеніемъ Калеріи она не рѣшилась. Затѣмъ, Маргарита Васильевна освоилась, пріискала себѣ разныя занятія: переписку, уроки переводы, и года за три совершенно втянулась въ жизнь себя подобныхъ труженицъ. Среднимъ числомъ она зарабатывала втрое, а иногда въ четверо болѣе, чѣмъ въ Х., но за то квартира и содержаніе въ Петербургѣ были въ четверо дороже провинціи; такъ что, въ сущности, Цвѣткова также бѣдствовала, какъ и въ Х., и часто не имѣла въ запасѣ на

слѣдующіе дни копѣйки; за то она была несравненно покойнѣе и независимѣе, на сколько можетъ быть независима бѣдность...

VII.

Въ тотъ день, когда Цвѣткова посѣтила меня сначала утромъ, а потомъ вечеромъ, у молодой женщины, какъ я говорилъ выше, не было никакого запаса, самой ничтожной монеты. Но это нисколько ее не беспокоило, такъ какъ, въ началѣ мѣсяца она уплатила хозяйкѣ впередъ и, слѣдовательно, была до будущаго мѣсяца обезпечена столомъ и квартирою; чай-же и сахаръ также у нея были. Кромѣ того, Цвѣткова имѣла въ виду въ непродолжительномъ времени полученіе денегъ съ меня. Поэтому, она возвратилась отъ меня на квартиру въ очень спокойномъ расположеніи духа, съ предположеніемъ засѣсть на нѣсколько дней за переписку и не выходить изъ дома до тѣхъ поръ, пока не кончитъ всей работы. Но, «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ,» говоритъ пословица. Въ передней ее встрѣтила хозяйка и сообщила, что во время ея отсутствія къ ней приходила какая-то горничная и оставила письмо, которое лежитъ въ ея комнатѣ на столѣ. Письмо было подписано: «твоя Калерія Завальская».

Маргарита Васильевна очень была удивлена, не

ожидаю никогда встрѣчи съ своею подругою въ Петербургѣ. Нужно замѣтить, что переписки между молодыми женщинами до тѣхъ поръ не было, по той простой причинѣ, что, раставаясь въ Х., объ онѣ, по разсѣянности, забыли условиться объ адресѣ, а адресовать письма прямо въ квартиру Калеріи, на ея имя, Цвѣткова не рѣшалась, опасаясь чтобы письма ея не попали въ руки совѣтника и не принесли-бы ея подругѣ непріятностей, тѣмъ болѣе, что Маргарита Васильевна давно предполагала, что едва-ли старику Завальскому извѣстна дружба его жены съ нею... Содержаніе письма Калеріи еще болѣе поразило Цвѣткову. Оно напомнило ей другое, ея собственное, отправленное къ Калеріи нѣсколько лѣтъ назадъ, когда у нея родился ребенокъ... Калерія писала ей: «Милая Маргарита! Я такъ больна, что едва въ состояніи написать къ тебѣ нѣсколько словъ... Приходи сейчасъ съ Дашей, она расскажетъ тебѣ дорогою о моемъ положеніи, если-же она тебя не застанетъ дома, то приходи, какъ только прочтешь это письмо. Я велѣла Дашѣ оставить его у тебя. Адресъ мой: уголь Вознесенскаго и Екаторингофскаго проспектовъ, домъ Яковлева, № 201, комната № 7. Помогни мнѣ сколько можешь».

Цвѣткова сейчасъ-же отправилась по адресу, зайдя, только на минутку, къ своей хозяйкѣ попросить у нея одолжить ей на недѣлю хоть рубля три, взамѣнъ которыхъ она обѣщала отдать пять;

но та, ссылаясь на неимѣніе денегъ, заявила, что можетъ ссудить ее лишь пятьюдесятью копѣйками. Маргарита Васильевна не отказалась и отъ этихъ денегъ, хорошо понимая нужду, при которой всякая копѣйка дорога. Цвѣткова квартировала на одной изъ отдаленныхъ улицъ Песковъ, вблизи Смольнаго монастыря, слѣдовательно, путь ея, на уголь Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, былъ не близокъ, но молодая женщина летѣла, какъ стрѣла, и минутъ черезъ двадцать находилась уже во дворѣ дома Яковлева, столь извѣстнаго въ Петербургѣ по своей населенности. Въ немъ, съ его пристройками, флигелями въ срединѣ дворовъ, легко можетъ помѣститься населеніе почти любого уѣзднаго города и даже нѣкоторыхъ изъ губернскихъ. Въ этажахъ его, выходящихъ окнами на два проспекта и на Садовую улицу, помѣщаются: въ нижнихъ — разныя ремесленныя заведенія, лавки, торговли и магазины, въ среднихъ — трактиры, гостиницы и большія квартиры, въ верхнихъ — меблированныя комнаты, а во флигеляхъ во дворѣ, особенно въ 3, 4 и 5 этажахъ ютится крайняя бѣдность: пролетаріатъ и пауперизмъ... Квартиры въ этихъ этажахъ состоятъ изъ узенькаго и темнаго коридорчика, небольшой кухни съ плитою для хозяйки и отъ 5 до 7 маленькихъ квадратныхъ комнатокъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такою тонкою перегородкою, что не только разговоръ слышенъ изъ смежныхъ комнатъ, но даже

и малѣйшій шорохъ; а если продрать обои, то можно видѣть, что тамъ дѣлается... Обыкновенно квартиры эти снимаются удалыми вдовами, солдатками и проч. за 20 — 25 рублей въ мѣсяцъ, а эти отдаютъ комнатки жильцамъ отъ 10 до 15 р. за №. Получая, кромѣ барыша за квартиры, еще доходы отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ жиличекъ, эти квартирныя хозяйки безпрестанно пьютъ кофе, жирѣютъ и держатъ себя съ большимъ достоинствомъ. Жилицы-же должны обращаться съ ними съ «превеликимъ» почтеніемъ, онѣ прогоняютъ строптивыхъ, не имѣя никогда недостатка въ жильцахъ. Здѣсь можно встрѣтить и балаганнаго актера, и корректора какой нибудь газеты, и бѣднаго, незначительнаго писателя, господина, живущаго, Богъ его вѣсть, на какія средства, экс-лакея до пріисканія должности, фокусника, множество посѣтительницъ эльдорадо и шато-де-флэръ, вдовъ, недавно брошенныхъ мужьями и тому подобныхъ лицъ. Внизу обитаютъ преимущественно евреи съ семействами, торгующіе въ Александровскомъ рынкѣ. Каждый флигель имѣетъ по два и по три отдѣльныхъ входа.

Распросивъ, гдѣ находится № 201, Маргарита, но указанію, вошла въ одинъ подъѣздъ и начала взбираться въ верхній этажъ по узкой и грязной каменной лѣстницѣ, едва освѣщенной окнами при поворотахъ, въ зловонной атмосферѣ, отъ множества ретирадныхъ мѣсть. На звонокъ, изъ №

вышла толстая женщина, курносая и съ лоснящимся лицомъ, спросила «кого нужно?» потомъ впустила и молча указала въ концѣ коридорѣ дверь съ № 7-мъ. Цвѣткова слегка постучалась. Ей отворила Даша, исхудалая и блѣдная, въ старомъ поношенномъ ситцевомъ платьѣ и, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, шепнула: «тише! Калерія Александровна только что заснула... Онѣ больны...»

Молодая женщина окинула быстрымъ взглядомъ маленькую, сумрачную и сырую комнату, съ однимъ полуveneціанскимъ окномъ, съ котораго струилась вода, и глаза ея упали на стоящую кровать, на которой спала Калерія. Она крайне измѣнилась за время разлуки: пухленькія щечки ввалились, румянецъ исчезъ и цвѣтъ лица сдѣлался желтоватымъ. При этомъ Калерія чрезвычайно исхудала. Она лежала на тонкомъ матрацѣ, съ одною подушкою подъ головою, прикрытая изодраннымъ, дешевымъ байковымъ одѣяломъ, свѣсивъ голову нѣсколько на бокъ и безсильно опустя одну руку. Изорванное одѣяло плохо скрывало фигуру спавшей и открыло Цвѣтковой, что подруга ея находится въ интересномъ положеніи...

Близъ кровати стоялъ квадратный, бѣлый деревянный столикъ и два поломанныхъ стула. Болѣе мебели въ комнатѣ не было; всѣ стѣны были голы и только въ одномъ углу валялся узелокъ, въ-

роятно, съ грязнымъ бѣльемъ, на которомъ лежалъ старый, въ пятнахъ, холодный, драповый бурнусъ.

— Что такое съ Калеріей? Давно-ли вы изъ Х? спросила Дашу Цвѣткова.

— Давненко,—отвѣчала та.—Почти съ годъ... Долго жили въ Москвѣ... Вѣдь старый баринъ Завальскій, выгналъ отъ себя Калерію Александровну...

— Какъ такъ?.. За что-же?..

— Долго все это рассказывать... Притомъ Калерія Александровна запретила мнѣ сказывать вамъ, черезъ что у ней произошелъ раздоръ съ мужемъ... Но, такъ и быть, расскажу.. Можетъ, чрезъ это вы больше надъ нею смилуетесь... Вѣдь она чрезъ васъ-же сначала пострадала...

— Чрезъ меня?—спросила съ испугомъ Маргарита Васильевна.

— Да. Ей Богу, правда. Видите старикъ Завальскій прескупящій и никогда не давалъ барынь денегъ, а своихъ у нея не было. Вдругъ, вы родили, попросили ее помочь и Калерія Александровна, по добротѣ и любви къ вамъ, отказать не могла. Сначала она обратилась къ барину, но тотъ слушать ее не хотѣлъ и запретилъ видѣться съ вами. Потомъ, вздумала было она продавать свои платья и стала совѣтоваться со мною. Я вижу, что деньгами за платья вамъ не поможешь и посоветовала занять денегъ за проценты у ростовщика. Ну, заняли и спасли васъ, потомъ еще вамъ

нужны были деньги,—еще заняли и дали новую росписку, тамъ еще и еще, а проценты росли да росли. Денегъ-то всѣхъ забрано было немного: рублей двѣсти съ лишнимъ, да съ процентами къ годуросло свыше тысячи. Ростовщикъ назначилъ послѣдній срокъ и грозилъ представить вексель ко взысканію. Пришло время платить. На бѣду, нашъ старый чертъ прихворнулъ и былъ злющій, презлющій... Калерія Александровна рѣшилась-бы лучше что надъ собою сдѣлать, чѣмъ просить у него денегъ. Я вертѣла головою и туда и сюда, и придумала. Наслышалась я объ адвокатѣ въ нашемъ городѣ, изъ поляковъ, Станиславъ Ивановичъ Чернополянскомъ. Можетъ быть, вы его и знали въ X.? Молодой такой, лѣтъ двадцати пяти—шесть; красивый собою, брюнетъ, съ французской бородкой. Про него говорили, что онъ бѣдовый: волокита, дока, мошенникъ, но выкрутить всякаго изъ какой угодно бѣды... Я пошла къ нему. «Хорошо, говоритъ, выслушавши меня, я вашу барыню знаю и готовъ помочь ей. Попроси ее только, чтобы она сама пожаловала ко мнѣ для объясненія. «Я передала это Калеріи Александровнѣ. Побывала она у адвоката и дѣло сладилось: онъ взялъ съ нея вексель на имя какого-то купца въ ту же сумму и выдалъ ей деньги. Съ ростовщикомъ она сейчасъ-же раздѣлалась и успокоилась на нѣкоторое время, видя, что дѣло ея находится въ рукахъ благороднаго человѣка.

Но Чернополянскій взялъ съ барыни вексель на имя купца на недолгій срокъ. Скоро, опять, пришлось перемѣнить вексель. По этому случаю Калерія Александровна ходила къ адвокату нѣсколько разъ и познакомилась съ нимъ. Было-ли что между ними тогда особенное или нѣтъ я, честное слово, не знаю. Извѣстно, я замѣчала только, что Чернополянскій ужь очень влюбленъ въ барыню, угождаетъ ей во всемъ и она, какъ будто, была къ нему не равнодушна и сдѣлалась какою-то странною. Такъ дѣло шло, все шито да крыто, почти полтора года послѣ вашего отъѣзда въ Петербургъ. Долгъ барыню беспокоилъ немного, потому что, при наступленіи срока векселю, Чернополянскій всегда успѣвалъ или перепродать его въ другія руки, или взять отсрочку и обѣщаль тянуть это до самой смерти Завальскаго. Вдругъ, Чернополянскій попался въ какомъ-то мошенничествѣ и ему судъ запретилъ ходатайствовать по чужимъ дѣламъ. Самому ему пришлось круто! А тутъ, наступилъ срокъ платежа по Калеріи Александровны векселю... Сколько Чернополянскій не бился, но перепродать его ему въ этотъ разъ не удалось и вексель былъ представленъ ко взысканію.

Что произошло у насъ въ домѣ, когда старикъ узналъ о долгѣ барыни, этого я и рассказать вамъ не сѹмѣю! Словно съ ума сошелъ скряга: волосы на себѣ рветъ, платье деретъ, зубами скрежещетъ, плачетъ, топаетъ, кричитъ «вараулъ, ограбили!

«Хватили Калерію Александровну за горло и принялся было бить и душить ее, —насилу я отняла. Наконецъ, послѣ этого, стала гнать ее... А ужъ сколько разной ругани было! и пересказать нельзя. Вся избитая Калерія Александровна накинула на себя бурнусъ и ушла вмѣстѣ со мною изъ дома, опасаясь, чтобы мужъ не убилъ ее. Цѣлый день этотъ мы проскитались съ нею за городомъ, въ рошѣ; а переночевали у одной знакомой мнѣ женщины, на краю города, въ избушкѣ. По утру я пошла — провѣдать, что дѣлается у насъ въ домѣ. Завальскій, оказалось, пришелъ въ себя, и я застала его спокойно пьющимъ чай.

— Что, говорить, тебѣ нужно? спросилъ онъ, увидя меня.

— Позвольте, —отвѣчаю, —барынѣ придти домой. Она ваша супруга... Родители ее къ себѣ не принимаютъ... Гдѣ-же ей быть?...

— Гдѣ хочеть... Она занимала безъ меня деньги черезъ полячишку-адвоката... Вѣрно, связалась съ нимъ... Пускай идетъ къ нему... Отъ платежа за нее денегъ я отказался... Пусть посидитъ въ тюрьмѣ... Скоро ей дадутъ казенную квартиру...

Я было начала уговаривать и упрашивать его. Куда тебѣ! гонить и только... Неупреклонный, какъ сталъ. Тогда я пошла къ Чернополянскому. Этотъ выслушалъ меня внимательно и крѣпко сожалѣлъ о барынѣ... «Незнаю, какъ мнѣ и быть, сказалъ онъ, у самого у меня теперь денегъ мало. Вотъ, гово-

рить, возьмите двадцать пять рублей и наймите квартиру съ мебелью, а потомъ дайте мнѣ знать, я вечеромъ побываю у Калеріи Александровны. Можетъ быть, мы еще кое-что и сдѣлаемъ съ Завальскимъ. Отъ платежа долговъ своей жены онъ вправѣ отказаться, но отъ содержанія ея—онъ не смѣетъ, по закону, и обязанъ выдавать ей половину своего жалованья...» Но Калерія Александровна отказалась подать прошеніе объ этомъ. «Не хочу, отвѣчала она, жить на его проклятыя деньги, я буду лучше работать, какъ моя подруга Маргарита». На нанятой квартирѣ, которую я отыскала, мы прожили мѣсяца полтора. Чернополянскій бываль у насъ постоянно и, нечего грѣха таить, сталъ онъ жить съ Калеріей Александровной, какъ мужъ съ женою, въ любви и согласіи. На второй мѣсяцъ къ намъ явилась полиція, арестовала Калерію Александровну и посадила за неплатежъ въ долговое. Просидѣла тамъ она, моя голубушка, мѣсяца три... Просидѣла-бы, можетъ быть, и больше, да кредиторъ видитъ: взять съ нея нечего, мужъ не платитъ, только онъ напрасно издержался на кормовья, и выпустилъ... Конечно, я и Чернополянскій каждый день ее навѣщали, а вотъ, отецъ и мать ни разу не заглянули... Про мужа я и не говорю...

По выпускѣ Калеріи Александровны изъ тюрьмы, Чернополянскій сталъ упрашивать ее ѣхать въ Москву. «Здѣсь, говорилъ онъ, ты стѣснена, я тоже безъ всякаго дѣла, а въ Москвѣ мы можемъ приискать

себѣ занятій.» Калерія Александровна очень этому обрадовалась и согласилась. Къ мужу она послала письмо, чтобъ онъ прислалъ ей бумагу на жительство. Завальскій вѣрно тоже былъ радъ, что она уѣзжаетъ изъ Х. и не требуетъ съ него денегъ на содержаніе, поэтому прислалъ бумагу на другой-же день. Сначала въ Москвѣ мы жили, хотя очень бѣдно, но спокойно. Калерія Александровна давала уроки на фортепіано въ двухъ домахъ, я шила, Станиславъ Ивановичъ тоже—то дѣтей училъ, то ходилъ къ мировымъ судьямъ и тамъ прискивалъ себѣ занятія. Затѣмъ, Калерія Александровна затяжелѣла и съ этого времени расхворалась вся... Богъ знаетъ, что съ нею стало... Посмотрите, какъ измѣнилась!.. Чернополяскій отыскалъ въ Москвѣ разныхъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, товарищей и пошли у него съ ними кутежи, попойки, да загородныя гулянья... Работать совсѣмъ пересталъ. Деньжонки, которыхъ у него былъ не большой запасецъ, онъ давнымъ давно поистратилъ... Но на фронтъ гдѣ-то добывалъ средства. На послѣдокъ, сталъ онъ жаловаться на судьбу, что въ Москвѣ онъ погибнетъ и объявилъ, что ѣдетъ въ Петербургъ. Поѣхали сюда. Здѣсь онъ поступилъ съ нами совсѣмъ по-звѣрски. Кто его знаетъ, для чего онъ сюда пріѣзжалъ?... Остановились мы съ нимъ въ этомъ-же домѣ, въ меблированныхъ комнатахъ. Простояли тутъ около мѣсяца. Кушанье брали изъ трактира. Все страшно дорого, а пла-

тить нечѣмъ. Станислава Ивановича видѣли мы только по позднимъ ночамъ да по утрамъ, а то—уйдетъ себѣ шпаться—и нѣтъ его цѣлые Божьи дни. Калерія Александровна сколько разъ вспоминали о васъ, хотѣли разузнать вашъ адресъ и послать меня за вами, но стыдились, чтобы вы не застали Чернополянскаго и не догадались-бы. Въ прошлый четвергъ приходитъ онъ домой къ ночи ранѣе обыкновеннаго, такой сумрачный и задумчивый, приказалъ мнѣ сходить въ трактиръ за кушаньемъ и далъ пять рублей. Потомъ плотно поѣлъ и улегся спать отдѣльно на диванѣ. Просыпаюсь я утромъ ставить самоваръ, анъ глядь, его, голубчика, уже нѣтъ... Оглянула комнату—вижу: нѣтъ и чемоданчика съ его вещами... Лежить только на столѣ не запечатанное письмо, да какая-то бумага... Разбудила я Калеірю Александровну и рассказываю ей. Не вѣрить. Однако встала, начала читать письмо... да какъ залыется сердечная!.. Такъ и упала, съ плачемъ, на диванъ... Начала я ее успокоивать—привела въ себя. Чернополянскій нисалъ Калерію Александровнѣ, что онъ уѣзжаетъ отсюда далеко и не знаетъ, когда вернется. Совѣтовалъ ей потребовать отъ мужа деньги на свое содержаніе, и оставилъ черновое прошеніе объ этомъ. Должно быть улизнулъ, подлець, въ Москву. Я еще и тамъ слышала, стороною, что онъ подыскиваетъ себѣ невѣсту съ деньгами—кушеческую дочку. Видно и пріѣзжалъ-то сюда, сбуть насъ съ рукъ. Стали ду-

мать мы съ Калеріей Александровной, что намъ дѣлать?... Я нырнула сюда, во дворъ, узнала, что есть комнатка рублей въ десять. Собрали мы всё свои пожитки, снимали платья, остались лишь, вотъ, въ этихъ тряпкахъ, чтобы только расплатиться тамъ, и перейти сюда. Я думала, было, приняться сейчасъ-же за работу. Но Калерія Александровна расхворалась такъ, что на часъ отойти отъ нея нельзя... А тутъ еще новое горе: квартирная хозяйка, которой мы дали задатку всего два рубля и почти уже ихъ зажили, видя положеніе Калеріи Александровны и нашу бѣдность, требуетъ, чтобы я ее свезла въ родильный домъ... Сегодня утромъ ей было легче и она послала меня къ вамъ... Помогите ей, Христа-ради!—заклчила свой рассказъ Даша,—вѣдь она для васъ все дѣлала, когда вамъ была нужда, черезъ васъ и всё страданія эти она терпитъ»...

При всемъ сочувствіи къ участи своей подруги, Цвѣткова слушала рассказъ Даши разсѣянно, составляя въ головѣ планы достать для Калеріи денегъ; но заключительныя слова простой дѣвушки поразили ее въ самое сердце... Она вскочила съ своего мѣста, какъ ужаленная чѣмъ нибудь острымъ, и торопливо проговорила: «Я побѣгу сейчасъ доставать денегъ... У меня нѣтъ ихъ, но я достану во что-бы то ни стало...». Цвѣткова не дождалась даже пробужденія Калеріи и, тихонько поцѣловавъ ее въ лобъ, скользнула изъ комнаты.

Прежде всего Цвѣткова вспомнила объ одномъ художникѣ,—человѣкѣ съ очень доброю душою, но бѣдномъ. «Пойду къ нему,—подумала она,—можетъ быть, у него, на счастье, есть деньги... Если есть—онъ не откажетъ». Художникъ жилъ на Аптекарскомъ островѣ, за Петербургскою стороною. Даль была страшная, а Цвѣткова принуждена была идти пѣшкомъ, такъ какъ взятый у своей хозяйки полтинникъ она сунула Дашѣ. Дорога страшно измучила ее и, кромѣ того, чѣмъ ближе она подходила къ цѣли своего путешествія, тѣмъ болѣе ее оставляла надежда на успѣхъ. Художника она не застала дома. На вопросъ, сдѣланный его женою: гдѣ онъ?—та отвѣтила: «ушелъ къ товарищу занять, хоть, рубль... Другой день перебиваемся хлѣбомъ съ водою». Цвѣткова съ горькой миною махнула рукой и повернула назадъ. Послѣ этого она вспомнила объ издателѣ одного журнала, которому она доставляла свои переводы, о книгопродавцѣ, о двухъ-трехъ домахъ, гдѣ брала переписку и о нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ. Надежды было мало, и лица эти жили въ разныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, частяхъ города. Цвѣткова обѣгала всѣхъ, и, не смотря ни на какія мольбы, нигдѣ не добыла самой ничтожной суммы. Идти съ такимъ отвѣтомъ, безъ всякой помощи къ Калеріи, ей казалось невозможнымъ... И она, полная отчаянія, разбитая морально и физически, уныло побрѣла въ свою квартиру. Я жилъ въ это время

на Бассейной, и путь ея лежалъ по этой улицѣ. Около моей квартиры она невольно остановилась. Въ продолженіе дня я часто приходилъ ей на мысль, но, зная мою суровость, правила, акуратность, она не рѣшалась прибѣгнуть ко мнѣ. Теперь же, когда всѣ надежды рухнули, она рѣшилась на это, какъ утопающій хватается, по пословицѣ, за соломенку. Былъ только девятый часъ вначалѣ, слѣдовательно, зайти ко мнѣ было можно. Съ замираніемъ сердца она поднялась по лѣстницѣ въ мою квартиру, позвонила и велѣла доложить о себѣ. По несчастію, какъ я объяснилъ выше, я былъ не одѣтъ и могъ выйти къ ней лишь чрезъ нѣсколько минутъ, а за это время ей пришла въ голову другая, роковая мысль.

— «Чего-бы я не сдѣлала,—говорила внутренно самой себѣ Цвѣткова, ожидая въ кабинетѣ моего выхода,—на что-бы не рѣшилась, лишь-бы только спасти Калерію...» И вдругъ глаза ея упали на часы, висѣвшіе на подчасникѣ... «Украсть!» отъ этой мысли морозъ пробѣжалъ у нея вдоль спины... «Воровка!» шепталъ одинъ голосъ, но вслѣдъ за тѣмъ другой, прямо, какъ-бы изъ сердца, говорилъ ей: «Калерія, тебя спасая, обманывала, страдала, унижалась; перенесла побои, тюрьму и теперь, осрамленная, умираетъ, а ты!.. Ты боишься позора?..» Она схватилась за часы, но еще разъ остановилась въ судорожномъ, секундномъ раздумьи: «Можетъ быть N-скій дастъ мнѣ

денегъ? Нѣтъ, онъ не такой человѣкъ, откажетъ,— рѣшила она,—а тогда, когда онъ войдетъ сюда, мнѣ нельзя уже будетъ украсть... Я лучше завтра напишу ему и признаюсь въ своемъ поступкѣ... Часы свои онъ можетъ выкупить, а со мною пусть поступаетъ, какъ ему угодно...» И съ этими словами, она сунула мои часы въ карманъ своего платья.

Дальнѣйшее извѣстно.

Цвѣткова вовсе не думала продать мои часы, а предполагала ихъ заложить, но ссудныя кассы были уже заперты; въ часовомъ-же магазинѣ, куда она зашла тоже съ цѣлью заклада, часовщикъ-еврей не хотѣлъ иначе дать ей за часы денегъ, какъ купивъ ихъ, и... Цвѣткова согласилась, будучи въ такомъ настроеніи, что не могла отложить помощь своей подругѣ до завтра. Въ тотъ же вечеръ Цвѣткова успѣла купить все нужное своей подругѣ, при ея положеніи, и перевести ее къ одной, нѣсколько знакомой ей, акушеркѣ, которой выдала тридцать рублей впередъ, а остальные, оставшіеся у нея отъ покупокъ, отдала на расходъ Дашѣ, помѣстивъ ее при ея госпожѣ для услугъ, тутъ-же, у акушерки. На другой день Цвѣткова начала уже писать ко мнѣ откровенное нисьмо, какъ къ ней явилась полиція..

Разсказавъ, само собою разумѣется, гораздо короче здѣсь изложеннаго, біографію подсудимой, присяжный повѣренный, въ подтвержденіе истины

всего имъ рассказаннаго, привелъ двухъ свидѣтельницъ: мѣщанку, дѣвицу Дарью Ивановну Павлову и акушерку Софью Егоровну Розенфельдъ, которая приняла отъ Цвѣтковой за содержаніе больной деньги, и представилъ два печальныхъ документа о смерти, отъ преждевременныхъ родовъ, жены коллежскаго совѣтника Калеріи Александровны Завальской и ея ребенка, а также и листочекъ, найденный полиціею при обыскѣ квартиры Цвѣтковой, въ которомъ было начато письмо ко мнѣ, гдѣ виновная сознавалась въ своемъ проступкѣ, обѣщая загладить вину и отработать за часы деньги. Когда повѣренный кончилъ, и я подробно узналъ біографію Цвѣтковой, мнѣ очень тяжело было, что я затѣялъ дѣло о кражѣ у меня часовъ... Товарищъ прокурора не сдѣлалъ на эту защиту никакого возраженія. Онъ сидѣлъ, потупя голову, въ глубокомъ раздумьи. Присяжные засѣдатели, замѣтно, были сильно тронуты и послѣ недолгаго совѣщанія вынесли вердиктъ: «Нѣтъ, не виновна!».

Судъ утвердилъ его.

Облегченный этимъ вердиктомъ, я сходилъ съ лѣстницы, раздумывая въ какое время сдѣлать визитъ завтра къ Цвѣтковой, какъ былъ остановленъ однимъ своимъ знакомымъ, старикомъ, бывшимъ нѣкогда секретаремъ уголовной палаты.

— Какой неправильный вердиктъ! замѣтилъ онъ, здороваясь со мною и покачивая головою... Всѣ

улики на лицо, а присяжные говорят: «нѣтъ, не виновна!..» И судъ утверждаетъ!.. Боже мой, Боже мой!

Онъ говорилъ серьезно.

— Но Цвѣткова и такъ уже много потерпѣла отвѣчалъ я,—и кто отъ этого вердикта пострадаетъ? Развѣ часовщикъ, лишившійся ста рублей. Да я съ удовольствіемъ готовъ ихъ заплатить ему, а Цвѣткова, по частямъ, эти деньги заработаетъ...

— Все это такъ, возразилъ старикъ, но все-же, ясное дѣло, она воровка...

— Да,—замѣтилъ я, но воры разные бываютъ!

Русскій Тичборнъ.

РАЗСКАЗЪ.

(Изъ уголовной хроники).

I.

Въ Москвѣ, около Прѣсененской заставы и по настоящее время еще можно видѣть маленькій, уродливый, деревянный, двухъ-этажный домикъ, съ тремя небольшими окошечками въ рядъ, на улицу. Я узналъ его еще мальчикомъ, въ пятидесятихъ годахъ, по случаю бывшаго въ немъ происшествія. Но время, повидимому, не имѣло никакого вліянія на домикъ: онъ и тогда уже выглядывалъ такимъ-же вѣтхимъ, старымъ и хилымъ, какъ и нынѣ, готовымъ разрушиться при первой сильной бурѣ. Нѣкогда домъ этотъ принадлежалъ какому-то цеховому, потомъ, въ сороковыхъ годахъ, онъ приобрѣтенъ былъ вдовою отставного аудитора 12 класса Христиною Кирсановною Поздняковою. Родословную и біографію этой женщины, кажется, никто и

не зналъ, такъ какъ Позднякова избѣгала всякихъ разговоровъ о своемъ прошломъ, но личность самой Христины Кирсановны была извѣстна чуть-ли не всей Москвѣ, по той профессіи, которою она занималась. Христина Кирсановна была ростовщица, но ростовщица, въ нѣкоторомъ родѣ, замѣчательная и рѣзко выдѣлявшаяся изъ числа своихъ собратій. Она не брезгала никакими вещами и принимала подъ закладъ рѣшительно все: будь то старыя тряпки, бутылки, или изломанные утюги; при томъ, сравнительно съ другими, она ссужала и большею суммою денегъ и брала незначительные проценты; кромѣ того, инымъ, въ честности которыхъ она была увѣрена, Позднякова даже ссужала деньги безъ залога и росписки. Христина Кирсановна, кажется, просто страдала маніей къ приобрѣтенію вещей и едва-ли не любила ихъ гораздо болѣе самихъ денегъ. Наружность Поздняковой не имѣла ничего отталкивающаго и скорѣе располагала въ ея пользу. Несмотря на свои зрѣлые годы—подъ пятьдесятъ лѣтъ—она была вполне сохранившаяся, здоровая, полная женщина, какія весьма часто встрѣчаются въ средѣ купечества; морщинки были чуть замѣтны, со щекъ не исчезъ румянецъ, а черные глаза не утратили нѣкотораго блеска; только волосы стали рѣдки и, мѣстами, сѣдые, да на макушкѣ головы образовалась плѣшь, прикрытая постоянно чепчикомъ съ рюшками. Кумушки и знакомыя Христины Кирсановны

были не прочь найти ей женишка, даже «настоящаго амура», такъ какъ претендентовъ на ея руку было множество разныхъ возрастовъ и званій, но Позднякова сердилась при малѣйшемъ намекѣ на новое замужество. Постоянное настроеніе духа Христіны Кирсановны было довольно серьезное, однако она не отказывалась отъ приглашеній своихъ сосѣдокъ посѣтить ихъ въ праздникъ или въ именинныя дни; не прочь была «откушать», въ умѣренномъ количествѣ, настоечки и за рюмочкою спѣть чувствительный романсъ или пѣсню съ печальнымъ мотивомъ, въ родѣ: «Среди долины ровныя», «Снѣжки бѣлыя, пушисты» и т. п. Вообще, ее считали всѣ за женщину хорошаго поведенія, общительную и съ добрымъ сердцемъ. Гостей у себя Христіна Кирсановна никогда не собирала, но если къ ней заходила, за какимъ либо дѣломъ, сосѣдка или знакомая и заставала ее за чаемъ, или, въ праздникъ, за пирожкомъ, то Позднякова угощала ихъ тѣмъ или другимъ, причемъ къ пирожку присовокуплялась и настойка. Расположеніе комнатъ въ домѣ Поздняковой въ обоихъ этажахъ было совершенно одинаковое. Какъ въ нижнемъ этажѣ находились сѣнцы, налѣво—кладовая, направо—кухня, за которою шли еще двѣ комнаты: одна по-меньше, а слѣдующая по-больше, такъ точно и въ верхнемъ. Надворныхъ строеній при домѣ не было, исключая земляного погреба, накрывавшагося сколоченными досками. Помѣще-

ниемъ для себя собственно Позднякова избрала нижній этажъ; оно состояло изъ сѣней, кладовой, кухни и первой небольшой комнаты; что-же касается до второй, то туда никогда никто не входилъ изъ посѣтителей и она всегда была на задвижкѣ. Комната эта загромождена была двумя огромными шкафами, сундуками, шкатулками, баульчиками и ящиками различной величины и фасоновъ, въ которыхъ хранились болѣе цѣнныя вещи, — менѣе-же цѣнныя были помѣщены въ верхнемъ этажѣ, постоянно запертомъ огромнымъ замкомъ, съ двойными рамами въ окнахъ и съ затворенными на болты ставнями. Своихъ знакомыхъ и лицъ, приходившихъ къ ней по надобности, если она не признавала ихъ важными для себя, Христина Кирсановна обыкновенно принимала въ кухнѣ, служившей ей также и столовою. Здѣсь-же производила съ ними сдѣлки и расчеты; если-же эти лица казались ей болѣе значительными, то она приглашала ихъ въ комнату, отличавшуюся необыкновенной чистотой, гдѣ у нея стояло нѣчто похожее на конторку, шкафъ, комодъ, диванъ, столикъ, нѣсколько стульевъ и въ углу, за ситцевымъ пологомъ, кровать, съ периною и подушками почти до потолка. Вся прислуга Поздняковой заключалась въ шестидесятилѣтней старухѣ Ѳеклѣ, глухой отъ рожденія, чрезвычайно злой и сварливой съ посѣтителями, особенно, если она видѣла въ нихъ людей бѣдныхъ. Ѳекла была дѣвушка, и

носила свои сѣдые волосы въ одну косу съ лентой на концѣ. Она служила у Поздняковой съ самой покупки ею дома и была крайне привержена къ ней. Кромѣ этихъ двухъ женщинъ, въ домѣ другихъ жильцовъ не было; домъ стоялъ отъ сосѣднихъ домовъ отдѣльно, на горкѣ. Это обстоятельство, въ связи съ глухо-нѣмою прислугою и богатствомъ Поздняковой, извѣстнымъ всей Москвѣ, невольно порождало у близкихъ къ ней опасенія, чтобы ее рано или поздно не постигло какое-нибудь несчастіе—попросту, чтобы она не была ограблена или убита, тѣмъ болѣе, что подобныя примѣры въ Москвѣ бывали. Объ этомъ предметѣ между сосѣдями происходили безпрестанные толки и многіе предупреждали Позднякову, чтобы она была осторожнѣе; но послѣдняя твердо вѣрила въ свои замки, въ злую цѣпную собаку, которую она держала во дворѣ, и отвѣчала всегда пословицей: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на частыя воровства и грабежи по близости, на домъ Поздняковой долгое время не было никакихъ покушеній. Вдругъ, въ одно лѣтнее утро, часовъ въ пять, когда еще всѣ спали, сосѣди Поздняковой услышали на улицѣ какой-то дикій, страшный, нечеловѣческій крикъ и затѣмъ сильный, почти неистовый, стукъ въ свои окна...

Проснувшіеся, разумѣется, бросились къ окнамъ и увидѣли глухо-нѣмую Оеклу, бѣгавшую отъ дома

къ дому съ пронзительными криками, точно бѣзумную, указывавшую на горло и на свой домъ. При этомъ она манила, кого ей случалось видѣть, къ себѣ. Всѣ догадались, наконецъ, что въ домѣ Поздняковой случилось несчастье и спѣшили туда. Оекла тащила всѣхъ въ домъ. Сѣни и кухня представляли обычный порядокъ, въ небольшой-же комнатѣ, ставня которой была раскрыта и въ окно входили яркіе лучи утренняго солнца, первое,—что привлекло вниманіе прибывшихъ, была Позднякова, лежавшая одѣтою на полу, прислонившись спиною къ кровати, съ опущенною головою. Оекла бросилась къ ней съ воемъ и указала на горло, синебагроваго цвѣта, съ пятью отпечатлѣвшимися пятнами отъ пальцевъ руки. Лицо было желто, ротъ раскрытъ, а открытые, страшные, стеклянные глаза вышли изъ орбитъ. По всѣмъ даннымъ можно было заключить, что Позднякова была задушена около кровати и послѣ этого упала, при чемъ оборвала часть ситцеваго полога. Слѣдовъ борьбы между жертвою и убійцею никакихъ не было, исключая только небольшого разрыва у нея чернаго люстриноваго платя, около того мѣста, гдѣ находился карманъ, который найденъ былъ выдернутымъ наружу. На полу, близъ Поздняковой, валялась еще опрокинутая, почти вся сгорѣвшая, сальная свѣча въ высокомъ мѣдномъ шандалѣ, а далѣе, у комода, лежали въ кучѣ и разбросанными разныя вещи: шали, платки, столовыя и чайныя ложки, цѣнное

бѣлье, часы, коробочки, футляры и тому подобное, при чемъ, три первыхъ ящика были выдвинуты... Всѣхъ ихъ было пять. Какъ видно, убійца искалъ въ нихъ какой-то одной вещи и нашедши ее въ третьемъ ящикѣ, четвертый и пятый оставилъ нетронутыми. Слѣдующая комната и весь верхній этажъ остались неприкосновенными. Какъ водится, между посторонними зрителями, при подобныхъ происшествіяхъ начинаются различные толки и предположенія и непременно всѣ обращаются съ вопросами къ первому объявившему о происшествіи лицу. То-же было и на этотъ разъ, хотя всѣ понимали, что глухо-нѣмая Оекла едва-ли можетъ сколько-нибудь удовлетворить ихъ любопытство. Видя, что отъ нея требуютъ объясненіе и сгорая съ своей стороны желаніемъ, особенно сильнымъ у нѣмыхъ, рассказать, что она знала, Оекла, въ промежуткахъ, когда кто-то пошелъ извѣстить о происшествіи полицію, мимическими знаками передала слѣдующее: сначала она показала на окна и на задвижки болтовъ, потомъ приложила голову къ ладони руки и закрыла глаза, какъ бы представляясь спящей; затѣмъ, она указала на убитую и, копируя ее, начала отворять двери, кланяться и улыбаться; потомъ Оекла измѣнила фізіономію: представила гордое лице и провела по губамъ и щекамъ рукою, какъ-бы поглаживая усы и бакенбарды. Вслѣдъ за этимъ, она вновь приложила руку къ щекѣ, сдѣлала видъ спящей, по-

томъ, пожимая плечами, стала дѣлать отрицательные знаки и жесты головой и руками. Кончивъ свои отрицательные знаки, Оекла продолжала, предварительно указавъ на солнцѣ въ окнѣ. Она вышла въ кухню, растворила двери въ комнату и, возвратясь въ нее, взяла свѣчу, валявшуюся около Поздняковой, поставила ее близъ комода, гдѣ лежали въ беспорядкѣ вещи, развела руками и бросилась къ Поздняковой со свѣчею; далѣе она представила свое изумленіе, при видѣ несчастія со своею госпожею, и какъ она выскочила на улицу. Этотъ-же рассказъ, въ видѣ показанія знаками, мимически, нѣмая передала и прибывшимъ чинамъ полиціи, а потомъ слѣдственному отдѣленію, при объясненіяхъ другихъ свидѣтелей, явившихся на мѣсто происшествія по ея зову. Изъ всего показанія Оеклы можно было лишь вывести предположеніе, что, вѣроятно, послѣ того, какъ она легла спать, Позднякова принимала у себя какого-то виднаго мужчину, который, въ то время, когда Оекла вторично уснула, совершилъ свое преступленіе, а также, пожалуй, что этотъ человекъ могъ быть близкимъ къ покойной и между ними существовали тайныя отношенія, судя потому, что преступникъ, не воспользовался весьма цѣнными вещами, а взялъ, повидимому, лишь то, что искалъ. Слѣдовательно, это было не простой, обыкновенный воръ, берущій, что попадетсѣ подъ-руку. Притомъ, Позднякова явно питала къ нему полное довѣріе,

впустивъ его—по жестахъ Ѳеклы—сама въ свой домъ, въ ночное время. На Ѳеклу никакихъ подозрѣній не падало. Вѣроятно же всего казалось предположеніе, что убійца принадлежалъ къ числу солидныхъ закладчиковъ Поздняковой и, не имѣя возможности выкупить свою вещь,—крайне необходимую ему по какому-нибудь важному случаю, въ данное время,—рѣшился на убійство; чужого-же ему не было нужно, и этимъ предположеніемъ объясняется его пренебреженіе къ другимъ цѣннымъ вещамъ, разбросаннымъ у комода. Губернскій прокуроръ, принявшій дѣятельнѣйшее участіе въ производствѣ слѣдствія, самолично пересмотрѣлъ книгу для заклада вещей, которую вела Позднякова, но не нашелъ въ ней ничего, наводящаго на слѣды преступленія. Всѣ вещи, находящіяся въ закладѣ, огазались на лицо; о выкупленныхъ-же была отмѣтка рукою Поздняковой, съ обозначеніемъ времени выкупа. Дѣлали и повальный обыскъ о поведеніи убитой: не замѣчали-ли сосѣди пріѣзжавшаго къ ней въ ночное время мужчину; не состояла-ли она съ кѣмъ въ интимныхъ отношеніяхъ, или, не было-ли у ней хорошаго знакомаго, наружность котораго была-бы сходна съ мимическими показаніями о немъ Ѳеклы? Но по всѣмъ этимъ вопросамъ слѣдствіе получило самыя неудовлетворительныя отвѣты. Только двое или трое изъ сосѣдей отозвались невѣдѣніемъ о поведеніи Поздняковой, ссылаясь на то, что «чужая душа

потемки», прочіе-же единогласно показали, что знают Позднякову, какъ женщину самой безукоризненной нравственности. Ночныхъ посѣтителей или посѣтителя они тоже у Поздняковой никогда не замѣчали, хотя, правда, случалось, что молодые люди, изъ числа закладчиковъ, подгулявши, подѣлывали къ ней иногда въ позднее время, съ намѣреніемъ занять на кутежъ денегъ. Но Познякова не принимала ихъ и отказывала чрезъ окно, или со двора, не выходя на улицу; всѣ знали, что ночью у Христины Кирсановны денегъ достать нельзя. Наконецъ, все-таки нѣсколько подозрительныхъ лицъ были, безъ ареста, привлечены къ слѣдствію, для очныхъ ставокъ съ Оеклою: не узнаеть-ли она между ними ночного посѣтителя; но Оекла не находила его, и заподозрѣнные были отпускаемы съ миромъ. Слѣдствію оставалось одно: «передать дѣло волѣ Божіей и слать въ архивъ...»

II.

Года за три до убійства Поздняковой въ Москвѣ, на югѣ Россіи, въ уѣздномъ городѣ Б., Z-ской губерніи, случилось другое происшествіе, повидимому, ничего общаго не имѣвшее съ московскимъ и показавшееся мѣстнымъ жителямъ довольно забавнымъ. Б. въ обыкновенное время имѣетъ видъ крайне жалкій и грязный, будучи городкомъ ма-

ленькимъ и ничтожнымъ, на черноземномъ грунѣ безъ мостовыхъ и тротуаровъ, съ населеніемъ около четырехъ тысячъ душъ; но лѣтомъ, въ іюлѣ, онъ оживляется значительной скотской ярмаркой, на которую массами стекаются помѣщики, преимущественно изъ Z-ской и смежныхъ губерній. Въ 185* году, въ которомъ произошло событіе, на ярмарку въ Б., въ числѣ многихъ помѣщиковъ, прибыли надворный совѣтникъ Григорій Дмитріевичъ Перецѣпинъ и племянникъ его, отставной полковникъ Митрофанъ Александровичъ Масоѣдовъ. Первый имѣлъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Б., хорошо устроенное имѣніе, съ обширнымъ овцеводствомъ, славился какъ хорошій хозяинъ и слылъ за хлѣбосола и добряка. Григорій Дмитріевичъ Перецѣпинъ принадлежалъ къ помѣщикамъ стараго завѣта: образованія онъ не получилъ никакого и подписывалъ свою фамилію, «Прицѣпинъ», иногда чрезъ букву ѣ, а иногда чрезъ е, нисколько не стѣснясь; далѣе своихъ уѣзднаго и губернскаго городовъ, да окрестныхъ ярмарокъ онъ никуда изъ имѣнія не выѣзжалъ и хотя имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника, но, собственно говоря, никогда не служилъ. До чина коллежскаго регистратора онъ достигнулъ, прочислившись узаконенные годы, въ канцеляріи мѣстнаго предводителя дворянства; послѣ этого перешелъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и въ званіи почетнаго смотрителя уѣзднаго училища (въ како-

вомъ училищѣ онъ за все время своего служенія не былъ), акуратно взнося положенные въ годъ 250 рублей, своевременно производился въ чины до надворнаго совѣтника. По полученіи-же этого чина, не пожелавъ вышаго, удалился въ отставку. Въ описываемое время Григорію Дмитріевичу было около 65 лѣтъ и онъ имѣлъ большое семейство. Корпусомъ Перецѣпинъ былъ тучный, бѣлокурый, дородный мужчина, высокаго роста. Что касается до его фізіономіи, то о ней чрезвычайно трудно сказать что-нибудь, потому что форма головы Григорія Дмитріевича имѣла разительнѣйшее сходство съ дынею, извѣстною въ Малороссіи подъ именемъ «моржовки»... И это сходство было до того сильно, что зритель не могъ оторваться отъ такой чудной игры природы и мало обращалъ уже вниманія на остальные черты. Казалось, носъ долженъ-бы препятствовать этому сходству? Нѣтъ,—напротивъ, онъ-то и увеличивалъ его: носъ у Григорія Дмитріевича былъ вдавленъ, имѣлъ форму совершенно правильного трехъугольника и точь-въ-точь напоминалъ собою вырѣзку на дыняхъ и арбузахъ, дѣлаемую продавцами для удостовѣренія въ доброкачественности предлагаемыхъ плодовъ. Къ довершенію золь, все лицо его было усыяно бородавками, какъ пупырышками на дынѣ «моржовкѣ», и такими-же, какъ на дынѣ, морщинками. Глаза тоже не портили общаго впечатлѣнія, закрываясь очками бутылочнаго стекла и напоминая собою пятна на дынѣ. Митрофанъ

Александровичъ Масоѣдовъ весьма мало походилъ на дядю. Онъ былъ тоже высокій и плотный мужчина, но брюнетъ, лѣтъ пятидесяти двухъ-трехъ, съ очень гордой фізіономіей; голову держалъ какъ-то особенно кверху и имѣя красивые черные глаза, то щурилъ ихъ, то широко раскрывалъ, или смотрѣлъ изъ-подъ насупленныхъ бровей, стараясь придать себѣ видъ глубоко-проницательнаго чловѣка. Эти гримасы покрывали морщинами широкой и открытый лобъ его, но щеки были гладки, жирны и отъ хорошаго бритья лоснились. Волосы Митрофанъ Александровичъ носилъ по старой военной формѣ—чубъ назадъ, а виски напередъ, подкрашивалъ ихъ и имѣлъ великолѣпные, нафабранные усы. Образованіе Масоѣдовъ получилъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и кончилъ курсъ блистательнымъ образомъ; но по простествіи нѣсколькихъ лѣтъ всѣ знанія его какъ-то улетучились, кромѣ французскаго языка, на которомъ онъ говорилъ съ чистымъ парижскимъ акцентомъ. Впрочемъ, на словахъ Митрофанъ Александровичъ былъ чрезвычайно бойкій господинъ: могъ вести рѣчь о чемъ угодно; зато изложеніе мыслей на бумагѣ казалось ему чрезвычайно труднымъ дѣломъ. «Чортъ его знаетъ!—разсказывалъ онъ въ пріятельскомъ кругу,—самъ чувствуешь, что тутъ, въ головѣ, много... и отличныя мысли... Пожалуй, могу и разсказать, но какъ станешь писать—тѣфу! ничего не сдѣлаешь!.. Скажите по-

жалуйста, что этому причиной?..» При этомъ Масоѣдовъ пожималъ плечами и разводилъ руками. Слушатели искренно ему сочувствовали, но причины ему не разъясняли. Въ общежитіи Масоѣдовъ былъ человѣкъ не глупый, не скупой, но и не мотъ. Оставшіяся ему послѣ смерти отца имѣнія, въ М—ской и Т—ской губерніяхъ, онъ не разорилъ, крестьяне его жили довольно зажиточно, такъ какъ онъ довольствовался небольшимъ оброкомъ, и грунтъ земли въ этихъ имѣніяхъ былъ хорошъ. Сорока лѣтъ Митрофанъ Александровичъ выгодно женился и былъ счастливъ въ бракѣ, имѣя уже четырехъ дѣтей отъ десяти до двухъ лѣтъ: старшаго—сына, а остальныхъ—дочерей. Служба его шла такъ-же долгое время успѣшно; началъ онъ ее съ 18 лѣтъ и продолжалъ до сорока девяти, оставивъ лишь потому, что не получилъ ожидаемаго мѣста: это оскорбило его самолюбіе. Во время службы своей Масоѣдовъ никогда не былъ суровымъ и придиричивымъ начальникомъ и даже обходился съ солдатами, по тогдашнему времени, очень мягко и ласково. Вообще Митрофанъ Александровичъ могъ-бы пользоваться совершенно заслуженно въ своемъ кругу общимъ расположеніемъ и уваженіемъ, если-бы онъ менѣе страдалъ самолюбіемъ и самоувѣренностью. Эти два качества дѣлали его страшнымъ деспотомъ и отталкивали отъ него часто людей, долгое время ему крайне преданныхъ. Всякое мнѣніе свое онъ считалъ непогрѣшимымъ,

и что разъ задумалъ сдѣлать, то уже непременно должно было быть, хотя-бы онъ видѣлъ въ результатѣ самыя неблагопріятныя для себя послѣдствія... Масофдовъ не останавливался ни передъ какими препятствіями и шелъ прямо напроломъ, какъ медвѣдь. Зародыши самоувѣренности и деспотизма, вѣроятно, были развиты въ немъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ; впоследствии-же, рядъ удачъ и отсутствіе серьезныхъ преградъ въ дѣлѣ исполненія его желаній развили ихъ до крайности... И дѣйствительно, съ годами самодурство Масофдова приняло все болѣе и болѣе широкіе размѣры, увеличивавшіеся еще тѣмъ, что въ средѣ окружающихъ Масофдова нашлись, конечно, люди, которые, замѣтивъ его конекъ, для своихъ цѣлей подражали ему и этимъ путемъ совершали весьма неблагоприятныя вещи. Стоило, напримѣръ, только умѣть во время польстить Митрофану Александровичу— и онъ все дѣлалъ; иначе изложенная просьба, хотя-бы вполне справедливая, оставалась неудовлетворенною. Къ счастью, подобныя несправедливости Масофдовъ совершалъ самъ лично очень рѣдко, будучи отъ природы человѣкомъ очень добраго сердца; къ тому-же никто изъ подвѣдомственныхъ ему лицъ не осмѣливался затрогивать его самолюбія. Григорій Дмитріевичъ Перецѣпинъ и мать Митрофана Александровича Масофдова, Катерина Дмитріевна, урожденная Перецѣпина, были родные братъ и сестра; слѣдовательно, Митрофанъ

Александровичъ доводился Григорію Дмитріевичу роднымъ племянникомъ. Но, несмотря на такое близкое родство, они всю жизнь свою не видали другъ друга и познакомились лишь за нѣсколько дней до ярмарки въ Б., на которую они пріѣхали вмѣстѣ изъ имѣнія Перецѣпина. Причиной этому, во-первыхъ, было то, что отецъ Масоѣдова, женившись во время стоянки полка въ Z-ской губерніи, въ которомъ онъ служилъ командиромъ, въ непродолжительномъ времени, за перемѣщеніемъ полка на сѣверъ Россіи, выѣхалъ со своимъ семействомъ изъ Z-ской губерніи и болѣе не былъ уже въ этой мѣстности то по служебнымъ обстоятельствамъ, то за выходомъ въ отставку, то по тому, что имѣнія его находились во внутренней полосѣ имперіи, частію-же потому еще, что не особенно симпатизировалъ роднымъ жены; приданое за нею онъ взялъ деньгами, а потому и дѣлъ у него къ нимъ никакихъ не было. Во-вторыхъ, сынъ его, Митрофанъ Александровичъ, разлученный еще въ дѣтствѣ съ родными матери, и подавно не имѣлъ съ ними никакихъ отношеній; учился въ С.-Петербургѣ, тамъ-же поступилъ на службу и почти безвыѣздно провелъ въ этомъ городѣ всю свою жизнь; онъ былъ службистъ и пользовался только кратковременными отпусками для посѣщенія своихъ имѣній. Свиданіе племянника съ дядей произошло для обоихъ ихъ неожиданно. По выходѣ въ отставку Митрофанъ Александровичъ переселился изъ Пе-

тербурга въ наибольшую изъ своихъ деревень, Ивановку, находившуюся въ Т-ской губ., и вскорѣ по прибытіи туда былъ избранъ въ уѣздные предводители дворянства. На этой должности онъ прослужилъ три года, мѣтилъ въ губернскіе предводители и никогда не думалъ оставить свою Ивановку. Но случилось иначе: въ X-ской губерніи, сосѣднею съ Z-скою, умерла бездѣтной какая-то дальняя родственница его отца и оставила ему обширное имѣніе. Для вступленія во владѣніе этимъ имѣніемъ потребовалось личное присутствіе Масоѣдова, и Митрофанъ Александровичъ отправился туда. Новое имѣніе произвело на него самое пріятное впечатлѣніе: онъ очаровался мѣстностью, климатомъ, обширною степью, прилегавшею къ его имѣнію, и эта степь навела его на мысль заняться овцеводствомъ. Масоѣдовъ рѣшился сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ, пожертвовать на время своимъ будущимъ губернскимъ предводительствомъ и переселиться изъ Ивановки въ Елисаветовку, которую онъ собирался окрестить новымъ именемъ: «Митрофаново-Масоѣдовка». — «Губернскимъ предводителемъ дворянства, — разсуждалъ Митрофанъ Александровичъ, — я еще успѣю быть и въ X-ской губерніи, когда устрою свою Митрофаново-Масоѣдовку, а заняться сельскимъ хозяйствомъ на такой благодатной почвѣ и мѣстности мнѣ предстоитъ теперь же для счастья моего поколѣнія, въ виду тяжелыхъ слуховъ о реформахъ по преобразованію быта

крестьянъ... Кто знаетъ, можетъ быть, они и въ самомъ дѣлѣ отойдутъ на волю».

Еликонида Романовна, жена Масоѣдова, красивая, полная женщина, необычайно апатичная ко всему и страдавшая англійскимъ сплиномъ, на этотъ разъ какъ-то оживилась и съ большимъ воодушевленіемъ одобрила предположеніе мужа. Обширныя кошары для нѣсколькихъ тысячъ головъ овецъ, вмѣстѣ съ другими службами, были немедленно выстроены—оставалось только пріобрѣсти овецъ. Вдругъ, къ величайшей своей радости, онъ узнаетъ отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, что дядя его, Перецѣпинъ, живетъ отъ новаго его имѣнія на разстояніе какихъ-нибудь, полтораста верстъ, извѣстнѣйшій хозяинъ и овцеводъ, который чрезвычайно можетъ быть полезенъ ему въ этомъ дѣлѣ, и что, сверхъ того, въ Б. въ іюлѣ будетъ скотская ярмарка. Масоѣдовъ почти тотчасъ-же отправился въ Б., но не заставъ тамъ дядю, поѣхалъ къ нему въ имѣніе и познакомился, а оттуда уже вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Б. на ярмарку.

Какъ человѣкъ практической, Перецѣпинъ понималъ, что изъ затѣи его племянника нельзя ожидать никакихъ хорошихъ успѣховъ, и что его личное вмѣшательство можетъ только поселить между ними разладъ, а потому, избѣгая этого, онъ подъ разными предлогами отклонилъ отъ себя просьбу племянника быть его руководителемъ на первыхъ порахъ и указалъ вмѣсто себя на другое лицо,

тоже известное по своимъ свѣдѣніямъ въ овцеводствѣ, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, во время ярмарки, можетъ заняться приобрѣтеніемъ для него скота и даже за приличное жалованіе быть можетъ согласится управлять его имѣніемъ.

Указываемое лицо былъ отставной гусарскій вахмистръ Степанъ Максимовичъ Пархоменко, называемый всѣми Максимовичъ. За нравственныя качества этого Пархоменки Перецѣпинъ ручался, какъ за самого себя, потому что онъ былъ известенъ ему уже пятнадцать лѣтъ своею безупречною честностью, служилъ безукоризненно въ его имѣніи три года, былъ ему очень полезенъ и къ тому-же былъ человѣкъ съ состояніемъ, пожалуй, въ нѣсколько тысячъ. О чрезвычайномъ трудолюбіи Пархоменки Григорій Дмитріевичъ распространялся нѣсколько дней, во все время пребыванія у него въ домѣ Масоѣдова и во всю дорогу до Б. Онъ рассказалъ ему, какъ онъ встрѣтилъ Пархоменка въ первый разъ, когда тотъ возвратился на родину въ хуторъ Петропавловку, лежащую въ 7 верстахъ на пути изъ Гнилуши, имѣнія Перецѣпина, въ Б. Отъ Гнилуши до Б. всего 14 верстъ, такъ что Петропавловка находится какъ разъ по срединѣ пути, немного въ сторону отъ дороги. У Пархоменки, по словамъ Перецѣпина, во время прибытія на родину было всего-на-всего около 100 руб. сер., подаренныхъ ему при увольненіи въ безсрочный отпускъ офицерами полка въ благодар-

ность за прежнія услуги. Какъ отставной солдатъ, отвыкшій за свою почти двадцати-лѣтнюю службу отъ сельскихъ земледѣльческихъ работъ, Пархоменко, услыхавъ, что Перецѣпинъ нуждается въ грамотныхъ людяхъ для заводовъ, явился къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ и былъ принятъ въ качествѣ надсмотрщика за стрижкою шерсти; впоследствии Перецѣпинъ, видя его расторопность и усердіе, прибавилъ ему жалованье и далъ высшее назначеніе, такъ что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пархоменко сдѣлался у него смотрителемъ завода. Деньги, принесенныя изъ полка, онъ отдалъ на сохраненіе Григорію Дмитріевичу. Прослуживъ три года, Пархоменко захотѣлъ обзавестись своимъ хозяйствомъ въ Б., разсчитался съ Перецѣпинымъ, забралъ у него свои деньги и переѣхалъ, сколько Григорій Дмитріевичъ ни убѣждалъ его остаться послужить у него еще на большемъ жалованіи. Изучивъ за службу у Перецѣпина цѣнность шерсти по качеству, Пархоменко въ первую-же ярмарку въ Б., счумѣлъ зашибить себѣ копѣйку, занявшись покупкою шерсти съ перепродажею этого товара помѣщикамъ и факторствомъ.

— «Дѣятельность этого неутомимаго человѣка поистинѣ изумительна!» — восклицалъ Григорій Дмитріевичъ, разсыпаясь передъ Масофдовымъ въ похвалахъ Пархоменкѣ и желая зарекомендовать его, — мнѣ кажется, едва-ли за всю свою жизнь онъ хотя одинъ день просидѣлъ безъ дѣла. Въ празд-

никъ, чуть заря, смотришь, ужъ Пархоменко въ Б. на базарѣ... То съ вечера рыбы или раковъ наловить и продаетъ, то понаѣлаетъ для продажи дѣтямъ разныхъ дудочекъ, телѣжекъ... Въ будни или шьетъ, или мастерить телѣгу, или что-нибудь да придумаетъ. Золотой человѣкъ! Сами посудите, чтобы нажить простому человѣку-работнику, положимъ, хоть и въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, — тысячи, для этого нужно было потрудиться. Теперь у него свой каменный домъ въ Б*, желѣзная лавка и земля около Петропавловки».

— «Но, — возразилъ Масоѣдовъ, — имѣя свое хозяйство, вашъ Пархоменко, пожалуй, не согласится взяться за управление у меня заводомъ?..»

— «А мы постараемся убѣдить его,» — отвѣчала Перецѣпинъ, — «Пархоменко очень ко мнѣ расположенъ. Согласится. Притомъ лошади у васъ свои, отъ вашего имѣнія до Б. и полтора ста верстъ не будетъ, поэтому вы можете, отъ времени до времени, давать ему краткосрочные отпуски, на недѣлю, что-ли.»

— «Конечно, я готовъ...»

— «Во всякомъ случаѣ, — прибавилъ Перецѣпинъ, — вамъ теперь Пархоменко крайне нуженъ и необходимъ: онъ, во-первыхъ, поможетъ вамъ въ покупке партій овецъ и сдѣлаетъ хорошій выборъ, а во-вторыхъ, если уже ему самому нельзя будетъ принять ваше предложеніе, то онъ сыщеть вамъ

другого хорошаго управляющаго за своимъ ручательствомъ».

Перецѣпинъ и Масоѣдовъ прибыли въ Б. уже поздно вечеромъ, а потому отложили свиданіе съ Пархоменко до завтрашняго дня; но такъ какъ Масоѣдовъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе видѣть его, то за нимъ послано было еще съ вечера, чтобы онъ завтра явился къ Перецѣпину, какъ можно ранѣе. Пархоменко не заставилъ себя долго ждать и часовъ въ восемь утра былъ уже на мѣстѣ. Масоѣдовъ въ это время еще спалъ, но Григорій Дмитріевичъ всталъ уже давно и благодушествовалъ одинъ въ залѣ за утреннимъ чаемъ.

— «А! Максимовичъ!—радушно привѣтствовалъ онъ своего гостя.—Вотъ спасибо, что пришелъ... Подсаживайся, да давай чай пить...»

Но Пархоменко на это дружеское предложеніе отвѣчалъ только низкимъ поклономъ и остался у порога дверей.

— «Ну, хоть присядь...»

Пархоменко сѣлъ тамъ-же, на кончикъ стула. Есть лица, года которыхъ опредѣлить точно невозможно. Физиономія Пархоменки принадлежала къ подобнымъ лицамъ; ему можно было дать и тридцать пять и сорокъ пять, а также повѣрить, если-бы онъ сказалъ, что ему за пятьдесятъ лѣтъ; физиономія его была нѣсколько сурова, и это выраженіе портило довольно правильныя и красивыя черты его лица.

Пархоменко былъ высокій, сухощавый мужчина, крѣпкаго тѣлосложенія, блондинъ съ густыми волосами на головѣ, которые онъ стригъ подъ гребенку, оставляя только небольшой чубъ и височки, не менѣе густыми бакенбардами, тоже подстриженными, имѣвшими форму турецкаго огурца, и усами, закрученными на концахъ кольцами. Суровое выраженіе придавали ему блѣдно-голубые глаза, недовѣрчиво поглядывавшіе въ стороны изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей, впалыя щеки и желтый, пергаментный цвѣтъ кожи, присохшей къ костямъ. Во время визита своего къ Перецѣпину Пархоменко былъ облеченъ въ длинный, лѣтній, шерстяной сюртукъ сѣраго цвѣта, той-же матеріи брюки и жилетъ, по которому вилась надѣтая на шею золотая цѣпочка отъ часовъ и болтался ключикъ; на указательномъ пальцѣ правой руки блестяль большой и цѣнный перстень. Чистая, бѣлая манишка подъ жилетомъ была туго накрахмалена, но безъ воротничковъ, шею-же обхватывалъ большой, черный, атласный платокъ съ красными концами. Пархоменко казался степеннымъ, зажиточнымъ уѣзднымъ купцомъ или мѣщаниномъ, и только стрижка волосъ на головѣ и бакенбардахъ, да бритый подбородокъ придавали ему видъ военнаго человѣка.

— «Какъ-же поживаешь, Максимовичъ?»—спросилъ его Перецѣпинъ.

— «Ничего, слава Богу, вашею милостью, Гри-

горій Дмитріевичъ»,—отвѣчалъ почтительно Пархоменко.

— «Ну, а молодая жена, дѣтки?»

— «Тоже, благодареніе Богу.»

— «И чудесно.» Перецѣпинъ налилъ стаканъ чаю и подаль его Пархоменкѣ, который, принявъ его съ поклономъ, отправился на свое мѣсто. Перецѣпинъ сталъ разспрашивать его о ходѣ ярмарки, о цѣнахъ, о пріѣзжихъ помѣщикахъ и, наконецъ, шутиливо замѣтилъ.

— «А я противъ твоей жены злой умыселъ имѣю.»

Пархоменко засмѣялся.

— «Кромѣ шутокъ,—продолжалъ Григорій Дмитріевичъ,—я думаю отнять тебя у нея... У меня къ тебѣ большая просьба, впередъ говорю, — не откажи. Вотъ въ чемъ дѣло...—и Григорій Дмитріевичъ сталъ обстоятельно рассказывать сущность своей просьбы объ устройствѣ завода его племянника. Тѣмъ временемъ, пока между Пархоменкомъ и Перецѣпинымъ шла бесѣда, проснулся Масодовъ, умылся, одѣлся и вышелъ въ залу, къ дядѣ, въ синихъ кавалерійскихъ брюкахъ и бѣломъ кителѣ, позвякивая шпорами. Лицо его въ этотъ день было особенно свѣжо. Кивая головою и протягивая руку для привѣтствія, Григорій Дмитріевичъ встрѣтилъ полковника словами:

— «Я все хлопочу по вашему дѣлу... Это Пархоменко... Никакъ не убѣдишь его ѣхать къ вамъ»...

— «Почему же?—спросилъ Митрофанъ Александровичъ, здороваясь съ дядею и кивая головою Пархоменкѣ, въ отвѣтъ на его низкій поклонъ. Но вдругъ лицо Масоѣдова приняло выраженіе величайшаго изумленія... Глаза и ротъ широко раскрылись, руки какъ-бы окостенѣли... Потомъ, стиснувъ зубы и кулаки, онъ яростно подбѣжалъ къ Пархоменкѣ и неистово закричалъ:

— «Ты мой бѣглый камердинеръ Ксенофонтъ!»

Въ залѣ водворилось гробовое молчаніе на нѣсколько секундъ. Изъ передней выглянуло испуганное и оторопѣлое лицо лакея, желавшаго узнать причину крика. Лицо Пархоменки при этой выходкѣ полковника позеленѣло. Масоѣдовъ впился въ него глазами и фізіономія его дѣлалась все грознѣе и грознѣе.

— «Говори!—закричалъ онъ.

— «Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокородіе, отвѣчалъ, вытягиваясь во фронтъ, Пархоменко, я отставной вахмистръ Н-скаго гусарскаго полка, Степанъ Максимовъ Пархоменко; съ 1835 года находился въ безсрочномъ отпуску, а съ 40—въ чистой отставкѣ. Имѣю двѣ нашивки за безпорочную службу и медали за взятіе Парижа и турецкую...

— «Врешь я тебѣ говорю, мерзавецъ!.. — Ты Ксенофонтъ!»

— «Слушаю-съ, только никакъ нѣтъ-съ, ваше высокородіе».

— «Признавайся мнѣ сейчасъ,—съ угрозою тре-

боваль Масоѣдовъ,—я все прощу! Иначе... Ты погибь!»

Пархоменко молчалъ.

— «Слышишь?..»

— «Въ чемъ же мнѣ признаваться? — отвѣчалъ Пархоменко, ухмыляясь.

— «А!.. Такъ, такъ?.. О-о-о-о!.. Нѣтъ, нѣтъ... Ты, братъ, отъ меня не отдѣлаешься. Я сейчасъ же арестую тебя... Эй, человѣкъ!.. Попросить ко мнѣ городничаго... Скажи, чтобы минуты не медлилъ... По очень важному дѣлу, къ полковнику Масоѣдову, —скому предводителю дворянства. Пошелъ!»

— «Помилуйте, Митрофанъ Александровичъ, что вы дѣлаете? Пархоменко, вѣдь, всё мы знаемъ. Онъ здѣшній уроженецъ, успокойтесь! —останавливалъ его Григорій Дмитріевичъ».

— «Слышать ничего не хочу,—возразилъ Масоѣдовъ, въ бѣшенствѣ расхаживая по комнатѣ,—я знаю только, что онъ Ксенофонтъ... какъ его?... да! Ксенофонтъ Петровъ Долгополовъ... Ты?—обратился онъ вопросительно къ Пархоменкѣ».

— «Никакъ нѣтъ-съ».

— «Ну, это мы увидимъ».

— «Случается, —вступился Григорій Дмитріевичъ,—что бывають поразительныя сходства физиономій... Я узналъ...».

— «Что вы мнѣ говорите,—горячо перебилъ его Масоѣдовъ,—у меня ястребинные глаза... Если я

разъ увижу человѣка, то помню его рожу всю жизнь... а то я не узнаю Ксенофонта, который служилъ у меня десять лѣтъ въ Петербургѣ... Онъ воръ!.. Онъ укралъ у меня десять тысячъ. Его всюду разыскивали и не могли найти...»

Григорій Дмитриевичъ было недовѣрчиво взглянулъ на Пархоменко, но тотъ пожалъ плечами и отрицательно покачалъ головою, такъ что Перецѣпинъ не зналъ, что и думать о своемъ племянникѣ.

— «Я вамъ докажу,—кипятился разгорячившійся Митрофанъ Александровичъ,— что это самозванецъ. Вотъ я его сейчасъ проэкзаменую, шельму... Ты въ которомъ году поступилъ, говоришь, на службу?»

— «Собственно, ваше высокородіе, я поступилъ въ 13-мъ году, сначала въ М-ское земское ополченіе, но эта служба у меня, не знаю по какому случаю, пропала. Вѣроятно былъ не занесенъ въ списки; потомъ меня въ 181* году перевели въ Н-скій гусарскій и съ этого времени пошла моя настоящая служба.»

— «При вступленіи въ Парижъ, къ какому корпусу былъ причисленъ вашъ полкъ?»

— «Ко второму-съ, ваше высокородіе.»

— «Кто былъ корпуснымъ командиромъ?»

— «Графъ Алексѣй Петровичъ Н., дивизионнымъ — генераль-адъютантъ фонъ - П., а полковымъ — генераль-маіоръ С-овъ.»

— «Вѣрно, каналья, — замѣтилъ сквозь зубы Масоѣдовъ.

— «Ты раненъ?»

— «Никакъ нѣтъ-съ».

— «Въ 1832 — 34 году не зналъ-ли ты въ N-скомъ гусарскомъ полку офицера, князя Панфилова».

— «Какже: я ихняго эскадрона. Нонѣ они изволятъ быть въ отставкѣ и въ позапрошломъ году соблаговолили заочно воспринимать отъ св. крещенія у меня второго сына. Я зналъ, — добавилъ Пархоменко, — всѣхъ офицеровъ нашего полка до 1835 года, а съ нѣкоторыми Богъ привелъ видѣться уже послѣ отставки.»

— «Все это можетъ быть, — перебилъ его Митрофанъ Александровичъ, — но я тебѣ докажу, что я не ошибаюсь: ты — мой бывший камердинеръ Ксенофонъ Долгополовъ, — воръ и ныпѣ самозванецъ.. Иначе, послѣ этого, я не полковникъ Масоѣдовъ.»

Б-скій городничій, отставной пѣхотный подпоручикъ Бобановъ, явившійся по приглашенію, хотя не видѣлъ достаточныхъ данныхъ къ арестованію знакомаго ему вахмистра Пархоменко, но будучи человѣкомъ изъ простаго званія, малограмотнымъ, занимавшимъ свою должность изъ милости, побоялся вліянія и богатства полковника Масоѣдова, и Пархоменко былъ арестованъ.

Въ тотъ-же день къ Z-скому губернатору посланы были двѣ эстафеты: одна — отъ городничаго,

съ донесеніемъ о происшествіи, другая—отъ Масоѣдова, въ которой онъ просилъ участія губернатора въ этомъ дѣлѣ, производства строжайшаго слѣдствія и назначенія для этого особо-распорядительнаго чиновника, а также о перемѣщеніи Пархоменки изъ-подъ ареста при городской полиціи подъ строгій карауль въ мѣстный тюремный замокъ.

Закипѣло дѣло, взволновавшее всю губернію. Всѣ были убѣждены, что полковникъ обознался и съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ все кончится. Одни злорадовались, другіе сожалѣли о Масоѣдовѣ, а третьи переносили это сожалѣніе на Пархоменку, опасаясь, что бѣдный человекъ можетъ безвинно просидѣть нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ дѣло затухать безо всякихъ послѣдствій для Масоѣдова.

III.

Въ главныхъ чертахъ объявленіе, поданное полковникомъ Масоѣдовымъ, которымъ онъ началъ свое преслѣдованіе противъ Пархоменки, заключалось въ слѣдующемъ: Въ 1823 году, по смерти отца его, генераль-лейтенанта Александра Константиновича Масоѣдова, ему досталось въ наслѣдство имѣніе въ Т-ской губерніи Варваровка; между крестьянами числился Ксенофонть Петровъ Долгополовъ, котораго онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе, ла-

кеемъ. Въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ службы своей Ксенофонтъ Долгополовъ отличался безукоризненнымъ поведеніемъ, расторопностью и честностью; за такія качества Митрофанъ Масоѣдовъ, въ то время поручикъ гвардіи, приблизилъ его къ себѣ на должность камердинера, и Долгополовъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ своего господина: на его рукахъ находились всѣ наличныя Масоѣдова деньги и все имущество; но на десятый годъ, именно съ половины 1834 года, Долгополовъ перемѣнился, сталъ пить, позволять себѣ грубить и вести предосудительный образъ жизни. Видя эту перемѣну, Масоѣдовъ принялъ противъ Долгополова нѣкоторыя мѣры взысканія, которыя, однакоже, не привели ни къ чему; тогда Масоѣдовъ задумалъ было удалить его отъ себя и сослать въ деревню на полевыя работы. Это намѣреніе было очень хорошо извѣстно Долгополову, а потому онъ, чтобы не понести заслуженнаго имъ наказанія, рѣшился бѣжать, захвативъ съ собою шкатулку Масоѣдова съ десятью тысячами наличныхъ денегъ и съ цѣнными вещами, на сумму, приблизительно, тысячъ шесть или семь, нѣсколько перемѣняъ бѣлья и платья. Преступленіе это совершено было Долгополовымъ вечеромъ 17 апрѣля 1835 года. Онъ воспользовался отлучкою Масоѣдова 16 апрѣля изъ Петербурга въ Гатчину, по дѣламъ службы, на нѣсколько дней, который отдалъ ему приказаніе явиться къ нему въ этотъ

городъ съ нѣкоторыми вещами 20-го числа. Долгополовъ объявилъ прочей прислугѣ, что будто-бы баринъ приказалъ ему выѣхать въ Гатчину не 20, а на другой день, т. е. 17 апрѣля. Онъ преспокойно и въ виду прислуги взялъ шкатулку и вещи, связалъ все это въ узелъ, попрощался со всѣми и вышелъ изъ квартиры Масоѣдова, сказавъ, что онъ на улицѣ найметъ себѣ извозчика до станціи. Не дождавшись своего камердинера въ Гатчинѣ 20-го числа, Масоѣдовъ 21 послалъ нарочнаго въ Петербургъ узнать о причинѣ этого и получилъ извѣстіе, что Долгополовъ еще 17-го числа отправился къ нему съ вещами и шкатулкою... Такимъ образомъ только черезъ четыре дня, и то первоначально въ формѣ предположенія, было узнано о побѣгѣ Долгополова; вслѣдствіе этого, несмотря на самыя строжайшіе розыски со стороны полиціи и Масоѣдова и повсемѣстныхъ публикаціи по Россіи, съ описаніемъ примѣтъ бѣглеца, Долгополовъ не былъ отысканъ и сумѣлъ скрываться до настоящаго времени. «Нынѣ-же,—заявляетъ Масоѣдовъ,—29 Іюня 1852 года, онъ узнанъ мною въ лицѣ проживающаго въ Б., подъ именемъ отставнаго гусарскаго вахмистра Степана Максимовича Пархоменки. Въ томъ-же, что именующій себя Пархоменкомъ есть дѣйствительно крестьянинъ Ксенофонтъ Долгополовъ, я обязуюсь представить, не позже полутора мѣсяца, свидѣтелей, оставшихся еще въ живыхъ, которымъ лично из-

вѣстенъ Долгополовъ, для дачи имъ очныхъ ставокъ. Прошу вытребовать изъ С.-Петербургскаго губернскаго правленія дѣло «о побѣгѣ и кражѣ денегъ и вещей у штабсъ-ротмистра гвардіи Митрофана Александровича Масоѣдова крѣпостнымъ его человѣкомъ Ксенофонтомъ Петровымъ Долгополовымъ, начатое въ 1835 году».

Пархоменко показывалъ о себѣ, что онъ изъ государственныхъ крестьянъ слободы Петропавловки, родился 17 августа 1796 года и крещенъ священникомъ Б-ской Воздвиженской церкви, отцомъ Николаемъ Богоявленскимъ, который живъ въ настоящее время и по прибытіи его, Пархоменка, въ Петропавловку, узналъ черты его лица, такъ какъ отецъ Николай Богоявленскій зналъ Пархоменка мальчикомъ и напутствовалъ при поступленіи въ ополченіе. Отецъ и мать Пархоменки умерли, когда онъ находился въ военной службѣ; около тридцати лѣтъ назадъ двѣ сестры его также умерли до возвращенія его на родину, но есть дальніе родственники и сотоварищи дѣтства, которые узнали его и могутъ подтвердить подъ присягою, что онъ именно Пархоменко, родившійся въ Петропавловкѣ, а не кто-либо другой. Такихъ лицъ Пархоменко представилъ въ числѣ двѣнадцати человѣкъ и припоминалъ имъ, при очныхъ ставкахъ, нѣкоторыя свои и ихъ дѣтскія шалости и продѣлки. Свидѣтели единогласно подтвердили слова его и признали его за Степана Максимовича Пар-

хоменка. Наконецъ, о службѣ своей въ N-скомъ гусарскомъ полку, кромѣ указа объ отставкѣ, Пархоменко представилъ различныя записки и письма, адресованныя къ нему его прежними сослуживцами, какъ до отставки, такъ и по выходѣ въ нее и, въ числѣ прочихъ, письма своего бывшего эскадроннаго командира, нынѣ отставнаго генералъ-маіора, князя Памфилова. Но всѣ эти доказательства не смущали полковника Масоѣдова, и онъ продолжалъ упорно увѣрять, что Пархоменко — крестьянинъ Ксенофонть Петровъ Долгополовъ. Однако и онъ увидѣлъ, что уличить Пархоменка въ самозванствѣ какими-либо документами нѣтъ никакой возможности, а далѣе безпокоился, что едва-ли и самыя очныя ставки Пархоменки съ его свидѣтелями, которые знали Ксенофонта Долгополова, могутъ привести его къ удовлетворительному результату, въ виду несомнѣнно твердаго заирательства Пархоменка и присяги свидѣтелей противной стороны. Словомъ, дѣло стало принимать весьма дурной оборотъ для Масоѣдова...

IV.

Въ шести или семи верстахъ отъ губернскаго города Т., по большой дорогѣ на Москву, лежитъ помѣщичье имѣніе Варваровка, съ тремя тысячами душъ жителей малороссіянъ, замѣчательное по сво-

ему красивому и привлекательному мѣстоположенію. Особенно хороша Варваровка въ лѣтнее время и весною, когда распускаются деревья и изъ-за зелени скромно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то кокетливо выглядываютъ маленькіе, бѣленькіе крестьянскіе домики. По срединѣ Варваровки лежитъ обширный паркъ, окруженный каменною оградою и примыкающій къ быстрой и свѣтлой рѣкѣ Торопцѣ, омывающей Варваровку. Изъ-за ограды внутри парка нынѣ видѣются среди зелени развалины какого-то огромнаго нежилого зданія съ претензіями на готическій стиль, въ своемъ родѣ очень красиваго и по своей огромности, сравнительно съ другими зданіями въ Варваровкѣ, даже величественнаго. Зданіе это нѣкогда было господскимъ домомъ. Отъ воротъ въ оградѣ со львами и прочими атрибутами до параднаго подъѣзда въ домѣ шла густая, тополевая алея, усыпанная желтымъ пескомъ. Варваровка еще въ царствованіе Елизаветы Петровны принадлежала уже дворянскому роду Масоѣдовыхъ, довольно древнему въ Россіи, но нѣсколько разъ она переходила въ другія руки и вновь случайно возвращалась къ нимъ обратно. Такъ, на примѣръ, въ царствованіе Екатерины Великой, въ 1770 году, Варваровка принадлежала премьеръ-маіору Стогонову, доставшись ему въ приданое за его женою, Варварою Константиновною, урожденною Масоѣдовой, но какъ у Стогоновыхъ не осталось въ живыхъ дѣтей, то послѣ смерти

Варвары Константиновны Стогоновой, въ 1810 г., Варваровка перешла во владѣніе къ брату ея, Александру Константиновичу Масоѣдову, а потомъ, по наслѣдству, къ сыну его, Митрофану Александровичу. Варвара Константиновна вышла за пятидесятилѣтняго, неопытнаго старика, премьеръ-маіора Стогонова, четырнадцати лѣтъ, по волѣ своихъ родителей, безъ собственнаго согласія, о которомъ, впрочемъ, ея никто и не спрашивалъ, и, разумѣется, безъ всякой любви. Поэтому, не было ничего удивительнаго въ томъ, что это замужество не принесло счастія Варварѣ Константиновнѣ. Явныхъ семейныхъ раздоровъ и ссоръ между супругами не было, и Варвара Константиновна всегда была вѣрна мужу, но, несмотря на свой мягкій и скромный характеръ, она часто жаловалась близкимъ подругамъ и роднымъ на старчески-ворчливый характеръ своего мужа и признавалась, что онъ ей противенъ. Наружностью Стогонова несколько не походила на своихъ подругъ, помѣщицъ того времени. Вслѣдствіе ранняго замужества или другихъ причинъ, она осталась на всю жизнь недоразвитою физически: съ узенькими, какъ у дѣвочекъ, плечиками и грудью и тощими ручками; но, при всемъ этомъ, фізіономія ея была очень красива и симпатична. Болѣе всего въ фізіономіи ея обращали на себя вниманіе темно-голубые глаза, въ которыхъ отражалось много добродушія, тонкій носикъ и черные густые волосы, спадав-

шіе на лобъ природными фестонами. Несмотря на ея красоту, въ Москвѣ, гдѣ она жила съ своимъ мужемъ, какъ-то на нее никто не обращалъ вниманія.

Въ характерѣ Варвары Константиновны было также много дѣтскаго и романическаго. Она любила уединеніе: часто по цѣлымъ ночамъ просиживала у окна, а иногда, украдкою, на крыльцѣ, любуясь на звѣзды и мѣсяцъ; посѣщая деревню поздно вечеромъ, уходила въ ближайшій лѣсъ, въ чащу, пугалась тамъ, предаваясь страхамъ, и чувствовала въ то же время самыя пріятныя ощущенія, мечтала о монастырѣ, о жизни отшельницъ и была страстная охотница слушать рассказы съ трагическимъ, мелодраматическимъ или фантастическимъ содержаніемъ. Дѣтей у Варвары Константиновны отъ брака съ Стогоновымъ былъ только одинъ сынъ Павелъ, родившійся, когда ей самой было шестнадцать лѣтъ, чрезвычайно слабымъ и хилымъ ребенкомъ.

Овдовѣвъ на двадцать восьмомъ году въ Москвѣ, Стогонова, схоронивъ мужа, не приняла предложеніе своего отца перейти на житье къ нему въ домъ и переселилась вмѣстѣ съ своимъ сыномъ въ Варваровку, уже давно привлекавшую ее къ себѣ своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ. Деревенскій воздухъ подѣйствовалъ на здоровье Павлуши весьма благотворно; мальчикъ окрѣпъ, сдѣлался бодрымъ и веселымъ и въ одно утро объявилъ неожиданно ма-

тери, что онъ хочетъ учиться. Желаніе сына какъ нельзя болѣе совпадало съ собственнымъ желаніемъ Варвары Константиновны. Павлуша не былъ посвященъ до этого времени въ азбучную премудрость лишь вслѣдствіе болѣзненного своего состоянія, но Стогонова все-таки была удивлена его заявленіемъ и спросила его: «кто внушилъ ему эту мысль?»

Оказалось, что Павлуша познакомился со своими сверстниками, дѣтьми варваринскаго священника, отца Василя, которые пребойко читаютъ псалтирь; чтенію-же этому ихъ научилъ какой-то Сергѣй Михайловичъ, семинаристъ, живущій въ домѣ отца Василя и ищущій дьячковскаго мѣста. Обрадованная Варвара Константиновна въ тотъ-же день вечеромъ послала за священникомъ посоветываться съ нимъ и уполномочила его переговорить съ семинаристомъ и условиться съ нимъ о цѣнѣ за его труды. Дѣло уладилось за два серебряныхъ руб. въ мѣсяцъ. Павлушѣ была куплена азбука, и чрезъ нѣсколько дней, по отслуженіи молебна, онъ уже сидѣлъ за столомъ и, качаясь на стулѣ, съ закрытыми глазами, звонкимъ голосомъ затягивалъ: «азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть; азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть...» Около него, на кончикѣ стула, неловко помѣщался высокій, худощавый, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, въ неуклюжихъ сапожищахъ и въ черномъ, длиннополомъ коленкоровомъ причетническомъ каф-

тантъ, который онъ безпрестанно запахиваль, держа руки скрещенными около пояса. Загорѣлое отъ солнца, лицо его было покрыто яркимъ румянцемъ и каплями пота, частію отъ жары, бывшей въ тотъ день, а частію отъ смущенія: въ комнатѣ, гдѣ происходило ученіе, присутствовала за какимъ-то занятіемъ и Варвара Константиновна, а молодому человѣку до того времени не случалось бывать въ женскомъ обществѣ, при такой еще, по его взгляду, аристократической обстановкѣ. Смущеніе его еще болѣе увеличивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій разъ, какъ онъ подымаль глаза свои, они постоянно встрѣчались съ глазами молодой помѣщицы. Физиономія семинариста, дѣйствительно, обратила на себя особое вниманіе Варвары Константиновны по одному странному сходству. Ей показалось лицо его давно знакомымъ, какъ будто-бы она гдѣ-то видѣла его и любовалась и этимъ бѣлымъ, открытымъ лбомъ, обрамленнымъ вьющимися бѣлокурыми волосами, упавшими на плечи изящными локонами, и этими небесно-голубыми глазами, абрисомъ правильнаго носика, небольшими усиками и овальной, раздвоенной, пушистой бородкой... Семинаристъ былъ красавецъ, но Варвара Константиновна, кромѣ физической красоты, находила въ выраженіи лица молодого человѣка что-то божественное... «Ангель... Архангель...» промелькнуло у нея въ головѣ и вдругъ она вспомнила видѣнный ею въ Петро-

павловскомъ соборѣ въ Петербургѣ, на боковыхъ дверяхъ, при входѣ въ алтарь, образъ архангела Гавріила...

Въ самомъ дѣлѣ, сходство учителя ея сына съ этимъ изображеніемъ, предъ которымъ, какъ художница въ душѣ, Стогонова неоднократно останавливалась съ благоговѣніемъ въ созерцаніи красоты, было поразительнѣйшее!.. Сердце молодой женщины, при видѣ воплотившагося оригинала изображенія, помимо ея воли, учащеннѣе забилося и затосковало... Утомленная потокомъ нахлынувшего къ ней чувства, взволнованная, съ ослабѣвшими нервами, Варвара Константиновна вышла изъ комнаты и пошла было къ себѣ въ спальню, но чрезъ минуту, не находя и тамъ себѣ покоя, она ушла въ садъ, забралась въ тѣнь чащи деревьевъ и сѣла на землю, обхвативъ горячую голову... Ей было безотчетно тяжело: мысли какъ-бы остановились, сплелись и душа чего-то жаждала... Она чувствовала, что полюбила... Отнявъ руки отъ лица, Стогонова стала смотрѣть на окружающее и прислушиваться... Дулъ легкій вѣтеръ, листья деревьевъ тихо шумѣли и вели между собою задушевную бесѣду; цвѣты и трава какъ-бы лобызались, наклоняясь другъ къ другу; солнце жгло; воздухъ былъ пропитанъ раздражающимъ ароматомъ плодовыхъ деревьевъ: яблони, груши, вишни и маслянистаго ясня; вокругъ ползали и копошились букашки, порхали бабочки; въ одномъ мѣстѣ свиснулъ со-

ловей, въ другомъ закуковала кукушка, чирикали и гонялись за своими подругами пылкіе воробьи... Но все это, чѣмъ прежде любовалась и развлекалась Варвара Константиновна, теперь вызвало у нея горючія, неудержимыя слезы...

Сергѣй Михайловичъ, по фамиліи Смирницкій, былъ сынъ пономаря сосѣдней съ Варваровкою деревни, человѣка крайне бѣднаго, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ и имѣвшаго несчастную страсть къ крѣпкимъ напиткамъ. Сергѣй родился первенцемъ, имѣлъ большое сходство въ лицѣ съ чертами матери, очень красивой женщины, и, по этому случаю, былъ ея любимцемъ. Матери жалко было разстаться съ своимъ Сережею и она долгое время упрашивала своего мужа не отсылать его въ бурсу, черезъ что онъ поступилъ въ это заведеніе довольно поздно, на 14-мъ году, но зато, будучи подготовленъ своимъ отцомъ, поступилъ прямо во 2-й классъ, миновавъ 1-й, служившій какъ-бы приготовительнымъ. Прасковья Нифонтовна, мать Сережи, была смирная, добрая женщина, съ мягкимъ сердцемъ и хорошая хозяйка. Въ селѣ всѣ ее прозвали «чистюлею», зато, что изба ея была всегда затѣйливо обмазана, полъ былъ усыпанъ пескомъ, печь узорно выкрашена, стеклянная и мѣдная посуда блестяли; дѣтей своихъ Прасковья Нифонтовна безпрестанно полоскала, зимою и лѣтомъ, и водила ихъ, хоть и бѣдно, часто въ очень ветхихъ рубашечкахъ, но

зато всегда чисто вымытыхъ, и аккуратно причесанныхъ. Къ чистоплотности у дьячихи была особая привязанность съ ранняго дѣтства. Кромѣ того, она строго наблюдала за своими дѣтьми. Удаляла ихъ отъ всего дурного, отъ общества черезъ-чуръ рѣзкихъ мальчиковъ, стыдила за малѣйшій проступокъ и заставляла держать себя чинно: не пачкаться въ грязи, не кувыркаться, не лазить по плетнямъ и деревьямъ и т. п. Отъ этого дѣти ея были нѣсколько вялы, но лишены грубыхъ ухватокъ, капризовъ и имѣли нѣжныя облагороженныя личики; такъ что, когда Сережа поступилъ въ бурсу, онъ представлялъ собою рѣзкій контрастъ со своими товарищами, большинство которыхъ въ его года пило уже водку, совершало кражи и другіе подвиги, отличалось распущенностью и великимъ мастерствомъ изобрѣтать страшнѣйшія ругательства, отъ которыхъ стыдливаго Сережу бросало въ краску. Счастливыя условія, при которыхъ протекло дѣтство Сережи Смирницкаго, не покинули его и во время пребыванія въ бурсѣ: вопреки основательнымъ ожиданіямъ матери, онъ прибылъ къ ней чрезъ шесть лѣтъ, по окончаніи курса, при переходѣ въ семинарію, въ классъ «словесности», не испорченнымъ въ нравственномъ отношеніи. Воспитываясь въ бурсѣ, Смирницкій жилъ у своей тетки Екатерины Нифонтовны Архиразумовской, вдовы-дьяконицы, родной сестры его матери. Всѣхъ ихъ было три сестры: Ирина, Ека-

терина и Прасковья; онѣ были дочери священника Т—скаго собора, отца Нифонта Ижехерувимскаго, оставшіяся въ дѣтствѣ круглыми сиротами. Отецъ Нифонтъ Ижехерувимскій умеръ, когда старшей дочери было 8 лѣтъ, средней—пять, а младшей— всего два года; мать умерла спустя пять лѣтъ послѣ смерти мужа. Старшая, Ирина, была нехороша собою, но вслѣдствіе того, что по распоряженію мѣстнаго архіерея за нею все время до достиженія ею полного совершеннолѣтія числился приходъ ея отца, и назначенный священникъ былъ только временнымъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ другой приходъ,— она вышла замужъ за священника-же и черезъ четыре года умерла. Екатерина прихода не имѣла и вышла замужъ за дьякона, а Прасковья, которую совершеннолѣтіе застало въ крайней бѣдности, принуждена была выйти за причетника. Дьяконица Екатерина Нифонтовна Архиразумовская, состоявшая въ городѣ Т. просвирнею при одной изъ приходскихъ церквей, обладала такими-же свойствами характера, какъ и сестра ея Прасковья: имѣла такое-же доброе сердце и вела странную, уединенную жизнь, посвящая ее богоугоднымъ дѣламъ и постоянному чтенію священнаго писанія. Не имѣя собственныхъ дѣтей (Архиразумовская была бездѣтна) и принявъ на свое попеченіе племянника, Екатерина Нифонтовна любила его, какъ родного сына, и берегла его нравственность, какъ зеницу ока. Живя недалеко

отъ бурсы, она пускала племянника въ классы лишь при самомъ началѣ лекцій, чтобы онъ мѣнѣе находился въ кругу «сорванцовъ», какъ она называла обыкновенно его товарищей и въ назначенные часы выхода изъ бурсы или наблюдала изъ оконъ, или встрѣчала его за воротами. Знакомыхъ и друзей она выбирала ему сама, и безъ спроса племянникъ ни на минуту не могъ выйти изъ дома. Въ свободное отъ уроковъ время она давала ему какія-либо занятія по-дому, а по вечерамъ заставляла его читать что-нибудь ей, преимущественно, изъ Четы-Минеи житія святыхъ отцевъ. Не развлекаемый ничѣмъ постороннимъ, Сергѣй Смирницкій оказывалъ въ бурсѣ и въ классѣ словесности въ семинаріи хорошіе уснѣхи въ наукахъ и видѣлъ въ перспективѣ священническое мѣсто; но обстоятельства воспрепятствовали сбыться его надеждамъ. Во время ученія Сергѣя, семейство дьячка Михаила Смирницкаго достигло до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что онъ рѣшительно былъ не въ состояніи прокормить его и впалъ въ вопіющую бѣдность. Поэтому онъ рѣшился просить сына оставить свое ученіе и прискаты себѣ мѣсто, чтобы быть подспорьемъ младшимъ своимъ братьямъ и сестрамъ, которыхъ у него было: первыхъ восемь, а вторыхъ шесть душъ. Сергѣй тотчасъ-же безпрекословно согласился; но мать его, дьячиха Прасковья Нифонтовна, долго протестовала противъ этого и помирилась

только на томъ, что Сережа будетъ не причетникомъ, а дьякономъ, имѣя на это нѣкоторыя права, какъ ученикъ уже семинаріи; впоследствии она надѣялась видѣть его и священникомъ. Полученіе дьяконовскаго мѣста сопряжено было съ хлопотами и хотя просвирня Екатерина Архиразумовская, приложивъ всѣ свои старанія и по нѣсколькимъ часамъ валяясь въ ногахъ у архіерея, выпросила у него обѣщаніе дать ея племяннику санъ дьякона, но съ условіемъ *sine qua non*, жениться на бѣдной сиротѣ изъ духовнаго званія. По несчастію, видѣнныя злополучнымъ женихомъ сироты-невѣсты были такъ некрасивы и уродливы, что Сергѣй Смирницкій, при всемъ душевномъ желаніи быть полезнымъ своему семейству поскорѣе, не могъ ни одну изъ нихъ избрать себѣ въ подруги жизни, что и заставило его на нѣкоторое время принять приглашеніе сосѣдняго, варваринскаго священника, поселиться у него въ домѣ въ качествѣ учителя дѣтей его за небольшое вознагражденіе, а впоследствии и принять предложеніе помѣщицы Стогоновой.

Маленькій Павлуша страстно привязался къ своему учителю, ревѣлъ благимъ матомъ, когда тотъ уходилъ изъ ихъ дома, настойчиво просилъ мать, чтобы Сергѣй Михайловичъ жилъ у нихъ. Варвара Константиновна какъ-то колебалась сдѣлать такое предложеніе молодому человѣку, но потомъ уступила просьбамъ сына и Смирницкій поселился въ одномъ домѣ съ нею. Ему была отве-

дена небольшая комната, находившаяся не въ далекомъ разстояніи отъ спальни ея и Павлуши. Сергѣй Михайловичъ ежедневно проводилъ въ обществѣ молодой вдовы по нѣскольку часовъ; они вмѣстѣ пили чай, обѣдали и ужинали, но, несмотря на всѣ эти благопріятныя для сближенія обстоятельства, молодые люди какъ-бы чуждались другъ друга, вслѣдствіе робости и застѣнчивости ихъ характеровъ. Сама Варвара Константиновна была неразговорчива отъ природы, а Смирницкій на всѣ ея вопросы отвѣчалъ, весь краснѣя отъ лба до подбородка и потупляя глаза въ землю, лишь: «да-съ», «нѣтъ-съ», «очень хорошо-съ», «покорно благодарю-съ» и тому подобное. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца онъ едва-ли сказалъ ей два или три слова постороннихъ. А, между тѣмъ, Варвара Константиновна была для него цѣлый міръ и наполняла собою все существо молодого человѣка. Онъ думалъ о ней съ утра до вечера, грезилъ ею ночью, волновался при ея приближеніи, шорохѣ платья или звукѣ голоса. Малѣйшее, случайное прикосновеніе къ ней повергало всего его въ электрическую, нервную дрожь.

Однажды ночью надъ Варваровкой разразилась сильнѣйшая гроза, сопровождавшаяся оглушительными ударами и раскатами грома. Въ господскомъ домѣ воцарились необычайные страхъ и смятеніе. Варвара Константиновна, окружающія ея женщины и, въ особенности, Павлуша

страшно боялись грозы. Всѣ они столпились въ спальнѣ Стогоновой, затеплили лампы, позажигали страстные свѣчи и при каждомъ блескѣ молніи и раскатахъ грома шептали: «Да воскреснетъ Богъ», но гроза не уменьшалась. Опасность измѣняетъ обычныя условія житейскихъ приличій и Смирницкій былъ также приглашенъ въ спальню Стогоновой, какъ мужчина, слѣдовательно храбрецъ, не боящійся грозы, тѣмъ болѣе, что присутствія его требовалъ Павлуша. На обязанности Смирницкаго лежало ободрить испуганныхъ женщинъ. По этому онъ сначала застѣнчиво успокаивалъ ихъ словами, «что, дескать, это ничего», «не безкойтесь», «Богъ дастъ—пройдетъ», потомъ попытался было рассказать имъ по крайне запутанному объясненію своего учителя, непонятное ему самому происхожденіе молніи и грома, но когда на первыхъ-же словахъ онъ былъ ославленъ, почти какъ богоотступникъ, потому что всѣ окружающіе Стогонову, да отчасти и сама она, приписывали громъ Божьему гнѣву на людей и поѣздѣ Ильи пророка на огненной колесницѣ, тогда Сергій Михайловичъ предложилъ чтеніе Евангелія.

Предложеніе это было всѣми одобрено.

Смирницкій былъ прекрасный, выразительный чтецъ, владѣлъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, который производилъ сильное впечатлѣніе на слушателей; особенно дѣйствіе его отразилось на Варварѣ Константиновнѣ, которая слушала его, не

спуская глазъ съ чтеца и позабывъ свой страхъ. Гроза, между тѣмъ, постепенно стихала. Съ прекращеніемъ ея кончилось и чтеніе. Послѣ минованія опасности люди становятся какъ-то особенно болтливы и веселы, спѣша передать пережитыя ими во время ея ощущенія. Варвара Константиновна стала передавать Смирницкому, какъ она увидѣла приближеніе грозы, тотъ, съ своей стороны, рассказалъ ей, какъ однажды въ его глазахъ молнія зажгла вѣтряную мельницу, и разговоръ завязался. Это былъ первый шагъ сближенія. На другой день, встрѣтись за утреннимъ чаемъ, молодые люди были гораздо разговорчивѣе и развязнѣе въ обращеніи другъ съ другомъ, чѣмъ до этого. Возобновивъ разговоръ на прежнюю тему о вчерашней грозѣ, Варвара Константиновна предложила затѣмъ Смирницкому поѣхать послѣ обѣда съ нею и съ Павлушею въ поле, посмотрѣть, въ какомъ оно находится состояніи. Съ поля они заѣхали въ лѣсъ. Здѣсь Варвара Константиновна, подъ влияніемъ внутреннаго волненія, открыла Смирницкому, какое впечатлѣніе производитъ на нее природа и ея явленія. Смирницкій слушалъ и находилъ отголоски въ самомъ себѣ. Вкусы молодыхъ людей были одинаковы. Сергѣй Михайловичъ былъ также мечтатель, а добытыя имъ въ семинаріи въ большомъ количествѣ романы Сталь, и, въ особенности, Коцебу, которые онъ приобрѣлъ даже въ свою собственность и перечиты-

валъ ежедневно, развили въ немъ склонность къ сентиментальности. Вскорѣ книги эти были перенесены изъ комнаты Смирницкаго въ апартаменты Варвары Константиновны, и по вечерамъ происходило чтеніе, безпрестанно прерываемое Варварою Константиновною восклицаніями удивленія, догадками, что будетъ съ героемъ или героинею, выраженіями сочувствія къ ихъ всегда злополучной судьбѣ, опасеніями за ихъ участь (хотя всѣ знали, что добродѣтель въ концѣ, непремѣнно, восторжествуетъ, а порокъ будетъ наказанъ), отвращеніями къ тиранамъ, гонителямъ и притѣснителямъ. Чтеніе всегда сопровождалось храпомъ двухъ женщинъ, постоянно присутствовавшихъ въ комнатѣ: ключницы Елизаветы и Митродоры, няньки Павлуши, помѣщавшихся въ углу съ чулками въ рукахъ и обыкновенно засыпавшихъ на чтеніи второй или третьей страницы, да сопѣніемъ сладко спавшаго на диванѣ Павлуши. Варвара Константиновна была одушевленная слушательница: ея щеки горѣли лихорадочнымъ румянцемъ, глаза блестѣли, или наполнялись, при патетическихъ мѣстахъ, слезами, въ словахъ, обращенныхъ къ Смирницкому стали проглядывать, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, фамильярность и нѣжность.

Стогонова полюбила безъ размысленій, не заглядывая въ будущее, и готова была предаться вся пожиравшей ея страсти. Смирницкому любовь, напротивъ, приносила одни страданія: онъ тоже лю-

билъ впервые, горячо и сильно, но разницу состояній и общественнаго положенія считалъ непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы когда либо назвать любимую имъ женщину своею... Отецъ и мать Смирницкаго, хотя были очень довольны сыномъ, отдававшимъ имъ свое жалованье полнымъ числомъ, и хотя, кромѣ того, Стогонова безпрестанно помогала имъ въ хозяйствѣ хлѣбомъ и разною провизіею, но они, все-таки, смотрѣли на занимаемое сыномъ ихъ мѣсто, какъ на временное и неоднократно высказывали ему желаніе—видѣть его поскорѣе женатымъ и діакономъ. Смирницкій становился все задумчивѣе и грустнѣе и, наконецъ, не видя исхода, въ одинъ день рѣшился покинуть навсегда Варваровку. Былъ поздній осенній вечеръ. Случилось такъ, что Стогонова и Смирницкій находились въ комнатѣ одни, безъ свидѣтелей. Она полулежала на диванѣ, онъ прохаживался по комнатѣ. Съ переселеніемъ въ господскій домъ Смирницкій измѣнилъ свой костюмъ и одѣлся въ черную суконную пару, сшитую деревенскимъ портнымъ, но съ претензіями на моду того времени.

— Варвара Константиновна,—началъ молодой человекъ разбитымъ голосомъ, останавливаясь передъ нею,—я все собираюсь сказать вамъ, да не смѣю...

— Что такое?—тревожно спросила Стогонова, съ сильно забившимся отъ предчувствія чего-то новаго сердцемъ.

— По волѣ родителей, — робко продолжалъ Смирницкій, — я долженъ буду на дняхъ уѣхать въ Т*, искать себѣ мѣсто.

— Какъ?.. Слѣдовательно, вы меня оставляете?.. почти вскричала Варвара Константиновна, приподымаясь съ дивана.

— Да-съ.

— Неужели?.. Милый мой, голубчикъ!.. Не покидай меня!.. и, — заливаясь слезами, Стогонова обвила руками шею молодого человѣка. — Развѣ ты меня не любишь?.. Я не могу жить безъ тебя... Архангелъ мой...

— Видитъ Богъ, Варвара Константиновна, — проговорилъ Смирницкій, покрывая руки ея поцѣлуями, — что и я под...

— Нѣтъ... Слушать ничего не хочу... Я не отпущу тебя, будь, что будетъ! — возразила Стогонова..

И Смирницкій остался въ Варваровѣ.

Слухъ о близкихъ отношеніяхъ помѣщицы Стогоновой къ дьячковскому сыну пошелъ по всему околотку; а вслѣдъ затѣмъ разнеслась еще скандальная вѣсть, что будто-бы Варвара Константиновна даже выходитъ за мужъ за этого пономаря...

V.

Въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, отгоняя отъ себя мрачныя мысли о будущемъ, Смирницкій и Стогонова были очень счастливы, но одно пе-

чальное обстоятельство измѣнило мирное теченіе ихъ жизни. Зимой, на рождественскихъ праздникахъ, катаясь въ саняхъ, Павлуша простудился, заболѣлъ и умеръ. Пребываніе, послѣ этого, Смирницкаго въ домѣ Стогоновой сдѣлалось неумѣстнымъ и предосудительнымъ. Разлука, казалось, сдѣлалась неизбѣжна, но Варвара Константиновна рѣшилась преодолѣть всѣ препятствія. Она торжественно объявила своимъ домашнимъ, что выходить замужъ: пригласила священника и обручилась со Смирницкимъ. Но, браку этому не суждено было состояться. Новое замужество Варвары Константиновны, остававшейся бездѣтною, само собою разумѣется, не могло быть выгоднымъ, а чрезъ это и пріятнымъ, брату ея Александру Константиновичу — прямому наслѣднику послѣ ея смерти, а такой неравный бракъ, сверхъ того, еще компрометировалъ все семейство Масоѣдовыхъ. Бѣшенство Александра Константиновича, когда онъ узналъ о намѣреніи своей сестры, не имѣло предѣловъ. Онъ немедленно-же отправился къ Стогоновой въ Варваровку, въ надеждѣ убѣдить и урезонить сестру отказаться отъ такого скандальнаго брака, но всѣ совѣты и увѣщанія его оказались тщетными; тогда въ умѣ Масоѣдова созрѣлъ другой планъ дѣйствій, который удался какъ нельзя лучше. Онъ отправился въ Т*, переговорилъ съ архіереемъ, и Смирницкій былъ вытребованъ въ этотъ городъ духовною консисторією, а затѣмъ за

предосудительное поведеніе былъ сданъ въ солдаты. Все это въ настоящее время можетъ казаться невѣроятнымъ, но я прошу не забывать, что рассказываю «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой»...

Дальнѣйшая судьба Сергѣя Михайловича Смирницкаго неизвѣстна. Слѣхи о немъ были весьма различны: одни говорили, что онъ убитъ въ какомъ-то сраженіи, другіе, что, поступивъ въ военную службу, онъ спился съ круга, что-то надѣлалъ и кончилъ жизнь свою подъ ударами шпиритеновъ. Разлученная съ Смирницкимъ, Варвара Константиновна прожила еще около девяти лѣтъ, никуда не выѣзжая изъ Варваровки, въ совершенномъ отчужденіи отъ своихъ прежнихъ знакомыхъ и родныхъ. Единственнымъ утѣшеніемъ ея былъ родившійся у нея отъ Смирницкаго сынъ, по имени Ксенофонтъ, хорошенькій бѣлокурый мальчикъ, на которомъ Стогонова сосредоточила всю свою любовь и материнскую заботливость. Малѣйшее дурное вѣтерка на Ксенофонта приводило Варвару Константиновну въ трепетъ: какъ-бы сынъ ея не простудился и не заболѣлъ. Всякое слово ребенка было для нея закономъ. Мальчикъ былъ смышленъ и рѣзвъ. На седьмомъ году Стогонова начала уже учить его грамотѣ, для чего былъ приглашенъ самъ отецъ Василій, и Ксенофонтъ оказывалъ успѣхи: восьми лѣтъ онъ читалъ довольно бойко и красиво и писалъ по двумъ линей-

камъ. При всей простотѣ своей, Варвара Константиновна хорошо понимала разницу въ общественномъ положеніи между своимъ умершимъ, законнорожденнымъ сыномъ Павлушею и этимъ несчастнымъ, и знала, что только образованіе могло вывести ея любимца въ люди и предоставить ему благородное званіе. Съ этою цѣлію Стогонова собиралась преселиться въ Москву, чтобы Ксенофонтъ тамъ могъ учиться на ея глазахъ. Къ поѣздкѣ все было уже готово, какъ вдругъ холера мгновенно пресѣкла дни Варвары Константиновны. Она умерла въ нѣсколько часовъ, не успѣвъ составить духовнаго завѣщанія и сдѣлать распоряженія о своемъ сынѣ. Варваровка досталась, какъ я сказалъ уже выше, брату Стогоновой, Александру Константиновичу Масоѣдову. Первымъ распоряженіемъ новаго владѣльца было выгнать Ксенофонта изъ господскаго дома, надѣть на него свитку и сослать въ пастухи. Мальчикъ былъ приписанъ въ сказку къ одной крестьянской семьѣ подъ именемъ Ксенофонта, по крестному отцу Петрова, съ фамиліей Долгополовъ, вѣроятно, какъ намекъ, на происхожденіе отца мальчика. Дѣло говорить само за себя. Несчастному избалованному ребенку крайне тяжело было переносить новую обстановку, въ которую бросила его злая судьба, и въ дѣтскомъ возрастѣ онъ вынесъ много нравственныхъ пытокъ, стыда и униженія. Но человѣкъ удивительно переносливое животное. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ

грубомъ, загорѣломъ, высокаго роста крестьянскомъ парнѣ невозможно было узнать извѣннаго сына Варвары Константиновны, хотя, все-таки, Ксенофонтъ Долгополовъ весьма рѣзко выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ-односельцевъ. Приобрѣтенное имъ въ дѣтствѣ знаніе грамоты и изрѣдка чтеніе книгъ, добываемыхъ у дьячковъ и пономарей, предохранило его языкъ отъ особо тяжелыхъ мѣстныхъ провинціализмовъ; остались въ головѣ нѣкоторыя понятія, усвоенныя въ счастливый періодъ его жизни, которыя были выше разумнія простаго крестьянина, а также внѣшняя сторона, т. е. манеры, походка и прочее. Управляющій имѣніемъ, видя развитость и смышленность Долгополова, хотѣлъ неоднократно перевести его для письменныхъ работъ на службу въ вотчинное правленіе, но, изъ боязни гнѣва владѣльца, оставлялъ его при господскихъ стадахъ, давая особыя порученія, которыя дѣлали его выше другихъ простыхъ пастуховъ. Крутой переворотъ, сразу грянувшій на мальчика, гоненія, испытанныя имъ въ то время, отъ однихъ ради угоды барину, отъ другихъ изъ мести по злому сердцу или по зависти къ его прежнему благоденствію, оскорбленія отъ товарищей и безродность, положили печать на характеръ Долгополова. Изъ Ксенофонта образовался человѣкъ отчасти хитрый, скрытный, сосредоточенный, всего удаляющійся и крѣпко берегущій свою собственную шкуру. Ксенофонтъ Долгополовъ никакъ не

могъ забыть своего происхожденія и дѣтской обстановки...

Украдкою, по ночамъ, онъ посѣщаль могилу матери, часто съ грустью посматриваль на окна господскаго дома и изъ глазъ его струились горькія слезы... Неизвѣстно, зрѣла-ли въ головѣ Долгополова какая-либо сокровенная мысль, но только онъ чутко прислушивался къ малѣйшей молвѣ объ ожидавшейся крестьянами свободѣ и когда ему исполнилось девятнадцать лѣтъ—обычная пора для брака въ средѣ крестьянъ—онъ долго уклонялся отъ этого и умоляль управляющаго, валяясь у него въ ногахъ, оставить его холостымъ, потому что онъ чувствуетъ сильное отвращеніе къ брачной жизни. Управляющій былъ человекъ не безъ сердца, сожалѣль о положеніи Долгополова и тронулся его мольбами. Двадцати четырехъ лѣтъ Ксенофону Долгополову суждено было пережить третью эпоху въ своей жизни. Владѣлецъ и гонитель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дядя его, Александръ Константиновичъ умеръ, и Варваровка досталась сыну его, Митрофану Александровичу Масоѣдову, съ которымъ мы познакомились въ предыдущихъ главахъ. Митрофанъ Александровичъ въ то время былъ всего двадцати пяти лѣтъ, поручикъ гвардіи, почти сверстникъ Долгополова, смотрѣвшій на людей и ихъ отношенія другъ къ другу, если дѣло не касалось лично его персоны, слишкомъ легкимъ взглядомъ. Тетки своей Варвары Константиновны

Стогоновой, Митрофанъ Александровичъ никогда не видалъ, но біографія ея ему поверхностно была извѣстна; онъ также слышалъ, что отъ любви тетки его къ семинаристу у нея остался сынъ, числившійся въ крестьянахъ его отца, по имѣнію Варваровкѣ, но онъ не видѣлъ въ этомъ ничего неестественнаго и считалъ дѣло это въ порядкѣ вещей, можетъ потому, что подобныя примѣры въ то время бывали сплошь и рядомъ. Мнѣ даже кажется, что случись увлеченіе съ самимъ Митрофаномъ Александровичемъ съ какой-либо изъ своихъ крестьянокъ, онъ также точно бы отнеся равнодушно и къ судьбѣ своего родного сына. — Но онъ вовсе былъ далекъ отъ мысли, по примѣру отца, тѣснить Долгополова—напротивъ: если-бы кто посторонній или самъ Ксенофонтъ обратился къ нему съ ходатайствомъ дать ему отпускную, Митрофанъ Александровичъ очень легко, можетъ быть, выдалъ бы ее. Масоѣдовъ пріѣхалъ въ Варваровку на самое короткое время изъ простого любопытства взглянуть на свое новое имѣніе, въ которомъ онъ до того не былъ, но смерть одного изъ его лакеевъ задержала его на нѣсколько дней и Митрофану Александровичу пришла фантазія пополнить свой штатъ тотчасъ-же изъ среды новыхъ своихъ крестьянъ.

— Пожалуйста,—обратился онъ къ управляющему имѣніемъ,—прищите мнѣ, какъ можно поскорѣе челоуѣка, знаете, этакъ порасторопнѣе, въ

годахъ умершаго моего лакея, лѣтъ двадцати двухъ—трехъ, скромнаго, хотя немного грамотнаго и при этомъ нельзя-ли не женатаго... Я не люблю разрознивать семейства.

Положеніе управляющаго было очень затруднительное: единственный человѣкъ, который-бы отвѣтствовалъ всѣмъ требованіямъ Масоѣдова, былъ въ Варваровкѣ Ксенофонтъ Петровъ Долгополовъ, но предложить его, не зная взгляда на этотъ предметъ Митрофана Александровича, онъ колебался.

— Что-же? Неужели нѣтъ!—спросилъ съ досадою Масоѣдовъ.—Непремѣнно найдите...

— Есть, но... онъ въ пастухахъ.

— Зачѣмъ же вы держите въ пастухахъ грамотнаго человѣка?..

— Сосланъ онъ-съ еще мальчикомъ по десятому году. Это была воля вашего покойнаго родителя, послѣ смерти Варвары Константиновны... Онъ у насъ приписной къ ревизской сказкѣ пастуха Петра...

— Гм.. Какъ его зовутъ?

— Ксенофонтъ Петровъ Долгополовъ.

— А кромѣ его другого никого нѣтъ?

— Я не знаю-съ. Все либо люди женатые, либо неграмотные, либо олухи... А этотъ скромень, грамоти знаетъ и холостой.

— Ну, въ такомъ случаѣ пришлите его. Я думаю, ему у меня будетъ лучше служить, чѣмъ въ пастухахъ.

Этимъ разсужденіемъ рѣшилась участь Долгополова. Его немедленно нарядили въ костюмъ умершаго лакея, въ вычурный, вышитый шнурками казакинъ, и представили помѣщику. Масоѣдовъ остался доволенъ, и чрезъ нѣсколько дней Долгополовъ укатилъ со своимъ бариномъ изъ Варваровки въ Петербургъ.

VI.

Около шести лѣтъ Митрофанъ Александровичъ, казалось, будто бы не обращалъ никакого вниманія на службу своего новаго лакея Ксенофонта Долгополова, несмотря на его аккуратность, услужливость, честность и расторопность, при самомъ безукоризненномъ поведеніи.

За это время при Масоѣдовѣ смѣнилось нѣсколько камердинеровъ, и Долгополовъ всякій разъ рассчитывалъ занять эту должность, но Митрофанъ Александровичъ почему-то все отстранялъ его и только на седьмой годъ удостоилъ такимъ повышеніемъ; зато съ этихъ поръ довѣріе Масоѣдова къ Ксенофону стало безгранично и онъ никогда не контролировалъ выдаваемыхъ ему на расходы денегъ. Житіе Долгополова было, само собою разумѣется, несравненно лучше житія его въ Варваровкѣ, особенно, когда онъ сдѣлался камердинеромъ.

Дѣла у Масоѣдова было очень мало, при томъ его по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, никогда

не было дома; для черныхъ работъ Ксенофонть имѣлъ у себя нѣсколько подручныхъ лакеевъ, такъ что, сдѣлавъ утромъ необходимыя распоряженія, онъ до глубокой ночи оставался свободнымъ и могъ всегда совершенно безнаказанно отлучиться изъ дома, тѣмъ болѣе, что на его отвѣтственности лежали всѣ заботы по хозяйству, а потому на случай внезапнаго прїѣзда, не въ урочное время, Масоѣдова въ квартиру всегда былъ законный предлогъ къ отсутствію. Въ матеріальномъ отношеніи Ксенофонть былъ также хорошо обеспеченъ: имѣя, по своему званію, довольно хорошую, въ двѣ комнаты, квартиру, столъ, конечно, барскій, много платья и бѣлья, поступавшаго къ нему частію съ господскихъ плечъ, золотыя часы, кольца и, кромѣ находившихся у него постоянно на рукахъ господскихъ денегъ, изъ которыхъ, впрочемъ, онъ почти не дѣлалъ экономіи въ собственную пользу, еще небольшой личный капиталецъ, такъ какъ Масоѣдовъ платилъ ему по десяти рублей въ мѣсяцъ жалованья и нѣсколько разъ въ годъ дѣлалъ денежные подарки иногда до двадцати пяти рублей. Ксенофонть почитывалъ книжки, газеты, курилъ хорошія сигары, хаживалъ въ театръ и имѣлъ свой кругъ знакомыхъ... Словомъ сказать, житью Ксенофонта у Масоѣдова завидовало очень много лакеевъ, камердинеровъ и другихъ лицъ, но Ксенофонть всегда грустно отвѣчалъ на это извѣстною пѣсенкой:

Золотая волюшка
 Мнѣ милѣй всего,
 Не хочу за волюшку
 Въ свѣтѣ ничего...

И Долгополовъ постоянно завидоваль всякому свободному человѣку, какъ-бы ни была скудно вознаграждаема его профессія.

— Эхъ! дуракъ я, дуракъ,—разсуждалъ какъ-то Ксенофонтъ въ своей компаніи,—что въ молодости берегъ свою шкуру... Было бы напроказить, авось попалъ бы въ солдаты...

— А въ солдатахъ какая сласть быть?—замѣтили ему,—палки, что ли, по вкусу приплысь?..

— Все лучше,—отвѣчалъ онъ,—чѣмъ быть крѣпостнымъ... Палки страшны только на первыхъ порахъ, пока не узнаешь службу, а тамъ, далѣе... веди себя лишь аккуратно... Я человѣкъ грамотный—унтеръ былъ-бы или же попалъ-бы въ писаря, а выслужилъ годы и совсѣмъ сталь-бы вольный казакъ!.. А теперъ я что?—Сейчасъ при часахъ, франтъ—куда угодно, а вечеромъ, гляди, придетъ баринъ, не понравится ему что, велитъ снимать съ тебя все, да и пошлетъ въ деревню свиней пасти!

Свои сожалѣнія о томъ, что онъ не отданъ въ военную службу, Долгополовъ съ нѣкотораго времени сталъ высказывать довольно часто, и затѣмъ домашніе стали замѣчать его возвращавшимся домой въ нетрезвомъ видѣ. Но въ послѣдніе годы

службы Ксенофонта у Масоѣдова не одна только грусть о свободѣ грызла его сердце: къ ней присоединилась еще несчастная любовь.

Прислуга въ домѣ Масоѣдова въ Петербургѣ состояла изъ однихъ мужчинъ, исключая проживавшей у него безъ всякой должности жены умершаго кучера Кирсана; пятидесятилѣтней старухи Демьяновны, бывшей кормилицы Митрофана Александровича, къ которой онъ питалъ нѣкоторую привязанность; сама же старуха не слышала души въ своемъ воспитанникѣ и боготворила его: другими словами и нельзя выразить ея рабскія къ нему чувства любви и преданности. Демьяновна была тучная, умственно неразвитая женщина, но очень скромнаго характера, ни во что не вмѣшивавшаяся въ домѣ, за что была любима всею прислугою Масоѣдова. Демьяновна разговаривала только о трехъ предметахъ: вспоминала, когда она была кормилицею Митрофана Александровича и его дѣтство, о смерти Кирсана, своего мужа, и о своей любимой дочери, красавицѣ Христинѣ, которую она еще при жизни Александра Константиновича дѣвочкою отдала въ ученье въ модный магазинъ въ Москвѣ. Христинѣ было уже двадцать четыре года, но она продолжала жить въ Москвѣ, все въ томъ же магазинѣ, высылая въ главную контору незначительный оброкъ.

Видя строгій образъ жизни Ксенофонта относительно прекраснаго пола, Демьяновна, смѣясь, говорила ему:

— Ахъ ты, святой праведникъ! а вотъ, какъ посмотрѣлъ бы ты на мою Христю, такъ, небось, вся и добродѣтель куда бы дѣвалась... Огонь дѣвка!..

— А вы выписывайте ее къ намъ, въ Петербургъ,—отвѣчалъ также шутливо Ксенофонтъ,—понравится, тогда можно честнымъ пиркомъ, да и за свадебку... Митрофанъ Александровичъ согласится.

Демьяновна призадумывалась: ей очень нравился Ксенофонтъ и неоднократно приходила въ голову мысль, что онъ могъ бы быть прекраснымъ мужемъ для ея дочери; ее останавливало только то, что Ксенофонтъ былъ крѣпостной, а она мечтала о замужествѣ Христины съ «вольнымъ» человѣкомъ. Но тоска по любимой дочери, которую она очень давно не видала, взяла верхъ. Демьяновна начала самоувѣренно разсчитывать, что баринъ, вѣроятно, вслѣдствіе ея личныхъ заслугъ, а также и Ксенофонта, не откажетъ дать ему и ея дочери отпускныя; она послала къ Христинѣ рѣшительное письмо, требуя, чтобы та немедленно оставила Москву и прибыла къ ней въ Петербургъ, гдѣ она также можетъ найти себѣ въ магазинѣ еще лучшее мѣсто. Христина явилась въ Петербургъ. О пріѣздѣ своей дочери Демьяновна долгомъ сочла доложить барину и намѣревалась представить ее ему, но Митрофанъ Александровичъ былъ въ то время занятъ и на докладъ отвѣчалъ Демьяновнѣ.

— Нѣтъ, мнѣ теперь некогда. Пусть поступаетъ куда-нибудь въ магазинъ... Годовой оброкъ я съ нея складываю. Тебѣ бы давно слѣдовало ее выписать сюда. Вѣрно она въ Москвѣ избаловалась?..

— Никакъ нѣтъ, Митрофанъ Александровичъ, ничего незамѣтно... Кажется, она у меня примѣрная дѣвушка.

— Ну, хорошо... Ступай.

Ксенофонтъ къ пріѣзду Христины отнесся совершенно иначе, чѣмъ баринъ. Ему удалось разсмотрѣть, когда она входила въ домъ и спрашивала свою мать, и черные жгучіе глаза молодой дѣвушки, и круглое, бѣлое, свѣжее лицо съ легкимъ румянцемъ и пріятною улыбкою, и роскошный станъ, и изъ-подъ широкихъ греческихъ рукавовъ платья чудной формы и ослѣпительной бѣлизны изящныя руки. Въ тотъ день онъ съ особымъ тщаніемъ позанимался своимъ туалетомъ и наружностью. Собираясь идти въ комнату къ Демьяновнѣ, Ксенофонтъ былъ въ такомъ волненіи, что принужденъ былъ прилечь на нѣсколько минутъ на диванъ, чтобы успокоить сильно бьющееся сердце. Ему захотѣлось непременно понравиться Христинѣ и заслужить ея расположеніе. Въ этомъ онъ полагалъ все свое будущее счастье. За короткій промежутокъ времени, послѣ того какъ красота дѣвушки метнулась ему въ глаза, онъ передумалъ многое и по сходству идей остановился на одной мысли съ Демьяновной, что совмѣстныя его и ея услуги Масовдову чрезъ

женитьбу его на Христинѣ, если не тотчасъ, то впоследствии, могутъ принести ему свободу, къ которой онъ стремился всю свою жизнь.

— Что, какова моя Христина Кирсановна?— спросила у Ксенофонта съ самодовольною улыбкою Демьяновна, когда тотъ нѣсколько сканфуженно вошелъ въ ея комнату и поздоровался съ нею и ея дочерью.

— Ваша правда... На картинахъ такихъ красавицъ не встрѣчалъ.

Молодая дѣвушка покраснѣла и стыдливо потупила глаза. Ксенофонтъ сталъ разспрашивать ее о путешествіи въ Петербургъ, о Москвѣ, о тамошней жизни. Христина отвѣчала сначала робко и застѣнчиво, потомъ освоилась и заговорила бойко и живо, выказывая много природнаго ума. Ксенофонтъ слушалъ ее съ большимъ удовольствіемъ; онъ также понравился ей, но немного показался суровымъ и задумчивымъ. Старушка смотрѣла на молодыхъ людей веселыми глазами. Дальнѣйшее знакомство между Ксенофонтомъ и Христиною завязалось быстро. Онъ тотчасъ-же, имѣя связи, пріискалъ ей мѣсто въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ, безпрестанно дѣлалъ различные сюрпризы и множество мелкихъ услугъ; въ праздники доставлялъ ей и ея подругамъ удовольствія: возилъ въ театръ, на загородныя гулянья и тому подобное. Черезъ мѣсяцъ Ксенофонтъ уже не сомнѣвался въ искреннемъ расположеніи къ нему

дѣвушки, но, какъ человѣкъ осторожный и недо-
вѣрчивый, онъ не дѣлалъ формальнаго предложенія,
желая самымъ положительнымъ образомъ удосто-
вѣриться въ нравственности Христины, такъ какъ
прошлая жизнь ея ему была неизвѣстна. Болѣе
всего его смущали получаемыя ею отъ кого-то
письма изъ Москвы, которыя онъ считалъ за лю-
бовныя. Видя, что Ксенофонтъ затягиваетъ время,
Демьяновна, смотрѣвшая на первыхъ порахъ весьма
благосклонно на сближеніе молодыхъ людей, ста-
ла опасаться и сдѣлалась сурова въ обращеніи съ
нимъ и строга къ дочери; это гоненіе послужило
еще къ большему ихъ сближенію, и Ксено-
фонтъ откровенно высказалъ Христинѣ причину
своей нерѣшительности просить у матери ея
руки, но страшныя клятвы ея въ своей невинности
разогнали всѣ его подозрѣнія и сомнѣнія. По
окончаніи этого объясненія они отправились съ
поклономъ къ Демьяновнѣ. Старуха выслушала
ихъ съ притворнымъ изумленіемъ, поломалась, за-
ставила поклониться и попросить ея согласія и
наконецъ благословила, строго приказавъ моло-
дымъ людямъ сохранять въ величайшей тайнѣ,
что они женихъ и невѣста до той поры, пока она
самолично не испроситъ на это барскаго разрѣ-
шенія. Чтобы не испортить и не проиграть какъ-
нибудь своего дѣла, Демьяновна положила ждать
и обратиться съ своею просьбою къ Масойдову въ
то время, когда онъ будетъ въ хорошемъ распо-
ложеніи духа.

VII.

Въ одно воскресенье, послѣ вкуснаго и сытнаго завтрака, съ выпитой до половины бутылкой мадеры, Митрофанъ Александровичъ лѣниво полулежалъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, въ великолѣпномъ халатѣ, шитыхъ золотомъ туфляхъ и ермолеѣ съ кисточкою, покуривая сигару и играя халатными кистями. На щекахъ его блистала яркій румянецъ и счастливая улыбка. Ксенофонтъ былъ въ этой же комнатѣ, убирая со стола. Митрофанъ Александровичъ находился въ такомъ веселомъ настроеніи, что даже вступилъ съ своимъ камердинеромъ въ шуточный разговоръ. Это онъ позволялъ себѣ очень рѣдко.

— А что ты, Ксенофонтъ, думаешь ли когданибудь жениться?—спросилъ онъ съ презрительной усмѣшкой.

— Какъ прикажете, сударь,—отвѣчалъ Ксенофонтъ, вытягиваясь въ струнку и поблѣввъ весь, какъ салфетка, которая была у него въ то время на плечѣ.

— Я разрѣшаю... Если хочешь даже жениться на вольной, пожалуй, дамъ тебѣ и отпущную, но только съ условіемъ, чтобы ты навсегда оставался у меня служить, пока мнѣ это будетъ угодно, и служилъ бы попрежнему...

— Митрофанъ Александровичъ!.. баринъ!.. голубчикъ!.. вдругъ вскрикнулъ Ксенофонтъ и паль

предъ Масоѣдовымъ на колѣни,—благодѣтельствуйте!.. Всю жизнь свою буду вѣрно служить вамъ, до послѣдней капли крови. Буду самъ вѣчно, да и дѣтямъ своимъ закажу молить о васъ Богу.

— Вѣрно влюбленъ?.. А я думалъ, что это чувство тебѣ недоступно,—замѣтилъ тѣмъ-же тономъ Масоѣдовъ,—что-же, хороша невѣста?

— Не могу знать,—отвѣчалъ Ксенофонтъ.

— Вотъ болванъ!.. Кто же она такая!..

— Нашей Демьяновны дочь.

— Демьяновны, кормилицы?

— Такъ точно.

— Да я и забылъ, что она пріѣхала изъ Москвы. Ну, хорошо...

— Она сейчасъ здѣсь, у матери,—умоляюще и робко доложилъ Ксенофонтъ.

— И чудесно. Въ такомъ случаѣ мы сейчасъ и порѣшимъ. Зови ее сюда, съ матерью.

Ксенофонтъ побѣжалъ, не слыша ногъ подъ собою.

— Идите вы и вы,—сказалъ онъ, прибѣгая въ комнату старухи, обращаясь къ ней и къ Христинѣ, съ сіяющимъ лицомъ и задыхающимся голосомъ,—я все сказалъ барину!.. Онъ согласенъ!.. Даетъ отпустить... Велѣлъ звать васъ... Идите скорѣе!

Женщины всполошились, заахали и начали прихорашиваться, чтобы приличнѣе предстать предъ бариномъ. Внутреннее волненіе ихъ само-собою понятно. Ксенофонтъ торопилъ ихъ идти скорѣе. Онъ

не посмѣлъ послѣдовать за ними въ кабинетъ и остался дожидать результата аудіенціи въ залѣ, съ трепетомъ посматривая на золотую въ углу икону, шепча молитвы, крестясь и творя поклоны.

Митрофанъ Александровичъ продолжалъ полулежать съ беззаботнымъ и благодушнымъ видомъ, предполагая встрѣтить въ невѣстѣ своего камердинера весьма обыкновенное, простое лицо горничной дѣвушки или магазинной швей, но красота Христины озадачила и отуманила его... Между тѣмъ Демьяновна обратилась къ нему съ приличною случаю рацеєю, а Христина стояла возлѣ, не смѣя поднять глаза свои на барина. Смущеніе дѣвушки, алый румянецъ, покрывшій ея щеки, и высоко дышащая грудь дѣлали ее прелестнѣе обыкновеннаго... Митрофанъ Александровичъ жадно впился въ нее глазами, не слушая вовсе старуху.

— Какая хорошенькая—проговорилъ онъ, подходя къ Христинѣ и трепля ея атласную щечку. Я переговорю съ нею, — обратился онъ къ Демьяновнѣ послѣ короткой паузы—уйди себѣ...

Демьяновна было замаялась на своемъ мѣстѣ.

— Я говорю тебѣ: уйди!—повторилъ Митрофанъ Александровичъ, возвысивъ голосъ. Старуха повиновалась и услышала, что вслѣдъ за нею дверь въ кабинетъ щелкнула на замокъ.

— Что? спросилъ шопотомъ Ксенофонтъ у Демьяновны въ залѣ.

— Не-е зна-ю... отвѣчала дрожащимъ голосомъ

бѣдная мать, всхлипывая и трясаясь вся,—вы-и-с-далъ... ей велѣлъ оставаться.

Ксенофонтъ едва устоялъ на ногахъ и съ отчаяніемъ схватился за свои волосы. Христина, возвратясь въ комнату къ матери, припала на плечо старухи и зарыдала.

Ксенофонтъ былъ позванъ въ кабинетъ звонкомъ барина.

— О томъ, ты понимаешь,—сказалъ ему Митрофанъ Александровичъ, грозя указательнымъ пальцемъ,—ты не долженъ не только думать, но и вспоминать. Иначе я задушю тебя. Я беру Христину къ себѣ. Чтобы къ вечеру заднія комнаты были для нея очищены и обмеллированы. Вотъ деньги.—Масоѣдовъ отпоръ столъ и выбросилъ Ксенофонту пачку ассигнацій.—А теперь,—продолжалъ онъ,—вели запереть лошадей, да приготовь мнѣ умыться, и ѣду.

VIII.

24 апрѣля 1836 года, при яркихъ лучахъ палящаго солнца, по пыльной проселочной дорогѣ изъ города Б. въ село Петропавловку шли на встрѣчу два пѣшехода: одинъ—изъ города, другой—изъ села. Оба они были блондины, съ смуглыми загорѣлыми лицами и русыми небритыми бородами, почти одинаковыхъ среднихъ лѣтъ, одного роста и до того похожихъ другъ на друга, что всякій, сличившій

ихъ фізіономіи, сдѣлалъ бы заключеніе, что они если не близнецы, то навѣрное родные братья. Даже костюмы ихъ были одинаковы: старыя солдатскія шинели, сапоги съ рыжими, короткими голенищами, картузы съ длинными уродливыми козырьками, въ рукахъ палки, за плечами котомки и у пояса тыевенныя кубышки для воды. Поровнявшись, пѣшеходы взглянули другъ на друга и лица ихъ выразили удивленіе. Пѣшеходъ изъ села остановился, пожалъ плечами и сталъ всматриваться въ городского пѣшехода пристальнѣе, но тотъ поклонился и пошелъ по дорогѣ ускоренными шагами далѣе.

— Эй! землякъ, погоди! крикнулъ вслѣдъ ему оставшійся, но тотъ притворился неслышащимъ.

— Да погоди-же!—продолжалъ пѣшеходъ изъ села,—безъ того не пушу...—и пустился за удалявшимся въ догонку. Слыша преслѣдованіе, пѣшеходъ изъ города остановился въ оборонительной позѣ.

— Такъ и есть. Ксенофонтъ Петровичъ! Ишь гдѣ привелъ Богъ видѣться! сказалъ подошедшій съ сіяющимъ отъ радости лицомъ. Здорово! Аль не узналъ?

— Не знаю.

— Меня-то? Степана Максимовича Пархоменку! Да что ты? Господь съ тобою!

— Вы ошиблись.

— Тебя, скажешь, не узналъ? Родной мой! да я тебя хоть гдѣ узнаю. Полно, уважь, не притво-

райся. Бѣда, что-ли, какая случилась? Можетъ, бѣжалъ и боишься, что выдамъ? Небойсь. Грѣхъ тебѣ, вспомни, Ксенофонть Петровичъ, вѣдь мы крестами помѣнялись. Не выдамъ, хоть бы человѣка зарѣзалъ.

Ксенофонть Петровъ Долгополовъ—это былъ онъ—осмотрѣлся кругомъ и, подавая Пархоменкѣ руку, проговорилъ: «Ну, здорово, Степанъ Максимовичъ!»

— Давно-бы такъ!

Товарищи обнялись и поцѣловались.

— Здѣсь на дорогѣ не ладно, замѣтилъ Долгополовъ, вонъ, въ сторонѣ—лѣсочекъ, пойдёмъ туда, тамъ и покалякаемъ. Кстати со мною водочка и закусочка есть.

— Пойдемъ! Водка и у меня тоже есть. Ужъ и какъ-же я радъ, что тебя встрѣтилъ! говорилъ дорогою Пархоменко, вѣришь, вчера такая меня взяла тоска, что руки хотѣлъ на себя наложить.

— Съ чего же такъ?

— Да, какъ-же... Жизнь ты мою всю знаешь, почитай, какъ свои пять пальцевъ. Ничего я не скрывалъ отъ тебя. Помнишь въ прошломъ году, передъ масленной, когда ты провожалъ меня изъ Петербурга въ безсрочный отпускъ, какъ я тогда рвался въ свою Петропавловку и какъ я всегда скучалъ о ней. Вѣдь она, вонъ смотри, гдѣ родимая Петропавловка, я сейчасъ изъ нея. Что-же ты думаешь, прибрелъ я къ ней ввечеру,—вхожу, перекрестился, ну, словно не то село: ни улицъ,

ни хать не узнаю. «Да Петропавловка-ли это?» спрашиваю. Говорять: «Петропавловка». Что-жь она перестроена, что ли, что избы все новыя, да новыя? Отвѣчаютъ: «лѣтъ десять тому назадъ пожаръ былъ, и все село выгорѣло до тла...» Защемило мое сердце: не видать мнѣ, значить, той избы, въ которой я родился. Заплакалъ горько. Поразспросилъ объ отцѣ и матери: умерли, говорятъ, почти вслѣдъ затѣмъ какъ я пошелъ на службу. То-то они и не отвѣчали мнѣ, когда я посылаю къ нимъ изъ полка деньги и письма. Старшая сестра, что была замужемъ, Оксана, бездѣтная, сгорѣла на пожарѣ, мужъ ея умеръ, младшая сестра умерла въ дѣвушкахъ года три назадъ... Кругомъ безродный бобыль! Никто меня не узнаётъ, всякъ остерегается, дескать, солдатъ, какъ бы чего не унесъ, или пожара не надѣлалъ. Въ родномъ селѣ голову некуда приклонить. Съ горя пошелъ я прямо въ кабакъ, къ жиду. Спасибо, хоть человѣкъ-то попался разговорчивый. Покалякали мы съ нимъ; выпилъ я и у него же уснулъ...

— Куда же ты теперь идешь? спросилъ Долгополовъ.

— Иду въ Б., хочется отслужить молебень. Видишь ты, у насъ въ Петропавловкѣ своей церкви нѣтъ, такъ мы—городского воздвиженскаго прихода. Меня въ караульнѣ этой церкви и крестили. Жидъ сказывалъ, что воздвиженскій попъ, отецъ Николай, дюже древній старикъ. Можетъ быть тотъ самый, что крестилъ меня.

— А послѣ какое имѣешь намѣреніе?

— А посмотрю, отвѣчалъ Пархоменко. Думаю сначала опредѣлиться куда нибудь сторожемъ, что-ли, а далѣе огляжусь и заведу торговлю: курительнымъ табачкомъ, махоркою, нюхательнымъ, чубучками, трубочками, что попадетса... Пахать я уже отвыкъ, а капиталець у меня есть. Тѣ сто рублей, помнишь, что офицеры надавали мнѣ въ Питерѣ—всѣ цѣлы. Одну только пятерку, что ты мнѣ ссудилъ, истратилъ.

— Гдѣ-же ты былъ все это время, спросилъ Долгополовъ, какъ ушелъ изъ Петербурга? Неужели все шелъ...

— Нѣтъ, мой милый, восемь мѣсяцевъ вылежалъ въ госпиталѣ, въ Рязани,—простудился, да еще нѣсколько недѣль въ Воронежѣ. Вышелъ-то я въ неладное время, въ самую распутицу, а прошлый годъ и весна и осень ужъ какія лихія были! Отцы не запомнятъ, старикамъ не въ память.

Въ такихъ разговорахъ пріятели дошли до лѣса и тамъ избрали оба мѣстечко для бесѣды на берегу находившагося въ срединѣ лѣса озера, подъ большою свѣсившеюся ивою.

— Ну, а ты-же куда? въ свою очередь спросилъ Долгополова Пархоменко, послѣ того, какъ рассказалъ ему подробно свое путешествіе изъ Петербурга въ Петропавловку, выпивъ по двѣ крышки изъ манерки водки.

— И самъ не знаю, отвѣчалъ Долгополовъ, махнувъ рукою.

— Убѣгъ?

— Да!.. Думаю пробраться въ Одессу, а оттуда въ Туретчину. Пристану къ некрасовцамъ.

— Не въ моготу стало?

Долгополовъ утвердительно кивнулъ головою.

— Давно убѣгъ?

— Почти вслѣдъ за тобою, мѣсяца черезъ два. Бѣда стряслась... Вотъ уже годъ, какъ я брожу...

— А никого такъ?..—спросилъ Пархоменко, сдѣлавъ знакъ рукою по горлу.

Долгополовъ отрицательно потрясъ головою и перекрестился.

— Ну, слава Богу!—замѣтилъ радостно Пархоменко и протянулъ Долгополову руку,—а я, братъ, боялся... Извини... Это, что убѣжалъ или захватилъ что съ собою барскаго чего... ничего не значить. Лишь-бы не убилъ! Давай выпьемъ! Гдѣ же тебя Богъ носилъ.

— Махнулъ я незнакомыми мѣстами, черезъ Польшу... Ошибку сдѣлалъ, а можетъ и къ лучшему... Навѣрно ищутъ. Сначала долго думалось мнѣ пробраться за границу, а далѣе передумалъ: что я тамъ буду дѣлать?.. Лучше въ Туретчину...

— Съ собой-то прихватилъ что?

— Такъ, малость,—отвѣчалъ неохотно Ксенофонтъ.

— Врешь,—замѣтилъ Пархоменко, — навѣрное

тысченокъ съ десятокъ спапаль... Вѣдь онъ богачъ... Ну, признайся?..

— Кто его знаетъ, не считаль... Можетъ ты и угадалъ.

— Какъ же ты... Какъ ее?.. да, бишь, съ Христиной Гирсановной разстался?

— И не говори!.. Черезъ нее-то и вся оказія вышла.

— Измѣнила?

— Нѣтъ, не то... Совсѣмъ все у насъ было готово и мать благословила, осталось только у него, анаемы, разрѣшенія спросить... Пошли... Увидѣлъ ее, дьяволь, плѣнился, къ себѣ взять... Тѣмъ моя свадьба и кончилась... Сейчасъ же приказаль приготовить для нея комнаты, разодрѣлъ, разубралъ, барынею на часъ сдѣлалъ.

— Что-жъ она-то?..

— Плакала, да ничего не могла сдѣлать, извѣстно неволя... А мнѣ-то, аспидъ этакій, наказываетъ: «ты, говорить, гляди, чтобы о своей любви къ ней не только чтобъ думать, но и поминать не смѣлъ...». Да въ нашей ли это власти?.. Чувствія, вѣдь, даются отъ Бога. Что я только не сталъ предпринимать надъ собою: и пить сталъ, и шляться повсюду... Нѣтъ, ничего не беретъ. Не могу я отъ любви излѣчиться: рѣшилъ было либо себя, либо его убить... А она тутъ передъ глазами... Гляжу, и она начала сохнуть и вянуть... Долго я крѣпился, да въ одинъ день не выдер-

жалъ. Его не было дома; было вечеромъ. Вхожу къ ней въ комнату, подавать кушанья. Она сидитъ пригорюнившись. Меня жалость взяла... «Прежде,— говорю, вы,— Христина Кирсановна, веселѣе были...» Она какъ зальется... «Милый мой, для чего,— говорить,— меня разлучили съ тобою... Не люблю я его...» Тутъ мы и слюбились...

— Аль узналъ онъ?—торопливо спросилъ Пархоменко.

— Если-бы узналъ, тутъ-бы намъ и смерть... Не узналъ, а нашлась добрая душа, шепнула ему, что я какъ будто отчего-то повеселѣлъ... И кто же, ты думаешь на насъ наушничалъ? Родная ея мать Демьяновна...

— Видно боялась, чтобы самъ чего не увидѣлъ,— возразилъ Пархоменко.

— Нѣтъ... Такая ужъ душа,—а сама сначала плакала.

— Чтоже было, какъ онъ услышалъ?..

— Слова никому не сказалъ, только Христину тотчасъ же изъ дому перемѣстилъ куда то. Догадался, да поздно. Впрочемъ, кто его знаетъ, можетъ быть и передалъ Христину какому нибудь пріятелю... У нихъ это бываетъ. Меня же задумалъ отправить въ деревню и держалъ до пріисканія другого камердинера; но въ это время случилось ему на нѣсколько дней выѣхать изъ Петербурга... Я подумалъ: въ деревню не хотѣлось, взялъ да и махнулъ въ его отсутствіе. Домашнимъ

сказаль, что онъ велѣлъ пріѣхать къ нему съ вещами.

— Стучало, небось, сердечко?..

— Еще бы не стучало. Много я, братъ, перенесъ въ пути... И Долгополовъ принялся рассказывать приключенія своей бродячей жизни.

Х—скій гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ Пархоменко, принадлежалъ къ лейбъ-гвардіи и имѣлъ постоянную стоянку въ Петербургѣ. Долгополовъ познакомился съ нимъ тамъ очень давно, назадъ лѣтъ восемь, когда онъ еще былъ простымъ лакеемъ у Масоѣдова. Они встрѣтились гдѣ-то случайно и Ксенофонтъ первый обратилъ вниманіе на сходство ихъ фізіономій, что и послужило поводомъ къ знакомству. Но въ прежнее время это сходство не было такъ поразительно, какъ въ настоящее. Лицо Долгополова было гораздо нѣжнѣе и на щекахъ игралъ румянецъ; усы и бороду онъ сбривалъ, волосы носилъ по модѣ; Пархоменко же былъ остриженъ, какъ солдатъ; лицо было загорѣлое и смуглое; усы и форменныя бакенбарды, нафабрены; сверхъ того каждаго изъ нихъ измѣнялъ много костюмъ. Теперь же, когда они одѣты были одинаково и Долгополовъ обросъ, голову обрилъ по-солдатски и также загорѣлъ за свое путешествіе, пріятели сдѣлались неразличимыми. Въ характерахъ ихъ также было много сходства, съ тою разницею, что Пархоменко былъ бойчѣе, словоохотливѣе и откровеннѣе Долгополова; за то по-

слѣдній былъ гораздо его умнѣе, сосредоточеннѣе и талантливѣе. Пархоменко, кромѣ фронтовой службы и берейторства, не научился ничему, тогда какъ Долгополовъ зналъ много ремеслъ: еще въ деревнѣ онъ выучился плести корзины, гнуть дуги и колеса, дѣлать телѣги, а въ Петербургѣ—плести коробки, шить башмаки и играть на гармоніи и гитарѣ. Какъ малороссы, хотя и разныхъ губерній, Пархоменко и Долгополовъ быстро сдружились между собою и имѣли частые случаи видѣться, но такъ какъ компанія солдата казалась оскорбительною для товарищей Долгополова—камердинеровъ и лакеевъ разныхъ господъ, то свиданія ихъ большею частью происходили или въ манежѣ, или въ квартирѣ Пархоменка, а иногда въ какомъ либо дешевомъ трактирѣ. Близкія отношенія ихъ не бросались въ глаза и были извѣстны очень немногимъ изъ окружающихъ Долгополова. Страдая особенно свойственною малороссіянамъ болѣзнию, тоскою по родинѣ, Пархоменко разсказалъ до мельчайшихъ подробностей Долгополову о своемъ дѣтствѣ, отцѣ, матери, родныхъ, о Петропавловкѣ, о всякихъ дѣтскихъ шалостяхъ и своемъ поступленіи на службу. Будучи хорошимъ служакою, Пархоменко также охотно и весело разсказывалъ про военную службу, про понесенные имъ походы и сраженія, перечислялъ имена всѣхъ своихъ командировъ, опредѣляя ихъ характеры и передавая о ихъ личныхъ къ нему отношеніяхъ. Хвалясь

службою, Пархоменко сожалѣлъ о томъ только, что онъ поступилъ въ нее неграмотнымъ. Читать онъ кое-какъ съ трудомъ выучился, но писать вовсе не умѣлъ, а это было необходимо при его дальнѣйшей службѣ—вахмистромъ. Горю его взялся помочь Долгополовъ и мѣсяца черезъ четыре послѣ ихъ знакомства Пархоменко уже писалъ не хуже своего учителя, владея точно такимъ-же, перенятымъ отъ него, почеркомъ; за то и онъ не остался въ долгу предъ Долгополовымъ и, съ своей стороны, обучилъ его фронтовой службѣ, фехтованью. Молчаливый Долгополовъ всегда слушалъ Пархоменка съ величайшимъ вниманіемъ, вспоминая и сравнивая свое грустное дѣтство и подгнетную жизнь съ судьбою своего пріятеля; наконецъ началъ завидовать ему и сталъ высказывать свои сожалѣнія, что не поступилъ въ молодости въ солдаты. Военная служба такъ заинтересовала его, что онъ бредилъ ею и не пропускалъ ни одного смотра и ученія на Царицыномъ лугу, чрезъ что военные его познанія еще болѣе увеличились.

— Такъ ты и не знаешь,—продолжалъ спрашивать Пархоменко Долгополова,—какъ поживаетъ Христина Кирсановна?

— Нѣтъ, откуда же?..

Дочь Демьяновны не будетъ болѣе фигурировать въ моемъ разказѣ до самаго окончанія, а потому, пользуясь вопросомъ Пархоменка, передаю ея біо-

графію до того времени, когда она поселилась въ Москвѣ, около Пречистенской заставы, гдѣ была задушена.

IX.

Митрофанъ Александровичъ Масоѣдовъ,—увѣренный въ своихъ достоинствахъ, могуществѣ и даже красотѣ, при взглядахъ, что между простонародьемъ сильной любви быть не можетъ и что своимъ поведеніемъ къ Христинѣ онъ не только не губитъ дѣвушку, но нѣкоторымъ образомъ даже осчастлививаетъ ее, такъ какъ карьера ея чрезъ это ничуть не ухудшается, а, напротивъ, улучшается, если онъ, вѣдствуя, дастъ за нею приданое, —не допускалъ мысли, чтобы Христина могла измѣнить ему для его камердинера! а еще болѣе, что тотъ послѣдній, послѣ отданнаго ему приказанія, осмѣлился бы питать свои прежнія чувства и поднять глаза съ дерзкою мыслию на женщину, которая принадлежитъ ему.—Этими взглядами объясняется, почему Масоѣдовъ, зная любовь Долгоголова къ Христинѣ, допустилъ ихъ жить совместно, въ одномъ домѣ. Намекъ, сдѣланный Демьяновною, съ цѣлью удалить Долголова для безопасности дочери, произвелъ большое дѣйствіе на Масоѣдова. Христина, какъ женщина, въ тѣсномъ значеніи этого слова, ему нравилась; но, когда онъ услышалъ неприятную вѣсть, то его взволновало вовсе не чувство ревности, а самолю-

біе... Основательны или неосновательны подозрѣнія старухи, для Митрофана Александровича было все равно... Ему достаточно было, что они явились въ ея головѣ, а потому могли явиться и у остальной прислуги?.. Ergo: «Надо мной могли изъ-подтишка смѣяться, какъ надъ роконосцемъ отъ лакея»... Вся кровь бросилась ему въ лицо отъ этой мысли... «Чтобы ея сейчасъ-же не было въ моемъ домѣ... А съ нимъ я послѣ раздѣлаюсь»,—рѣшилъ онъ.

— Вели своей дочери, — сказалъ Масоѣдовъ старухѣ,—собираться... Она переѣзжаетъ на квартиру.

— Баринъ, кормилецъ,—завопила испуганная Демьяновна,—я ничего за ними дурного не видѣла... Лопни мои глаза... Я, значить, такъ сказала, васъ жалѣючи, чтобы отъ грѣха долой... А она васъ любить, ей Богу любить... Не губите дѣвку...

— Вовсе не думаю... Она будетъ жить въ меблированныхъ комнатахъ на Большой Мѣщанской, гдѣ прежде у меня жила другая...

— Лучше, Митрофанъ Александровичъ, сгоните Ксенофонта долой съ глазъ...

— Гмь!... Я не могу остаться безъ него... Послѣ... Подумаю. Ты скажи Христинѣ, чтобы она только одѣлась, взяла извозчика и поѣхала вотъ по этому адресу... А за остальными вещами можетъ прислать вечеромъ. Мебель тамъ есть.

Демьяновна сдѣлала еще нѣсколько попытокъ уговорить барина, но онъ остался непреклоненъ.

На новой квартирѣ Христины Митрофанъ Александровичъ посѣтилъ ее не болѣе двухъ разъ съ значительными промежутками. Мысль, что дѣвушка, можетъ быть, была ему не вѣрна, отнимала у него охоту къ продолженію съ нею прежнихъ отношеній и поселила отвращеніе къ себѣ... Въ третій разъ Масоѣдовъ пріѣхалъ къ Христинѣ подъ хмелькомъ, въ сопровожденіи пожилого армейскаго полковника... Черезъ недѣлю послѣ перваго визита Христина уѣхала съ этимъ полковникомъ по мѣсту его служенія въ Москву. Это былъ отвратительной наружности старикашка, но человѣкъ добрый. Разставшись съ Христиной, по прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, вслѣдствіе вступленія своего въ законный бракъ, онъ выхлопоталъ ей отпускную отъ Масоѣдова и выдалъ ее, по обычаю, въ замужество за своего полковаго аудитора Гervasія Протасовича Познякова, который не замедлил обзавестись знакомымъ домикомъ у Пречистенской заставы на имя своей благовѣрной супруги. Позняковъ, Гervasій Протасовичъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ такая замѣчательная личность, что о немъ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ. Въ нашемъ простонародьи, преимущественно въ средѣ солдатъ, лакеевъ и писарей, попадаются изумительно терпѣливые любовники. Люди, не знающіе этой среды, даже могутъ сомнѣваться въ дѣйствительности ихъ существованія. Напримѣръ, какойнибудь 40—50-ти лѣтній писарь или лакей, Псой Ивановичъ, влю-

бляется въ молоденькую и хорошенькую семнадцатилѣтнюю горничную дѣвушку Надю; Надя выказываетъ ему крайнее отвращеніе и говоритъ объ этомъ прямо въ глаза, смѣется надъ нимъ, устраиваетъ разныя непріятныя продѣлки надъ его персоною, но Псою Ивановичу все это ни по чемъ и онъ преслѣдуетъ ее своею любовью... Надя дѣлается дѣвушкой легкаго поведенія, переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и въ то же время отталкиваетъ всѣ заискательства Псою Ивановича, но онъ и здѣсь не теряетъ надежды, что рано или поздно она будетъ его... Наконецъ Надя поступаетъ въ домъ терпимости; Псой Ивановичъ и тамъ бомбардируетъ ее своими письмами и записочками, съ предложеніемъ руки... Онъ не броситъ Надю даже въ такомъ случаѣ, если она вышла бы замужъ, разъ и два, ожидая, что, можетъ быть, она овдовѣетъ еще разъ, и нашептывая ей при свиданіи: «зачѣмъ, дескать, за меня не вышла»...

И бываютъ нерѣдко случаи, что по прошествіи какихъ нибудь десяти-пятнадцати лѣтъ Псой Ивановичи достигаютъ своей цѣли: женятся на своихъ Надяхъ и, къ чести ихъ, не упрекаютъ своихъ женъ за прошлое. Въ подобнымъ Псоямъ Ивановичамъ принадлежалъ и Гервасій Протасовичъ Позняковъ. Онъ любилъ Христину, когда она жила въ Москвѣ модисткою, а онъ былъ простымъ полковымъ писаремъ. Невзрачный и не молодой уже въ то время, Гервасій Протасовичъ не могъ по-

нравиться дѣвушкѣ, хорошенькое личико которой, когда она выходила гулять на бульваръ, привлекало вниманіе многихъ. Христина была безукоризненнаго поведенія, но любила пококетничать, принимала подарки и обнадеживала всѣхъ поклонниковъ въ своей любви, но Позняковъ не удостоился и этого, какъ человѣкъ скупой, не дѣлавшій подарковъ; несмотря на это, Гервасій Протасовичъ, провожая Христину въ Петербургъ по требованію матери, сѣмѣлъ выспросить ея адресъ и дозволеніе писать ей. Страстные письма, оставшіяся безъ отвѣта, онъ посылалъ всегда на розовой бумагѣ. Письма эти въ свое время возбуждали подозрѣнія Ксенофонта, а послѣднее онъ и не передавалъ; въ немъ Гервасій Протасовичъ извѣщалъ о производствѣ своемъ въ аудиторы и просилъ руки дѣвушки, съ тѣмъ, что онъ готовъ внести Масоѣдову деньги за отпускную. Являясь часто по должности въ домъ полковника, Позняковъ нѣсколько разъ видѣлъ предметъ своего обожанія, которому онъ отвѣшивалъ всегда глубчайшій поклонъ, но вступать въ разговоръ не осмѣливался. Когда же онъ услышалъ, что полковникъ женится и разстается съ Христиной, то тотчасъ-же возобновилъ свои прежнія заискиванія, чрезъ свахъ, съ задняго крыльца. Христина, живя у полковника въ Москвѣ, значительно измѣнилась какъ по наружности, такъ и по характеру, она сильно поурнѣла и какъ-то постарѣла на нѣсколько лѣтъ;

безпрестанно дѣлаемые ей подарки развили въ ней алчность къ нимъ: она стала скупа и корыстолюбива. Любовь къ Ксенофонту еще не совсѣмъ изгладилась изъ ея сердца, но, зная о его бѣгствѣ и сдѣланной имъ кражѣ, она не питала надежды когда нибудь сойтись съ нимъ, а между тѣмъ тотъ образъ жизни, который она вела, былъ ей тягостенъ; отъ прежнихъ своихъ занятій она отвыкала, а потому, обсудивъ все, она рѣшилась принять предложеніе Познякова, чему покровитель ея былъ очень радъ, считая своего аудитора за человѣка скромнаго и трезваго поведенія. Съ Позняковымъ Христина прожила тоже недолго, успѣвъ еще болѣе перенять отъ мужа скупость и развить въ себѣ страсть къ любостыжательности, несмотря на природную доброту сердца. Овдовѣвъ, Христина Кирсановна Познякова сочла за самое лучшее сдѣлаться ростовщицей.

X.

Надъ Петропавловкой солнце начало спускаться все ниже и ниже. День совершенно смеркался. Въ полѣ была глубокая, невозмутимая тишина. Дорога, извивавшаяся змѣеобразно черною лентою, была безлюдна. Отъ знакомаго лѣса вѣяло прохладой; дальше въ лѣсу было еще прохладнѣе и темнѣе. Синева неба едва просвѣчивала сквозь вѣтви неподвижныхъ сосенъ. Всѣ птицы улеглись на покой. На берегу озера раздавался дружный храпъ двухъ •

спящихъ; это были Ксенофонтъ Долгополовъ и Степанъ Пархоменко. Около нихъ валялись опорожненныя жестыяныя солдатскія манерки, вмѣщавшія въ себѣ каждая не менѣе кварты водки. Наговорившись и подложивъ подъ головы котомки, пріятели заснули богатырскимъ сномъ, позабывъ всѣ свои тревоги. Сонъ ихъ длился чрезвычайно долго. Но вотъ среди ночи одинъ изъ нихъ, взявъ сильнѣйшую носовую ноту, чихнулъ и проснулся. Быстро приподнявшись, онъ испуганно-изумленнымъ взглядомъ оглянулся вокругъ, какъ бы припоминая, гдѣ онъ и какъ сюда зашелъ, провелъ рукою по лбу и лицу, перекрестился и сталъ искать въ карманахъ кисеть съ табакомъ и трубку. Товарищъ его продолжалъ храпѣть. Блеснулъ огонекъ, трубка задымилась и разнесся пронзительный запахъ махорки. Но скоро, нечувствительно для проснувагося, трубка выпала изъ рукъ его и онъ погрузился въ какую-то тревожную думу, потому что по временамъ онъ сталъ вздрагивать и бросать на спавшаго дикіе, боязливые взгляды... Внутри его, замѣтно было, происходила страшная борьба... Словно ужаленный змѣею, онъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, крикнулъ товарищу: «вставай, ради Бога!» чего тотъ не слышалъ, и бросился къ озеру освѣжить холодной водою свою пылающую голову. Напрасно! Холодный разсудокъ, вѣроятно, призналъ за необходимость исполнить то, что пришло ему на мысль въ его разгоряченномъ состояніи...

Освѣжившись и неподвижно постоявъ нѣсколько минутъ на берегу озера съ закрытымъ руками лицомъ, приводя въ порядокъ свои мысли, мужчина сдѣлалъ энергическій жестъ руками и, осторожно переступая съ ноги на ногу, подкрался къ своей котомкѣ, вынулъ изъ нея солдатскій отточенный съ обѣихъ сторонъ тесакъ, на колѣнахъ подползъ съ нимъ къ спящему и вдругъ широко размахомъ руки погрузилъ въ грудь ему оружіе почти до рукоятки... Спящій успѣлъ только широко раскрыть глаза, оставшіеся неподвижными, и издать что то дикое, почти нечеловѣческое, среднее между крикомъ, стономъ и вздохомъ... Затѣмъ убійца, съ непонятнымъ остервененіемъ сталъ наносить своей жертвѣ безчисленное количество ранъ, изрубилъ все лицо до неузнаваемости и бросилъ трупъ въ озеро... Остальную часть ночи онъ провелъ, расхаживая по берегу и въ лѣсу, ища чего-то... На разсвѣтѣ убійца привалилъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ сбросилъ въ озеро трупъ, нашелъ огромный камень, развязалъ обѣ котомки, разсортировалъ вещи и, раздѣвшись, спустился въ озеро за трупомъ. Вытащивъ мертвое тѣло, онъ прочно привязалъ его толстыми ремнями, вмѣстѣ съ котомкой ненужныхъ вещей, къ камню, внимательно осмотрѣлъ озеро и, замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ крутящійся омутъ, бросилъ въ него всю эту тяжесть, которая съ шумомъ шарахнулась съ крутого берега, образовавъ множество широко расходящихся круговъ. «Вѣчная

память>!.. проговорилъ убійца съ тяжелымъ вздохомъ... Послѣ этого онъ истребилъ на берегу всѣ слѣды страшнаго происшествія, взвалилъ себѣ котомку на плечи и, перекрестившись на озеро, вышелъ изъ лѣса по направленію къ дорогѣ въ Б*...

Убійцею, по всей вѣроятности, былъ Долгополовъ, съ цѣлью назваться Пархоменкой и завладѣть его документами, но имъ-же могъ быть также и Пархоменко, знавшій, что у Долгополова есть десять тысячъ денегъ...

XI.

Въ тотъ же день къ священнику В-ской Воздвиженской церкви, отцу Николаю Богоявленскому, шестидесяти семи-лѣтнему старику, явился бравый отставной вахмистръ съ просьбою отслужить панихиду по умершимъ родителямъ и роднымъ и молебень.

— Ты откуда-же?—спросилъ священникъ.

— Вашего прихода. Изъ села Петропавловки. Максима Сидорова Пархоменки сынъ, если изволить помнить ваша милость...

— Максима Пархоменки? Какъ же, какъ же! Славный былъ человѣкъ... Такъ ты его сынъ? Стой! а не зналъ я тебя мальцемъ?

— Изволили крестить и напутствовать, когда поступалъ въ рекруты.

— Такъ-такъ. А какъ тебя звать?

— Степанъ-съ.

— Да, Степанъ. Теперь и я тебя вспомнилъ. Ты еще мнѣ отъ батьки разъ колоду пчель привезъ.

— Точно такъ-съ, ваше преподобіе.

— Хочешь Богу помолиться и помянуть родителей. Хорошо, хорошо, доброе дѣло. Что-же, засталъ кого изъ родныхъ?

— Никого-съ. Всѣ попримерли. Сестра Оксана сгорѣла, какъ Богъ напустилъ пожаръ на Петропавловку, мужъ ея умеръ, другая сестра померла недавно въ дѣвушкахъ.

— Да ты бы спросилъ Грицка Карленку, Моисея Прицупека, Прокопа Лимешку. Они тебѣ сваты доводятся. А можетъ маленькими играли вмѣстѣ. Мужики славные, только послѣ пожара въ бѣдности.

— Горе взяло, что своихъ не засталъ...

И Пархоменко утеръ слезу...

— Жалко и жалко,—продолжалъ отецъ Николай.—Что-же ты теперь намѣренъ дѣлать?..

— Думаю искать мѣста... Отъ полевыхъ работъ отвыкъ... Куда-нибудь надо поступить сторожемъ... Если бы ваша милость поспособствовали...

— Ты пьешь?

— Самую малость... Въ полку нельзя; былъ вахмистромъ...

— Хорошо. Ты знаешь Гнилушинскаго помѣщика Григорія Дмитріевича Перецьпина?..

— Припоминаю-съ.

— Въ семи верстахъ отъ Петропавловки...

— Какъ не знать!..

— У него есть мѣсто при кошарахъ... Если хочешь, я ему отрекомендую тебя... Мы съ нимъ большіе благопріятели.

— Явите Божескую милость. Деньжатъ у меня немного, всего рублей сто, спасибо надавали въ полку господа офицеры,—боюсь, что, не осмотрѣвшись начать торговать, проторгуешься.

Отецъ Николай сдержалъ свое слово; отслуживъ панихиду и молебень, онъ далъ Пархоменкѣ письмо къ Григорію Дмитріевичу Перецѣпину, который и принялъ его въ услуженіе. Остальная жизнь Пархоменка до того времени, пока случайно встрѣтившійся съ нимъ Митрофанъ Александровичъ Масоѣдовъ не призналъ въ немъ своего бѣглаго камердинера Ксенофонта Долгополова, частью извѣстна изъ разсказовъ о немъ Масоѣдову Григорія Дмитріевича Перецѣпина.

«Будь деньги—и родныхъ, и знакомыхъ всегда найдешь», говоритъ пословица... Бѣдно одѣтый отставной солдатъ Пархоменко, явившись въ Петропавловку, ни души не встрѣтилъ въ ней знакомой... Когда же онъ въ этой мѣстности пообщился и у него увидѣли деньги, то родныхъ и друзей стала тьма! Нашлись сватья, троюродные и четвероюродные братья, дяди, племянники и сверстники по дѣтскимъ играмъ. Такъ Прицупенко вспомнилъ, какъ они крали у дѣда Зозули яблоки, Лемешка—какъ онъ однажды чуть-чуть не утопилъ

въ пруду Пархоменку, Карленко—какъ они вмѣстѣ ѣздили на собакахъ, и такъ далѣе... Воспоминаній явилось очень много. Проживая въ Б., Пархоменко весьма часто навѣщалъ Петропавловку, вышедши въ чистую отставку, женился на дочери тамошняго старшины, молодой восемнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, постоянно угощаль своихъ родныхъ и знакомыхъ и помогаль имъ въ нуждѣ. Всѣ эти лица грудью стояли за Пархоменка при датѣ своихъ показаній по дѣлу его съ Масоѣдовымъ.

ХІІ.

Положеніе Митрофана Александровича, чѣмъ далѣе тянулся процессъ его съ Пархоменкомъ, становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ и, наконецъ, даже не безопаснымъ для него лично... У Масоѣдова не было ни одного неотразимаго аргумента доказать, что Пархоменко есть его человекъ Долгополовъ, тогда какъ Пархоменко представляль ихъ десятками...

Всѣ мѣстные знаменитые юристы высказали ему мнѣніе, что онъ проиграеть дѣло... Власти, знакомые и родные, даже жена, начали подозрѣвать въ немъ умопомѣшательство... Пархоменко также не дремалъ и безпрестанно слалъ письма въ Петербургъ и Москву къ своимъ бывшимъ начальникамъ и командирамъ, прося ихъ покровительства и защиты. Между тѣмъ нашлись изъ нихъ люди сильные и вліятельные,—иные съ личными непри-

язненными отношеніями къ Масоѣдову, — которые возмутились его поступкомъ, горячо приняли сторону обиженнаго и, въ свою очередь, стали преслѣдовать Масоѣдова, требуя медицинскаго свидѣтельствванія его умственныхъ способностей и заключенія въ домъ душевно-больныхъ. Изъ тюремнаго замка Пархоменко былъ давно выпущенъ и сданъ на поруки. Прежде Масоѣдовъ было въ душѣ торжествовалъ, думая поразить всѣхъ своихъ враговъ и противниковъ очными ставками Пархоменка въ Петербургѣ съ его прежними командирами и съ сослуживцами, и для этого онъ откладывалъ все эти ставки, но когда онъ собралъ свѣдѣнія, то и эта послѣдняя надежда его рухнула... Оказалось, что Пархоменко за полученіемъ своей отставки ѣздилъ самъ въ Петербургъ, представлялся лично всѣмъ своимъ старымъ начальникамъ и пьянствовалъ съ прежними товарищами... Подозрѣнія, что Масоѣдовъ помѣшался, наглядно заслуживали полного вѣроятія: со дня несчастной встрѣчи своей съ Пархоменкомъ единственною темою его для всѣхъ разговоровъ было, что Пархоменко — его бывший камердинеръ Ксенофонтъ Долгополовъ... Мысль объ этомъ преслѣдовала его даже ночью и онъ бормоталъ безпрестанно: «Пархоменко?.. Нѣтъ, онъ — Долгополовъ»... И странно, чѣмъ болѣе являлось доказательствъ, что Пархоменко не Долгополовъ, тѣмъ настойчивѣе онъ увѣрялъ въ противномъ, всякій разъ присталь-

нѣе всматриваясь въ лицо своего противника... Дѣла, занятія по имѣніямъ, должность предводителя дворянства Масоѣдова уже не занимали: онъ все бросилъ и страсть къ вину стала овладѣвать имъ все болѣе и болѣе. Взглядъ его сталъ дикъ, щеки обрюзгли и лобъ покрылся морщинами...

Однажды вечеромъ Митрофанъ Александровичъ, погруженный въ самыя невеселыя думы, сидѣлъ, запершись въ своемъ кабинетѣ господскаго дома, въ имѣніи Елизаветовкѣ, такъ и оставшейся не переименованной. Въ этотъ день онъ получилъ два письма: одно—отъ дяди Перецѣпина, а другое—изъ Петербурга отъ одного пріятеля, которые, какъ бы условясь между собою, совѣтывали ему во что бы то ни стало потушить дѣло съ Пархоменкомъ, грозившее въ будущемъ большими неприятностями... Самолюбіе Митрофана Александровича было оскорблено до *pes plus ultra*... «Боже,—воскликнулъ онъ, обращая свои глаза къ иконѣ,—неужели же я, при всей правотѣ своей, принужденъ буду еще унизиться передъ этимъ бездѣльникомъ?!.»

Въ моментъ этого вопроса въ дверь кабинета неожиданно раздался стукъ, такъ что Митрофанъ Александровичъ вздрогнулъ.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ, съ досадою.

— Это я, Митрофанъ Александровичъ,—отвѣтилъ за дверью голосъ жены.

— Что тебѣ нужно, когда я занятъ?..

— Тебя желаетъ видѣть твоя кормилица, Демьяновна...

— Зачѣмъ?..

— Говорить, что поможетъ тебѣ въ твоемъ дѣлѣ...

Масоѣдовъ удивился.

— Она настоятельно просить видѣть тебя,— продолжала жена...

— Едва ли кто можетъ быть мнѣ полезенъ,— отвѣчалъ Митрофанъ Александровичъ, — а, впрочемъ, пусть войдетъ, старая вѣдьма — давнишняя знакомая этого мошенника,— замѣтилъ онъ, отпирая дверь.

— Такъ я пришлю ее...

— Хорошо.

Спустя нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла почти восьмидесятилѣтняя сгорбленная старуха въ черномъ каленкоровомъ платьѣ и такой же повязкѣ, еле двигая ногами и опираясь на палку. Все лицо ея было изборождено глубокими морщинами; впалые, красные, слезящіеся глаза были страшны; исхудалыя кисти дрожащихъ рукъ, съ напрягшимися и выдавшимися синими жилами,— были отвратительны. Въ старухѣ нельзя было узнать не только прежней молодой красивой барской кормилицы, но даже и Демьяновны, проживавшей у Масоѣдова въ Петербургѣ.

— Ну, что скажешь, старая,— спросилъ ее Масоѣдовъ.

— Охъ!.. Нѣтъ ужъ, баринъ, позвольте мнѣ,— отвѣчала Демьяновна, шамкая,— сначала присѣсть... Силь моихъ нѣтъ... Уморилась...

— Садись...

— Какъ же, батюшка, ваши дѣла?—спросила сама Демьяновна, усѣвшись въ первое кресло и забывъ отвѣчать на вопросъ барина.

— Плохо, старуха... Ясное дѣло, что злодѣй похожъ на Пархоменко, познакомился съ нимъ, пораспросилъ все подробно и, вѣроятно, убилъ, чтобы отнять у него документы... Но какъ доказать это—ума не приложу, а тутъ за него вступаются, дураки...

— Слышала, батюшка, слышала...

— Въ томъ же, что это дѣйствительно нашъ Ксенофонтъ,—продолжалъ Масоѣдовъ,—я нисколько не сомнѣваюсь...

— Онъ, онъ, Митрофанъ Александровичъ,—подтвердила старуха,—я это вѣрно знаю...

— Вѣрно знаешь...—съ величайшимъ изумленіемъ вскрикнулъ Масоѣдовъ,—почему же?

— О—о!.. Крѣпко я виновата, баринъ... Христа ради, простите... Пустите старья кости на покаяніе...

— Ну!..

— Давно бы мнѣ слѣдовало все рассказать вамъ... Да боюлась гнѣва вашей милости...

— Ну,—нетерпѣливо понукалъ старуху Масоѣдовъ.

— И теперь не знаю, какъ и быть мнѣ...
 — Да говори же, сдѣлай милость...
 — Утаила я тогда отъ васъ въ Петербургѣ...
 — Что именно?..
 — Окаянный Ксенофонтъ, сколько я ни грозила Хрустинѣ, вѣдь совсѣмъ... тьфу! въ любви съ нею состоялъ...

— Что жъ изъ этого? — зарычалъ Митрофанъ Александровичъ.

— Сейчасъ, батюшка...—И упротилъ онъ меня, — продолжала Демьяновна, — когда Хрустина сошла отъ насъ на квартиру, передъ тѣмъ какъ ему бѣжать, когда вы изволили уѣхать въ Гатчино, чтобы я передала ей письмо...

— А!.. И ты передала?..

— Виновата, баринъ, — заплакала старуха, — отдала... Жалость взяла... Вижу, плачетъ... Говорить—въ послѣдній разъ... Подумала: все равно, не сегодня, завтра его соплютъ въ село... Ну, и попуталъ грѣхъ—отдала...

— Отчего же ты объ этомъ важномъ случаѣ не рассказала мнѣ тогда же, какъ онъ убѣждалъ и я принималъ всѣ мѣры къ его розыску?..

— Испугалась... Боялась, чтобы вы не погубили Хрустину...

— Что же это за письмо, — спросилъ самого себя и старуху Масоѣдовъ, въ волненіи расхаживая по кабинету...—Цѣло ли оно?..

— Не знаю,—отвѣчала Демьяновна...

— А Христина жива?.. Гдѣ она теперь...

— Жива... Была замужемъ за аудиторомъ и давно овдовѣла. Живетъ въ Москвѣ, у Пречистенской заставы, на Глухомъ бугоркѣ, въ собственномъ домѣ... Живетъ, слава Богу...

— Но, нѣтъ—сказалъ въ раздумьи Масоѣдовъ,— письмо не поможетъ... Подлецъ отопрется... Скажете: какое мнѣ дѣло до того, что писалъ Долгополовъ. Другое дѣло, если бы его можно было уличить почеркомъ руки, но вызванные судомъ специалисты-эксперты и здѣсь, и въ Петербургѣ признали почеркъ бывшаго вахмистра Пархоменка и этого негодяя за одинъ и тотъ же... Такъ все подведено, что, Боже, силъ нѣтъ...

Масоѣдовъ всплеснулъ руками и, тяжело сбросившись на диванъ, склонилъ въ изнеможеніи на бокъ голову...

— Баринъ!—заговорила Демьяновна, секретнымъ тономъ, слегка постукивая по полу своей палочкой,—я еще хотѣла вамъ что-то сказать... Въ позапрошломъ году вы изволили отпустить меня съ сосѣдней помѣщицей Матреной Ивановной на богомолье... Мы были съ нею въ Кіевѣ и были въ Москвѣ... И я видѣлася съ Христиной... Дѣло ваше съ Ксенофонтомъ тогда уже началось... Я и заговорила съ нею объ этомъ...

Масоѣдовъ сталъ слушать внимательнѣе.

— Стыдно признаться:—продолжала старуха,—окаянная и до сихъ поръ не забыла его. Какъ

услышала она это, что вы его признали, сначала и испугалась, а послѣ пообсудила, да и говорить: можетъ быть и подлинно живетъ тамъ у васъ въ Б. Ксенофонть, но только во вѣкъ этого не доказать вашему Митрофану Александровичу... Одна я только, говорить, могла бы такъ уличить его, что онъ сейчасъ бы признался, но я этого, говорить, никогда не сдѣлаю, хоть рѣжь меня...

Масоѣдовъ встрепенулся...

— Не хвались,—говорю я ей:—нашъ баринъ въ силѣ и богатствѣ; за что примется, всегда на своемъ поставить... «Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—поздно... Было бы годковъ десятокъ назадъ, а теперь всякъ его за вахмистра признаетъ». И начала она меня въ подробности спрашивать, какъ живетъ этотъ вахмистръ и за какого человѣка его всѣ считаютъ. «Дура, говорить, я, что не вышла за него замужъ»,—сказала Христина, послѣ того, какъ я рассказала ей, что отъ людей слышала.

«Какъ такъ?—спрашиваю ее.

«Молчите, — говорить, — маменька... Я видѣлась съ нимъ... Когда онъ бралъ въ Петербургѣ чистую отставку и тамъ явился къ начальству и повидался съ товарищами, онъ заѣзжалъ сюда, въ Москву, и разыскалъ меня... Я тогда овдовѣла... Онъ хотѣлъ, чтобы я повѣнчалась и поѣхала съ нимъ, да я побоялась, а потомъ и по сей день сожалью... Коротая свой вѣкъ такъ, что ни Богу свѣча, ни чорту кочерга... Чего было опасаться,

когда этот Пархоменко умер? Ксенофонтъ говорилъ, что онъ встрѣтился съ нимъ въ дорогѣ и тотъ продалъ ему свой паспортъ».

— Вѣдьма ты старая!—закричалъ Масоѣдовъ, едва удерживавшій себя все время, чтобы не прервать разказа старухи,—какъ же ты смѣла молчать все это время, когда честь моя и быть можетъ жизнь висѣла на волоскѣ?..

— Бо-я-лась...

— Больше ты ничего не можешь сказать?..

— Все рассказала, какъ передъ истиннымъ Богомъ...

— Можетъ быть еще тебѣ что говорила Христина...

— Вѣрите моей старости... ничего...

— Говори скорѣе: гдѣ живетъ твоя дочь, — спросилъ Масоѣдовъ, нетерпѣливо подбѣгая къ письменному столу и схватывая записную книжку.

Старуха повторила подробный адресъ. Масоѣдовъ записалъ.

— Послушай,—обратился онъ къ Демьяновнѣ,—если ты мнѣ сказала правду, я озолочу тебя и твою дочь... Нѣтъ! — Масоѣдовъ заскрежеталъ зубами.

Не успѣла старуха доползти къ своей комнатѣ, занимаемой ею въ нижнемъ этажѣ, какъ во всемъ господскомъ домѣ и въ обширномъ дворѣ поднялась страшная суматоха... Всѣ забѣгали и засуетились.

Дворъ освѣтился фонарями и наполнился людьми и говоромъ... Послышался звонъ засововъ и скрипъ и стукъ растворявшихся сарайныхъ дверей: изъ однихъ стали суетливо выдвигать экипажи, изъ другихъ лошадей... Раздавались крики: «живѣй, скорѣе, тюлень, куда глядишь» и тому подобные... И Митрофанъ Александровичъ Масофдовъ уѣхалъ въ Москву.

ХІІІ.

Двухъ-этажный каменный домъ Пархоменка принадлежалъ къ числу лучшихъ зданій въ городѣ Б. Въ нижнемъ этажѣ были лавки: бакалейная и шорная, верхній—составлялъ помѣщеніе для хозяевъ. Оттуда изъ оконъ виднѣлись роскошные цвѣты и раздавалось чириканье канареекъ, висѣвшихъ въ клѣткахъ. День былъ праздничный и Степанъ Максимовичъ приготавлился съ своей молодой женою въ соборъ къ обѣднѣ. Онъ одѣлся въ новую черную суконную пару. Отъ напомаженной головы его, бакенбарды и заливчатскихъ усовъ несло запахомъ Мусатова; шейный шелковый платокъ былъ тщательно повязанъ франтовскимъ бантомъ; вычищенные сапоги блестѣли, манишка на груди была безукоризненно бѣла, золотая часовая цѣпочка и кольцо горѣли, какъ жаръ. Степанъ Максимовичъ имѣлъ очень торжественный видъ. Жена его была видная молодая женщина, брюнетка, съ чертами лица схожими съ Христиной Кирсановной, во дни

ея молодости; она также расфрантилась въ голубое шелковое платьѣ, въ черную мантилью и въ гранатнаго цвѣта гарнитуровый платокъ на головѣ съ кокетливо-распущенными концами и алмазнымъ перстнемъ по срединѣ, гдѣ находился узелъ. Чета была совершенно готова отправиться въ путь, но ее задержало чисто семейное дѣло: маленькій сынишка Пархоменка Ксенофонть захотѣлъ ѣсть и молодая женщина принуждена была покормить его грудью. Ребенокъ имѣлъ черные кудрявые волосы, унаслѣдованные отъ матери, и голубые глаза—отъ отца.

— Я пойду пока загляну въ лавку,—замѣтилъ Пархоменко своей женѣ,—а ты, когда будешь готова, зайдешь за мной.

Съ этими словами Степанъ Максимовичъ взявъ въ руки свой картузь и направился было къ выходу, какъ въ дверяхъ онъ столкнулся съ мѣстнымъ полицейскимъ квартальнымъ надзирателемъ.

— Наше нижайшее Степану Максимовичу,—привѣтствовалъ онъ его.

— А, здравствуйте, Иванъ Михайловичъ... Что скажете новаго...

— Ничего-съ, все старое... Пришелъ просить васъ, пожалуйста въ полицію...

— Чего?

— Къ допросу...

— По какому дѣлу...

— Да все по Масоѣдовскому... Настоятельно

требуетъ, чтобы привели васъ и въ сопровожденіи полицейскихъ служителей...

— Вотъ, Господи!—вскликнулъ Пархоменко, да когда же будетъ этому конецъ?.. Долго-ли онъ еще будетъ мучить меня?.. Когда это, Господи, въ Петербургѣ избавятъ меня отъ этого Пилата?.. Подавалъ военному министру, теперь подамъ самому государю...

— Истинно, наказаніе Господь-Богъ на васъ посылаетъ,—замѣтилъ, вздохнувъ, квартальный.

— Сами посудите, Иванъ Михайловичъ: въ праздникъ не допускаетъ въ церковь пойти съ женою Богу помолиться, какъ подобаетъ христіанину?!. И чего это г. городничій слушаетъ его?.. Вѣдь всѣмъ извѣстно: сумасшедшій, одно слово...

— Г. городничій и то не хотѣлъ... Такъ куда—и слушать не хочетъ... Говорить—сильныя доказательства имѣю и просить допросить во временномъ отдѣленіи въ послѣдній разъ...

— Да, ужь, слышали эту музыку,—возразилъ Пархоменко. Не угодно ли, Иванъ Михайловичъ, водочки?

— Развѣ на скоро... А то, знаете, ждуть, приказано привести немедленно...

— Успѣютъ. Лиза,—обратился Пархоменко къ женѣ,—распорядись-ка... Знаешь, Иванъ Михайловичу бальзамовки.

— На счетъ полицейскихъ солдатъ,—сказалъ, выпивши водки, квартальный успокоивающимъ то-

номъ, вы не беспокойтесь... Что-бы сраму-то не было никакого, они пойдутъ такъ себѣ, стороною, сзади...

— Благодарю васъ... Кажется, довольно и того срама, что по его милости безвинно столько времени въ острогѣ высидѣлъ... Какъ-то придется отвѣчать...

— Да... По головкѣ не поглядятъ.

— Ну, на дорожку, да, дѣлать нечего, и пойдете... Ты ступай въ церковь одна,—сказаль Пархоменко женѣ, прощаясь съ нею,—можетъ быть къ концу обѣдни и я подойду...

— Приходи поскорѣе,—печально попросила та. Мужъ пожалъ плечами.

Пархоменко вошелъ въ залу Б-ской городской полиціи съ довольно спокойнымъ лицомъ, низко поклонился присутствующимъ и остановился вблизи порога. Сзади его помѣстились два полицейскихъ солдата... За большимъ широкимъ столомъ, крытымъ краснымъ сукномъ съ золотою мишурною бахромою и кистями по бокамъ, обставленномъ креслами съ кожаными подушками, возсѣдали уѣздный судья, городничій, исправникъ, стряпчій и полковникъ Масоѣдовъ. За другимъ маленькимъ столомъ, крытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣлъ псымоводитель полиціи и скрипѣлъ перомъ.

— Полковникъ хочеть еще допросить тебя, обратилъ судья къ Пархоменкѣ,—чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли ты его человекъ Ксено-

фонть Долгополовъ, или то лицо, за которое себя выдаешь, то есть отставной гусарскій вахмистръ Степанъ Максимовъ Пархоменко.

— Я уже докладываль, — отвѣчалъ подсудимый, — что тотчасъ по прибытіи моемъ въ Петропавловку, въ 1836 году, я явился съ билетомъ къ г. бывшему капитанъ-исправнику Муровцеву и тогда-же предъявилъ свой видъ, кто я такой...

— Слѣдовательно, — прервалъ Масоѣдовъ, ты все таки упорно стоишь на своемъ, что ты не мой человѣкъ, не Долгополовъ, а какой-то Пархоменко?..

— Точно-такъ-съ, ваше высокородіе.

Лицо Митрофана Александровича было сумрачно, сурово и болѣзненно. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, не подымая глазъ и неподвижно устремивъ ихъ на какую-то точку на столѣ. При возраженіяхъ Пархоменка въ глазахъ его вспыхиваль огонь, затѣмъ взоръ дѣлался безжизненнымъ...

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ Пархоменкѣ, о чемъ-то раздумывая, — послѣ сегодняшняго дня я болѣе допрашивать тебя не буду... Ты очень необдуманно поступилъ, зная мой характеръ, что не сознался мнѣ съ перваго раза... Я быть можетъ и простилъ бы тебя... Мнѣ хочется только доказать, что я не ошибаюсь... Ты довелъ и себя до гибели, и меня... Но, — оборвалъ онъ свою рѣчь рѣшительнымъ тономъ, — говори: сознаешься, что ты Ксенофонть Долгополовъ?.. Спрашиваю тебя въ послѣдній разъ!

— Никакъ нѣтъ-съ... Изволите ошибаться. Самое лучшее изволили бы давно представить меня въ Петербургъ, тамъ и сослуживцы мои, и командиры есть живые. Я самъ послалъ уже объ этомъ прошеніе къ г. военному министру, буду жаловаться государю...

— Знаю, братъ, знаю—закричалъ на него Масоѣдовъ, вскакивая съ кресель и грозя пальцемъ,— что ты прекрасно все поддѣлалъ... умѣешь концы хоронить, но... помни! не всѣ... Ты думаешь, что у меня нѣтъ доказательствъ, что ты Долгополовъ?.. Врешь... Господа!—обратился онъ къ присутствующимъ,—потрудитесь прочесть билетъ Пархоменка объ отставкѣ... Обратите особенное вниманіе на описаніе его примѣтъ... Вѣдь онъ былъ солдатъ!.. Теперь, дружокъ, раздѣнься я покажи намъ свой бокъ, бугоръ и ящерку!.. А это что? спросилъ Масоѣдовъ, поднося къ самому лицу Пархоменка, старый исписанный листъ почтовой бумаги...

— Выдала!.. вскричалъ Пархоменко и прибавилъ, зашатавшись на своемъ мѣстѣ,—да, я—Ксенофонтъ Долгополовъ, ихъ человекъ...

— Снимите съ него показаніе, повелительно произнесъ Масоѣдовъ.

— А гдѣ же Пархоменко?—спросилъ стряпчій...

— Я убилъ его... Въ озерѣ, въ Петропавловскомъ лѣсу...

Произнеся эти слова, Долгополовъ грянулся въ обморокъ на полъ. По приведеніи его въ чувство, онъ былъ закованъ и отведенъ въ острогъ, а

на другой день съ него было снято полное показаніе, въ которомъ онъ во всемъ сознался. По странной игрѣ природы, Ксенофонтъ Долгополовъ имѣлъ у себя признакъ, по которому могъ быть всегда узнанъ! У него былъ на правомъ боку небольшой бугорчатый наростъ и длинноватое черное пятно, очертаніемъ схожее съ ящерицею. Происхожденіе этого пятна покойная Варвара Константиновна объясняла тѣмъ, что будто бы она въ то время, когда была въ интересномъ положеніи, однажды испугалась въ саду ящерицы и схватилась за бокъ. При самомъ рожденіи мальчика пятно было едва замѣтно, но потомъ оно разрослось. Пятно было покрыто чешуйкою и, сверхъ того, измѣняло по временамъ свой цвѣтъ: оно бывало красноватымъ, сѣрымъ, темно-зеленымъ... Объ этихъ примѣтахъ Долгополова всѣ сверстники его дѣтства давно уже забыли, но онъ, по пословицѣ, «на ворѣ шапка горитъ», всегда боялся быть по немъ узнаннымъ и, замышляя бѣгство отъ помѣщика, имѣлъ неосторожность въ письмѣ къ предмету своей страсти, Христинѣ, которая знала объ этихъ примѣтахъ, написать предостереженіе, чтобы она никому не сообщала о нихъ.

XIV.

Вѣсть о побѣдѣ, одержанной Митрофаномъ Александровичемъ Масоѣдовымъ надъ Пархоменгомъ, или, лучше сказать, надъ своимъ камердинеромъ,

быстро разнеслась по N-ской и окрестнымъ губерніямъ. Всѣ знакомые и родственники, отчаявшіеся въ благополучномъ исходѣ для него дѣла, спѣшили принести ему поздравленія съ счастливымъ окончаніемъ и извиненія въ своихъ сомнѣніяхъ. Но Митрофанъ Александровичъ никого къ себѣ не принималъ... Самый домъ его, почти весь плотно закрытый ставнями, смотрѣлъ мрачно, непривѣтливо и безлюдно. Послѣ допроса Долгополова Масоѣдовъ прямо отправился въ свое имѣніе, не проронивъ по дорогѣ ни слова. На крыльцѣ его встрѣтила жена и дѣти, но онъ сумрачно поздоровался съ ними, рассказалъ въ короткихъ словахъ, что Долгополовъ сознался, и ушелъ въ кабинетъ, прося дать ему покой... Въ послѣдующіе дни онъ уже вовсе не выходилъ изъ своего кабинета и не допускалъ къ себѣ домашнихъ, исключая камердинера, и то по надобности, по его зову... Митрофанъ Александровичъ страшно страдалъ и терзался; лицо его сдѣлалось злобно и ужасно, какъ у преступника. По ночамъ Масоѣдова посѣщали мучительныя грезы. Онъ вставалъ съ кровати, испуганными глазами поводилъ вокругъ себя и вскрикивалъ: «вотъ, вотъ, вотъ онъ!.. А, ты пришла? И ты здѣсь, старуха?.. Отмстить за дочь? И Ксенофонтъ?.. Но ты самъ убійца..» Дикіе крики его ночью страшно раздавались въ огромномъ опустѣломъ домѣ. Бѣдныя дѣти его дрожали и плакали, прислуга тряслась, жена страдала, не понимая, что дѣлается съ ея

мужемъ и какъ пособить ему въ его мучительномъ положеніи. На всѣ просьбы ея допустить къ себѣ, чтобы она могла его успокоить, Митрофанъ Александровичъ отвѣчалъ положительнымъ отказомъ. Г-жа Масоѣдова также неоднократно посылала къ нему то врача, то священника, но онъ постоянно прогонялъ ихъ отъ себя, говоря, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ. Цѣлые дни Масоѣдовъ проводилъ въ томъ, что сочинялъ какія-то бумаги, расхаживалъ по комнатѣ, потомъ читалъ ихъ, задумывался и рвалъ... Такое времяпрепровожденіе длилось около двухъ недѣль. Наконецъ, въ одну глухую полночь, когда эти бумаги были уже Масоѣдовымъ составлены и онъ, задумавшись, соби-рался ихъ уничтожить, онъ явственно услышалъ около двери шорохъ и легкій стукъ.

Это не была галлюцинація.

— Кто смѣетъ?—спросилъ испуганно Масоѣдовъ.

— Я,—отвѣчалъ старушечій хриплый голосъ,— пришла поговорить о моей дочери...

Масоѣдовъ дико оглянулся, схватилъ лежавшій на столѣ заряженный пистолетъ и въ упоръ выстрѣлилъ себѣ прямо въ сердце.

Громкій выстрѣлъ стараго устройства пистолета разбудилъ находившуюся по близости прислугу, та дала знать остальнымъ домашнимъ и всѣ бросились къ барскому кабинету. Впереди всѣхъ былъ камердинеръ, но едва онъ дошелъ въ темномъ коридорѣ до двери, какъ съ страшнымъ, испуганнымъ

крикомъ упалъ на что-то мягкое... Засвѣтили огонь и съ изумленіемъ увидѣли, что это былъ холодный трупъ старухи Демьяновны, бывшей кормилицы барина... Какъ она могла быть здѣсь въ такое позднее время, изачѣмъ, — этого никто не понималъ... Дверь въ кабинетъ была заперта и на стукъ не слышалось ни какого отклика... Г-жа Масоѣдова была страшно испугана и боялась видѣть трупъ мужа, а потому просила присутствующихъ, ради Бога, не ломать дверь, а лучше послать за станочнымъ и исправникомъ. Всѣ въ домѣ были въ величайшемъ паническомъ страхѣ.

Къ утру мѣстныя полицейскія власти прибыли и разломали дверь. Масоѣдовъ лежалъ распростертый на полу, весь облитый кровью, съ судорожно сжатымъ пистолетомъ въ рукѣ...

На столѣ между бумагами его было найдено: духовное завѣщаніе, въ которомъ отписывались большія суммы на монастыри на поминовеніе его души, заявленіе мѣстному исправнику, что въ смерти его никто невиновенъ и онъ лишилъ себя жизни самъ, мучимый совѣстью за совершенное имъ 17 апрѣля этого года убійство въ Москвѣ и бумага на имя Московскаго Губернатора, въ которомъ онъ описываетъ это происшествіе, прося снять всякія подозрѣнія съ лицъ совершенно невинныхъ, быть можетъ, обвиняющихся въ этомъ преступленіи. Масоѣдовъ объяснилъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія лишить жизни вдову аудитора 12-го

класса Христину Кирсановну Познякову, но ему необходимо нужно было видѣть ее, чтобы узнать извѣстныя ей данныя, по которымъ онъ могъ бы уличить своего бѣглаго человѣка Ксенофонта Долгополова, называвшагося вахмистромъ Пархоменкомъ, въ самозванствѣ, а также, чтобы добыть у нея письмо его, писанное къ ней наканунѣ бѣгства. Взять это письмо путемъ официальнымъ, чрезъ внезапный обыскъ, Масоѣдову казалось затруднительнымъ и онъ опасался и ея изворотливости, и ошибки сыщиковъ; при томъ, цѣло ли это письмо и какого оно было содержанія,—онъ не зналъ. Слѣдовательно, и обыскъ могъ быть бесполезнымъ и письмо не содержащимъ въ себѣ ничего для него важнаго. Въ привлеченіи къ суду Позняковой, бывшей нѣкогда любовницей этого Ксенофонта Долгополова, и въ дачѣ ей съ нимъ очныхъ ставокъ Масоѣдовъ также видѣлъ мало гарантіи на успѣхъ, узнавъ отъ ея матери о нежеланіи Христины выдать Долгополова. По этому то случаю Масоѣдовъ и рѣшился повидаться съ Позняковой лично, въ надеждѣ склонить ее просьбамъ и деньгами открыть ему извѣстную ей тайну. Свиданіе между ними произошло въ ночное время случайно, потому что Масоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву очень поздно, остановился недалеко отъ Пречистенской заставы и, горя нетерпѣніемъ, сейчасъ же пошелъ пѣшкомъ отыскивать Познякову, не найдя по дорогѣ извозчика. Домъ ея ему указалъ неизвѣстный человѣкъ.

Услыша стукъ въ спальню и какъ будто бы знакомый голосъ своего барина, Христина Кирсановна вышла взглянуть къ калиткѣ и, когда въ самомъ дѣлѣ увидѣла Масоѣдова, то не посмѣла отказать ему въ его просьбѣ впустить его въ домъ. Надежды Масоѣдова не сбылись: на всѣ его предложенія и просьбы Познякова долгое время отвѣчала одно, что ей неизвѣстны никакія улики противъ Ксенофонта и она не знаетъ: онъ ли проживаетъ въ Б., или дѣйствительный Пархоменко... Когда же Митрофанъ Александровичъ погрозилъ ей очными ставками съ матерью и съ Долгополовымъ, то она прямо объявила ему: «И не надѣйтесь—я отъ всего отрекусь, хотя бы и знала что... Неужели же вы думаете, что у насъ нѣтъ и сердца... Разлучить насъ вы могли, это ваша воля, но перестать любить вы—заказать не можете... Можетъ быть вонъ въ томъ комодѣ,—она указала на него—есть записочка, за которую вы бы цѣлое имѣніе съ крестьянами дали, да я не возьму... Съ тѣмъ и прощайте, Митрофанъ Александровичъ!..

— У, змѣя...—вскричалъ Масоѣдовъ, кидаясь къ ней, доведенный до крайней ярости ея словами, и, схвативъ несчастную за горло, сжалъ его словно желѣзными клещами, пока не почувствовалъ паденія безжизненнаго трупа...

Роковое письмо Долгополова найдено было имъ въ третьемъ ящикѣ комода. Затѣмъ Масоѣдовъ отворилъ болтъ въ окнѣ и выскочилъ на улицу.

XV.

По совокупности преступлений, крестьянинъ Ксенофонтъ Петровъ Долгополовъ, согласно 2 п. ст. 21, 2 п. 1925 ст. улож. о наказ., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, приговоренъ былъ къ наказанію плетью, чрезъ палача, сто двадцатью ударами, съ наложеніемъ клеймъ и къ ссылке въ каторжную работу на заводахъ, на пятнадцать лѣтъ. Но ему не суждено было перенести всего такого страшнаго наказанія: на тридцать седьмомъ ударѣ Долгополовъ лишился чувствъ и во время отправленія его въ больницу по дорогѣ скончался.

Нераскрытое преступленіе.

(Разсказъ судебнаго слѣдователя).

I.

Около десяти часовъ зимняго вечера, въ бельэтажѣ огромнаго каменнаго дома на Караванной улицѣ въ Петербургѣ, въ роскошно-меблированной гостиной, обитой штофомъ и устланной дорогимъ ковромъ, близъ стола, на которомъ горѣла лампа, изливая мягкіе лучи свѣта, стояли разговаривая мужчина и женщина. Мужчина былъ красивый высокаго роста брюнетъ, лѣтъ 28-ми, съ открытымъ лбомъ и вообще съ очень выразительною фізіономіею; на лацканѣ фрака его виднѣлся значокъ присяжнаго повѣреннаго.

Женщина была немного моложе мужчины и менѣе ростомъ, жгучіе черные глаза, орлиный красивой формы носъ, черные волосы и страстные алыя губы—все сливалось въ типическую фізіономію француженки. Черное шелковое платье съ длин-

нымъ шлейфомъ еще рѣзче выдѣляло ея поразительную красоту.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ лакея.

— Ваше превосходительство! — сказалъ онъ, обращаясь къ молодой женщинѣ, — пожалуйста въ кабинетъ... его превосходительству дурно...

— Сейчасъ, отвѣтила генеральша, — послать за докторомъ! прибавила она, и сдѣлала слугѣ знакъ выйти.

Присяжный повѣренный пожалъ плечами и нахмурилъ брови.

— Боже!.. произнесъ онъ, — когда же это все кончится?..

— Ахъ, Владиміръ, не мучьте меня! вооружитесь терпѣніемъ... Неужели вы не знаете, до какой степени мнѣ и безъ того тяжело! Знакомые наши всѣ догадываются о моихъ къ вамъ отношеніяхъ, мужъ терзаетъ меня подозрѣніями, ревностью къ вамъ, грозитъ уничтожить завѣщаніе, по которому, какъ вамъ извѣстно, все его состояніе было завѣщано мнѣ и ребенку нашему, а теперь онъ, догадываясь о нашихъ отношеніяхъ съ тобой, съ нѣкоторыхъ поръ возненавидѣлъ и Сережу.

— Но пойми, каково мнѣ: я люблю тебя безумно и принужденъ изрѣдка, крадучись видѣться съ тобой и приласкать нашего ребенка. А теперь, при тѣхъ отношеніяхъ, которыя за послѣднее время установились между мной и твоимъ мужемъ, я всѣмъ не могу посѣщать вашъ домъ.

— Ахъ, Владиміръ! научи, что мнѣ дѣлать, я сама теряю голову! Представь, онъ на дняхъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ, для возстановленія своего здоровья, въ скоромъ времени ѣхать въ Крымъ. Ты только пойми мое положеніе: не послѣдовать мнѣ за нимъ туда, это будетъ равносильно разрыву между нами и слѣдовательно въ будущемъ намъ съ тобой грозить бѣдность и всякія лишенія.

— А ты боишься этого? съ упрекомъ сказалъ Косоринъ.

— Нѣтъ, за себя я не боюсь, но Сережа! за что онъ долженъ будетъ страдать. Я мать ему и готова для него все терпѣть, всѣмъ жертвовать. Боюсь только, одного не перенесу: это продолжительной разлуки съ тобой, а вѣдь если мы уѣдемъ, то вѣроятно на долго, на годъ, а можетъ быть и на два.

— Ну, дорогая Клементина, я вижу, что мнѣ остается только пустить себѣ пулю въ лобъ! Потому что я теперь не имѣю средствъ и не могу обезпечить тебя. Конечно, я буду работать, трудиться для тебя, но какъ сложатся мои обстоятельства въ будущемъ, не знаю. А потому я предлагаю тебѣ выбирать между мной и старикомъ, котораго ты называешь своимъ мужемъ. Въ первомъ случаѣ: ты останешься здѣсь, не поѣдешь съ нимъ и я начну процессъ о твоёмъ разводѣ съ нимъ. Во второмъ случаѣ: я пушу себѣ пулю въ лобъ!..

Молодая женщина поблѣднѣла и загадочно проговорила: «Подожди немного».

— Подумай о моихъ словахъ, Клементина, въ твоихъ рукахъ моя жизнь!.. Я долго ждать не буду. Да и невозможно.

Съ этими словами Косоринъ поцѣловалъ руку Клементины и вышелъ.

II.

Оставшись одна, Клементина Константиновна Вознесенская (такъ звали молодую генеральшу) нѣсколько минутъ простояла на одномъ мѣстѣ, потомъ, скрестя руки и безсознательно опустивъ ихъ, она задумчиво прошлась по гостиной и пошла въ кабинетъ своего мужа.

Тамъ, въ роскошной комнатѣ, въ полусвѣтѣ отъ лампы съ абажуромъ и горѣвшей въ углу лампы, на широкомъ оттоманѣ лежалъ подъ мѣховымъ одѣяломъ дряхлый сѣденькій и лысый старичокъ, совершенно угасавшій.

Черты лица его отъ морщинъ такъ ступевались, что уловить какое нибудь выраженіе въ его фізіономіи было невозможно. Трудно было даже рѣшить, былъ ли старикъ въ молодости брюнетъ или блондинъ, дурень или хорошъ собою... Это была обыкновенная фізіономія старичка чиновника.

Онъ мутнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на вошедшую жену. Передъ оттоманомъ стоялъ большой письменный столъ, на половину заваленный бумагами и

книгами, а на половину уставленный склянками съ разными микстурами и аптекарскими коробками: съ порошками, пилюлями и прочимъ фармацевтическимъ хламомъ. Около оттомана въ вольтеровскомъ креслѣ сидѣла пожилая женщина, съ книгою въ рукахъ, одѣтая вся въ черное. Это была сидѣлка. У дверей стоялъ казачекъ для посылокъ.

— Что съ тобою, Борисъ? спросила Клементина Константиновна мужа; мнѣ сказали, что тебѣ было дурно?..

— Да... отвѣчалъ старикъ слабымъ голосомъ, — но теперь прошло... Что, Косоринъ ушелъ?.. Отдала-ли ты ему деньги?.. Взяла ли ты обратно отъ него довѣренность?.. Когда онъ приходитъ, мнѣ всегда дѣлается хуже...

Старикъ вздохнулъ.

— Полно, Борисъ, съ кроткимъ упрекомъ сказала Клементина.

Старикъ хотѣлъ что-то возражать, но въ кабинетъ вошелъ докторъ. При входѣ его молодая женщина почему-то вздрогнула.

Болѣе неприятной фізіономіи, чѣмъ у вошедшаго, едва ли возможно себѣ представить. Рисуя іезуита въ полномъ значеніи этого слова, художникъ не могъ бы найти для этого типа лучшаго натурщика, какъ докторъ Вансовичъ. Определить лѣта Вансовича было трудно: иногда онъ казался молодымъ человѣкомъ лѣтъ 30-ти, иногда 45-ти и болѣе. Вансовичъ былъ блондинъ съ свѣтлосѣрыми, хи-

трыми впавшими глазами, рыжими волосами, съ свѣтившейся на макушкѣ лысиной, несмотря на то, что обладатель тщательно скрывалъ ее длинными прядями волосъ. Но цвѣтъ лица у Вансовича былъ очень хорошъ—и его можно было назвать безукоризненнымъ, еслибы его не портили непріятныя, скобками, морщинки, которыя всегда образовывались при постоянно игравшей на лицѣ его заискивающей улыбкѣ. Вансовичъ былъ высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, съ длинными руками и тощими продолговатыми пальцами съ остроконечными ногтями. Звали его Альбертъ Викентьевичъ.

Вансовичъ подошелъ къ постели больного. Генераль протянулъ ему руку. Докторъ взялъ ее, оцупалъ и сосчиталъ пульсъ, потомъ попросилъ его показать ему языкъ.

— Что, докторъ, какъ дѣла? спросилъ генераль, видимо съ нетерпѣніемъ ждавшій утѣшительнаго отвѣта.

— Ничего, хорошо... Меньше тревожьтесь и не думайте о своей болѣзни...

— Скоро умру?..

— О, нѣтъ, еще поживете... и многихъ переживете, отвѣчалъ Вансовичъ, бросивъ хитрый взглядъ на молодую генеральшу.

Клементина Константиновна опустила глаза.

— Мнѣ нужно осмотрѣть его превосходительство, обратился къ ней съ приторною улыбкой докторъ, какъ бы прося ее удалиться изъ кабинета.

Молодая женщина вышла и пошла въ ту же гостиную, гдѣ за нѣсколько минутъ она бесѣдовала съ адвокатомъ; тамъ она опустилась въ первое попавшееся кресло, наклонивъ голову.

Черезъ полчаса вслѣдъ за нею въ гостиную вошелъ Вансовичъ и остановился передъ генеральшей съ пасмурной и задумчивой физиономіей.

— Что? спросила Клементина Константиновна.

— Произошла реакція... легкій кризисъ къ лучшему... Новый симптомъ.

— Значитъ, онъ выздоровѣетъ?..

Вансовичъ проницательно, двусмысленно улыбнулся.

— Я уже говорилъ вамъ, отвѣчалъ онъ,—что это невозможно... Этотъ поворотъ къ лучшему будетъ имѣть лишь тотъ результатъ, что его превосходительство Борисъ Васильевичъ прорадаеть еще... Онъ будетъ жить, пока окончательно у него не сгніють легкія...

— А какъ долго это можетъ продолжиться при настоящей реакціи въ его болѣзни?

— Нельзя сказать опредѣленно: можетъ быть года два, а можетъ быть и годъ.

Говоря эти слова, Вансовичъ проницательно смотрѣлъ на молодую женщину, какъ бы желая прочесть на лицѣ ея, какое они производятъ на нее дѣйствіе. Клементина Константиновна откинулась на спинку кресла—и истомленно, протяжно вздохнула.

— Что мнѣ дѣлать? переспросилъ ее съ обычною

улыбкою Вансовичъ и остановился.—Да, продолжалъ онъ, послѣ паузы, какъ бы разсуждая самъ съ собою,—моя медицинская помощь только длить мученія... А для иныхъ смерть—сущее благодѣяніе... Она избавляетъ несчастныхъ отъ страданій... Особенно если смерть мгновенна...

— Докторъ! сказала Клементина Константиновна строго, вставая съ кресла,—для чего вы говорите это мнѣ постоянно?..

Вансовичъ сконфузился.

— Извините ваше превосходительство, оправдывался онъ,—въ послѣднее время на моихъ рукахъ такъ много страдальцевъ, которымъ не суждено уже видѣть свѣтлыхъ, здоровыхъ дней, что невольно подумашь объ этомъ. Вопросъ этотъ сталъ для меня манією. Простите. Завтра я буду у васъ утромъ; вечеромъ я долженъ быть на дежурствѣ въ больницѣ. До свиданья.

Вансовичъ отдалъ прощальный поклонъ. Клементина Константиновна молча слегка кивнула ему головой.

Проводивъ доктора, генеральша Вознесенская пошла изъ гостиной не въ кабинетъ къ своему больному мужу, а въ дѣтскую, гдѣ за спущенными сторами въ изящной колыбели спалъ красивый двухъ-лѣтній мальчикъ съ черною кудрявою головкой. Это былъ ея сынъ Сережа... Цѣлую ночь молодая женщина провела безъ сна. Какъ видно, разговоръ ея съ адвокатомъ и докторомъ произвелъ

на нее въ тотъ день особенное впечатлѣніе, хотя тема была ей не нова, но она никогда еще не видѣла повѣреннаго Косорина въ такомъ раздраженномъ состояніи. Притомъ въ этотъ день, по настоянію мужа, она принуждена была отказать адвокату въ веденія дѣлъ, которыя генераль поручилъ ему.

III.

Кругъ знакомыхъ называлъ Клементину Константинову авантюристкой. Насколько вѣрно это названіе, можно судить изъ ея біографіи. Отцомъ Клементины Константиновны былъ поваръ французъ, Констансъ Пьетръ, впоследствии содержавшій небольшую кухмистерскую на Бассейной улицѣ, а мать—русская, петербургская мѣщанка, служившая горничной въ одномъ домѣ, гдѣ былъ поваромъ monsieur Констансъ Пьетръ. Горничную господа звали Аннушка, а дворня величала Анной Кузьминшной. Сердца горничной и повара запылалъ другъ къ другу страстію—и они сочетались брачными узами. Плодомъ этой любви и была Клементина, ихъ единственное чадо. Констансъ Пьетръ былъ очень красивъ собою, природный парижанинъ, и Клементина унаслѣдовала отъ него французскій типъ лица; отъ матери ей въ удѣлъ досталась необыкновенная бѣлизна кожи и здоровье. Сдѣлавшись семейнымъ человѣкомъ, Констансъ Пьетръ

захотѣлъ имѣть свое собственное заведеніе и открылъ сказанную кухмистерскую на Бассейной. Заведеніе это шло такъ хорошо, что послѣ смерти своей Пьетры могли бы обезпечить будущность Клементины; но они были люди другого характера и неразсчетливые. Пьетры жили не по средствамъ. Констансъ любилъ по временамъ кутнуть съ пріятелями, похвастаться и покичиться. Сидѣвшая за прилавкомъ жена его Анна Кузьминишна съ своей стороны любила наряды и, будучи очень добра, крайне запустила кредитъ. Дочь свою она наряжала какъ куклу и давала ей воспитаніе въ дорогомъ пансіонѣ. Вслѣдствіе этого дѣла ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разстраивались; но до смерти Анны Кузьминишны кухмистерская всетаки существовала. Когда же Анна Кузьминишна умерла, кухмистерская едва дотянула до году и закрылась. Констансъ, при всей вѣтренности француза, страстно любилъ свою жену. Лишась ея, онъ сталъ въ утѣшеніе прибѣгать къ спиртнымъ напиткамъ. Товарищи и нѣкоторые посѣтители воспользовались слабостью кухмистера; деньги теперь были у него на рукахъ, а прежде онъ были у его жены. Пошли безразсудные кутежи, кредиты и трата денегъ. Въ одну загородную прогулку Пьетръ простудился, схватилъ тифъ и умеръ. Клементина осталась на 14-мъ году круглою сиротой. Въ карманѣ у умершаго отца ея нашли всего только пятьдесятъ рублей, которые и были издержаны на его погребеніе.

Кухмистерской уже не было. Слѣдовательно, Клементина осталась не только сиротою, но и нищей. Въ это тяжелое время въ судьбѣ дѣвочки приняла участіе соотечественница ея отца, кухмистерша на Царскосельскомъ проспектѣ нѣкто m-me Монжо. Но участіе это состояло лишь въ томъ, что она взяла Клементину просто къ себѣ въ услуженіе, какъ красивую и расторопную дѣвочку, и за это кормила ее. Образование Клементины было кончено навсегда. Однако она все-таки выучилась въ пансіонѣ читать и писать, конечно съ ошибками, по-русски, по-французски, немного по-нѣмецки, а также считать. Унизительно было гордой, избалованной дѣвочкѣ, получившей образованіе въ пансіонѣ, среди богатыхъ подругъ, стоять за прилавкомъ и подавать кушанье посѣтителямъ; но она покорила необходимости. Съ годами Клементина росла и хорошѣла. Красотою своею дѣвушка очень дорожила, надѣясь черезъ нее выйти изъ своего униженнаго и зависимаго состоянія, которое, по мѣрѣ прихода ея въ возрастъ, казалось ей все тяжелѣе и тяжелѣе. Клементина была въ кухмистерской Монжо выставкой, приманкой для посѣтителей, такъ какъ многіе именно и ходили къ m-me Монжо, чтобы полюбоваться хорошенькой дѣвушкой и быть можетъ завести съ нею интимное знакомство. Въ 15—16 лѣтъ разныхъ возрастовъ и званій ловеласы уже стали осаждать Клементину разными любезностями, комплиментами,

подарками, записочками, вызывали на свиданіе, приглашали въ театръ и прочее. И Клементина, по приказанію m-me Монжо, была очень любезна и какъ бы подавала надежду; однако отъ свиданій, приглашеній въ театръ и отъ загородныхъ прогулокъ отказывалась. Она инстинктивно догадывалась, что это доведетъ ее только до гибели и еще болѣе закабалить ее навсегда въ подобное настоящему положеніе, изъ котораго она стремилась выйти всей душой. Единственнымъ выходомъ по этому она считала замужество. Но Клементина вовсе не мечтала о женихѣ богатѣ и успѣхахъ въ свѣтѣ, а намѣрена была выйти за человѣка, который бы искренно полюбилъ ее и былъ хоть сколько нибудь обезпеченъ. Главная цѣль ея была: не быть служанкой. Но, при всей разсудительности Клементины, ее посѣтило также маленькое увлеченіе.

Однажды, въ тотъ самый день, когда ей исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ кухмистерскую заѣхалъ молодой юноша, лицеистъ, красивый брюнетъ съ черными пробивавшимися усиками. Нѣжный цвѣтъ лица, бѣленькія руки съ длинными тонкими пальцами, манеры и покрой платья изобличали въ немъ баловня, маменькина сынка. Въ кухмистерскую загналъ его морозъ. Онъ спросилъ рюмку ликера и пирожокъ съ вареньемъ. То и другое подала ему Клементина. Глаза молодыхъ людей встрѣтились—и оба они покраснѣли. Красота дѣвушки поразила лицеиста. Онъ пробылъ

въ кухмистерской гораздо болѣе, чѣмъ предполагалъ,—поминутно, насколько позволяло приличіе, взглядывая на дѣвушку. Подъ вліяніемъ магнетизма его черныхъ глазъ, Клементина тоже поднимала на него свои глазки—и жаръ охватывалъ ея нѣжныя и пухленькія щеки. Никогда не была такъ хороша Клементина, какъ въ этотъ день. Съ этихъ поръ лицействъ сталъ довольно часто посѣщать кухмистерскую и робко началъ заводить съ Клементиной разговоръ и знакомство. Этотъ, лицействъ былъ Владиміръ Димитріевичъ Косоринъ. Клементина видѣла, что лицействъ въ нее влюбленъ, но понимала, что эта любовь не извлечетъ ее изъ теперешняго ея положенія, или извлечетъ на время, а потомъ утопитъ въ грязь. Однако она не могла совладѣть съ собою—и противъ своей воли ожидала всегда пріѣзда Косорина съ внутреннимъ волненіемъ; грустила и плакала, когда онъ долго не ѣхалъ. Молодой человѣкъ также замѣтилъ расположеніе къ нему дѣвушки, но, будучи неопытенъ и неиспорченъ, онъ обращался съ нею мягко, вѣжливо, и хотя говорилъ о своихъ чувствахъ, но не переступалъ границъ строгой скромности. Это деликатное обращеніе еще болѣе усилило къ нему любовь дѣвушки. Такъ дѣло тянулось мѣсяца два. Въ одинъ день лицействъ, долго не бывшій у Клементины въ кухмистерской, пришелъ грустный и озабоченный, въ партикулярномъ платьѣ. Онъ выбралъ отдѣльную комнату, гдѣ не было посѣти-

телей, и усѣлся тамъ. Клементина вошла къ нему съ вопросомъ:

— Что вамъ будетъ угодно приказать подать?

— Что хотите, отвѣчалъ онъ,—я вовсе не за-тѣмъ пріѣхалъ, чтобы ѣсть... Я пріѣхалъ попрощаться съ вами... Вы видите, я въ статскомъ платьѣ... Я кончилъ курсъ въ Лицеѣ и завтра ѣзжаю съ отцомъ и съ матерью за границу. Теперь у насъ идутъ приготовления къ вояжу...

Эта неожиданная разлука страшно поразила дѣвушку. Ноги у нея подкашивались; она схватилась одною рукою за столъ; личико мгновенно поблѣднѣло.

— Клементина, продолжалъ Косоринъ, взявъ ея свободную руку,—вы знаете, я васъ очень люблю... не откажите принять отъ меня, на память, вотъ этотъ незначительный подарокъ... Косоринъ вынулъ изъ шляпы футляръ, въ которомъ находился золотой съ бирюзою парюръ.

Дѣвушка машинально приняла его, не поблагодаривъ; по лицу ея потекли ручьями слезы; потомъ она бросила футляръ на столъ и, положивъ руки на плечо юноши, скрыла за его головою свое плачущее личико. Молодой человѣкъ повернулъ къ ней голову и покрылъ ее поцѣлуями. Оба молодые люди были сильно разстроены, но это нужно было скрыть отъ м-ше Монжо, которая уже звала Клементину. Опытная въ дѣлахъ подобнаго рода кухмистерша, по разстроенному лицу Кле-

ментины и Косорина догадалась, что между молодыми людьми происходит нѣчто необыкновенное и рѣшилась помѣшать дальнѣйшимъ объясненіямъ,— такъ что описанная сцена была послѣднею, прощальною. Косоринъ былъ до того взволнованъ, что рѣшительно не былъ въ состояніи вести пустой разговоръ съ словоохотливой m-me Монжо и скоро попрощался, подавая на прощаніе руку ей и Клементинѣ. Дѣвушка ждала, что молодой человѣкъ зайдетъ еще въ кухмистерскую вечеромъ или завтра утромъ. Но надежды ея не сбылись. Проходили дни, недѣли, Косоринъ не являлся. Клементина грустила и значительно похудѣла въ лицѣ. Образъ молодого человѣка не изглаживался изъ ея памяти. На рукѣ своей она носила постоянно изъ парюра, подареннаго ей Косоринымъ, золотой перстенецъ съ незабудкой изъ бирюзы.

IV.

Почти одновременно съ отъѣздомъ изъ Петербурга Косорина за границу въ кухмистерскую Монжо сталъ ходить новый посѣтитель, человѣкъ не молодыхъ лѣтъ, почти старикъ, съ орденомъ св. Анны на шеѣ. Онъ взялъ мѣсячный билетъ и отрекомендовался коллежскимъ совѣтникомъ Борисомъ Васильевичемъ Вознесенскимъ. Ему и тогда было уже за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ казался еще довольно

свѣжимъ и бодрымъ, чему много помогали крашенные на головѣ и бакенбардахъ волосы. Онъ имѣлъ приличную чиновническую фізіономію, въ которой впрочемъ не было ничего отталкивающаго; напротивъ, въ свѣтло-карихъ глазахъ его свѣтился умъ и порою доброта. Вознесенскій принадлежалъ къ разряду людей, о которыхъ утвердительно нельзя сказать—худы или хороши они. Въ его характерѣ была смѣсь того и другого; въ одномъ только не было сомнѣнія, что вести съ нимъ дѣла было крайне тяжело. Вознесенскій былъ сынъ священника уѣзднаго города. Воспитывался онъ первоначально въ семинаріи, но по окончаніи курса не захотѣлъ вступить въ духовное званіе, а перешелъ въ университетъ, гдѣ также окончилъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. Службу свою онъ первоначально началъ въ своемъ губернскомъ городѣ писцомъ гражданской палаты, а отсюда въ должности столоначальника этого присутственнаго мѣста перешелъ въ Петербургъ, въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь онъ прошелъ всѣ степени чиновной іерархіи, отъ писца до начальника отдѣленія включительно, приобрѣлъ чины и ордена. На этой должности Вознесенскій и познакомился съ Клементиной и m-me Монжо. Начальство всегда отзывалось о Вознесенскомъ, какъ о полезномъ и трудолюбивомъ чиновникѣ. Въ отношеніи службы, къ чести Вознесенскаго, въ характерѣ его не было ни пролазства, ни искатель-

ства, ни угодничанья. Онъ держаль себя какъ бурсакъ, прямо и грубо. Всѣ чины, ордена и должности онъ добываль упорнымъ трудомъ—и именно трудомъ, потому что Вознесенскій былъ не даровитъ и не обладалъ ни особымъ лицомъ, ни быстрымъ соображеніемъ и находчивостью. Малѣйшее знаніе ему доставалось потомъ. Товарищи Вознесенскаго по университету и сослуживцы отзывались о немъ разнo. Безусловно Бориса Васильевича нельзя было назвать скупымъ; случались минуты, въ которыя, на взглядъ мало знавшаго его, Вознесенскій являлся человѣкомъ расточительнымъ и готовымъ подать руку помощи ближнему; но при внимательномъ анализѣ все это было очень сомнительно и не имѣло надлежащей цѣнности. Въ лучшихъ случаяхъ Борисъ Васильевичъ дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ излишне-выпитой рюмки, лести своей особѣ или по фанфаронству, котораго онъ былъ не чуждъ; но послѣ этихъ порывовъ онъ раскаявался, хмурился, жался и вознаграждалъ себя по пословицѣ: «если не мытьемъ, такъ катаньемъ»... Тѣ, которые успѣвали скоро раздѣлаться съ Вознесенскимъ до поры до времени, не сходясь съ нимъ близко, отзывались о немъ, какъ о хорошемъ товарицѣ и добромъ человѣкѣ. Тѣ же, которые злою волею судьбы были сопряжены съ нимъ въ долговременныя долговья отношенія — говорили совсѣмъ другое. Для примѣра: разъ въ увлеченіи, подъ вліяніемъ извѣстныхъ чувствъ, Вознесенскій

расщедрился и далъ въ займы почти незнакомому ему человѣку пятьдесятъ рублей. Но послѣ этого онъ ежедневно сталъ навѣщать своего заимодавца, то къ обѣду, то къ ужину и, не напоминая ему о своемъ долгѣ, довелъ того до такого состоянія, что онъ рѣшился заплатить десятерные проценты, чтобы раздѣлаться съ Борисомъ Васильевичемъ... Вознесенскій за пятьдесятъ лѣтъ былъ холостякъ, а между тѣмъ изъ этого вовсе не слѣдовало, чтобы онъ искалъ непременно богатства, хотя его свадьба могла разстроиться единственно чрезъ то, что его бѣдной невѣстѣ взамѣнъ трехъ люстриновыхъ платьевъ въ приданое дали-бы два... Съ перваго взгляда Борисъ Васильевичъ казался заматерѣлымъ холостякомъ, ненавистникомъ женскаго пола, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ страстный ловеласъ и селадонъ... Для внѣшней своей обстановки Вознесенскій былъ не скупъ. Онъ, по возможности, занималъ большую квартиру, хорошо одѣвался и любилъ приобрѣтать дорогія вещи. Желудокъ свой Борисъ Васильевичъ хотя и подчинялъ дисциплинарной мѣрѣ воздержанія, но иногда любилъ и побаловать его у Палкина, Дюссо и другихъ корифеевъ кулинарнаго искусства...

V.

Въ одномъ романѣ Дюма-отца есть глава подъ названіемъ: «важныя слѣдствія отъ ничтожныхъ причинъ». Это заглавіе можно примѣнить и къ исторіи Вознесенскаго съ Клементиной. Вознесенскій взялъ мѣсячный билетъ въ кухмистерской ради того обстоятельства, что онъ перемѣнилъ квартиру и не считалъ нужнымъ обзаводиться по образцу прежнихъ лѣтъ кухаркою—въ виду назначенія его вице-губернаторомъ въ отдаленную провинцію въ губернской городъ С. Какъ ловелась въ глубинѣ души и поклонникъ прекраснаго пола, Борисъ Васильевичъ не могъ не обратить вниманія на хорошенькое личико дѣвушки въ кухмистерской, на ея скромность и приличныя манеры. При подачѣ кушанья Клементину, онъ вздыхалъ и странно поглядывалъ на нее. Дѣвушка всегда невольно улыбалась. Потерявъ много выгодныхъ для брака партій по своей скупости и подозрительности, Вознесенскій на старости лѣтъ мечталъ о женитьбѣ на молоденькой дѣвушкѣ, хотя и безъ состоянія. Клементина очень понравилась ему, но мысль о бракѣ съ нею не приходила Борису Васильевичу въ голову. Между тѣмъ не прошло трехъ недѣль послѣ перваго визита Вознесенскаго въ кухмистерскую m-me Монжо, какъ онъ получилъ во-

ждедѣнное мѣсто вице-губернатора въ С. При этомъ кто-то изъ сослуживцевъ, поздравляя Бориса Васильевича съ новымъ назначеніемъ, шутя замѣтилъ:

— Хорошо бы вамъ поѣхать въ провинцію, да не бобылемъ, одному, а съ молоденькой вице-губернаторшей...

Сказавшій эту шутку—отнюдь не подозрѣвалъ того впечатлѣнія, какое она могла произвести на Вознесенскаго. Старикъ вышелъ изъ департамента крайне разсѣяннымъ—и вмѣсто того, чтобы прямо, по обычаю, идти въ кухмистерскую, сталъ бродить по закоулкамъ Петербурга, что-то бормоча. Иногда съ языка его слетали фразы въ родѣ слѣдующихъ: «въ провинціи никто не знаетъ»... «Говорить по французски и по-нѣмецки»... «Жаль, нѣтъ приданого»... «Гм!.. молода и хороша...».

Въ кухмистерской Борисъ Васильевичъ безъ всякой надобности громогласно объявилъ о своемъ новомъ назначеніи (которое въ сущности вовсе не было выше его прежней должности и отчасти пахнуло даже изгнаніемъ) и предался напускной веселости.

— Отчего вы не выходите замужъ? спросилъ онъ развязно Клементину, подававшую ему котлетку подѣ картофельнымъ соусомъ.

— Жениховъ нѣтъ, сказала она, улыбаясь.

— Небойсь все хотите молоденькаго да хорошенькаго?..

— Мнѣ все равно, возразила Клементина, вспом-

нивъ про Косорина, послѣ котораго «всѣ жребіи были равны».

— Толкуйте, все равно, противорѣчилъ Борисъ Васильевичъ,—а посватайся, какъ я, старикашка, навѣрно, сейчасъ на попятный дворъ?..

— Былъ-бы хорошій и добрый человѣкъ, отвѣчала дѣвушка, не придавая значенія своимъ словамъ.

Но Борисъ Васильевичъ смѣшался.

На другой день Вознесенскій пришелъ въ кухмистерскую разфранченный, раздушенный, подарилъ Клементинѣ красивую, дорогую бонбоньерку съ конфектами и былъ особенно любезенъ съ м-ме Монжо. Затѣмъ онъ принесъ обѣимъ женщинамъ два куска шелковой матеріи, для старшей коричневаго, а для младшей лиловаго цвѣта, говоря, что эти матеріи онъ выигралъ въ лотерею и, какъ не семейный человѣкъ, онъ будто бы не знаетъ, что съ ними дѣлать. Въ этотъ же разъ между Вознесенскимъ и м-ме Монжо, бывшей въ восторгѣ отъ подарка Бориса Васильевича, произошла тайный разговоръ. Клементинѣ удалось изъ него подслушать лишь слѣдующія слова старика: «Пожалуйста, м-ме Монжо, устройте мое счастье!.. Я даю вамъ двѣсти рублей...». Приступить съ своимъ предложеніемъ прямо къ молодой дѣвушкѣ, страшая ея отпора, Борисъ Васильевичъ не рѣшался. На слѣдующій день его не было въ кухмистерской; за то, взаимѣнь его визита, м-ме

Монжо съ разными предисловіями и оговорками передала Клементинѣ вчерашній свой разговоръ съ вице-губернаторомъ, который просить руки ея. При этомъ м-ше Монжо рисовала ей счастливую будущность и высокое положеніе, какое должна занять она, Клементина, въ провинціи.

Дѣвушка долго не отвѣчала, наконецъ какъ-то туго и беззвучно согласилась.

Утромъ м-ше Множо дала знать объ этомъ Борису Васильевичу, который не замедлил явиться, весь сіяющій и радостный.

Свадьба послѣ этого была сыграна очень скоро, секретно—и молодые укатили въ С.

VI.

Борисъ Васильевичъ Вознесенскій былъ единственный сынъ очень богатаго священника, послѣ смерти котораго ему досталось весьма значительное наслѣдство. Кромѣ того онъ самъ на службѣ счумѣлъ скопить капиталецъ. Это дало ему возможность жить на широкую ногу въ губернскомъ городѣ. Въ первое время супружества Борисъ Васильевичъ развернулся и сбросилъ съ себя свою обычную расчетливость. Ему захотѣлось похвастаться и блеснуть своею молоденькой и хорошенькой женою. Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ прежнее скопидомство къ Вознесенскому возвратилось. Впро-

чемъ, обстановка квартиры осталась та же, за то расходы на столъ и прочія потребности жизни сократились до предѣловъ возможнаго. Переворотъ этотъ начался съ того, что Борисъ Васильевичъ такъ себѣ, безъ всякихъ основаній, да и ни къ кому въ особенности, а просто къ первому встрѣчному началъ ревновать свою жену, хотя Клементина Константиновна не только не давала къ тому никакихъ поводовъ, но, напротивъ, заслуживала глубочайшаго уваженія за искреннюю преданность мужу и за умѣнье держать себя совершенно безукоризненно. Она видѣла въ Вознесенскомъ все-таки хорошаго человѣка. Часто въ голову ей приходила прошлая жизнь. Она вспоминала, сколько у нея было поклонниковъ ея красоты, сколько вздыхателей—и ни одного честнаго человѣка, который предложилъ бы ей свою руку; а Вознесенскій сдѣлалъ это, не взирая на свое вице-губернаторство... Загадочное созданіе человѣкъ!.. Какъ трудно прослѣдить его чувства!.. Вознесенскій ревновалъ Клементину, слѣдовательно онъ любилъ ее. Правда, «ревность недостатокъ любви»... но какой любви?—истинной, совершенной, когда человѣкъ готовъ принести самого себя въ жертву для счастья любимаго существа; въ то же время ревность есть продуктъ любви обыкновенной: мы не станемъ, повидимому, ревновать ту женщину, которую не любимъ и не интересуемся ею. Но Вознесенскій, начавъ ревновать Клементину, дошелъ до другихъ

чувствъ. Будучи въ тѣхъ годахъ, когда человѣку наскучаютъ волненія, онъ сталъ завидовать ея молодости, свѣжести, здоровью... Онъ предугадывалъ, что рано или поздно Клементина должна принадлежать другому—это раздражало его. Но эти чувства къ женѣ Борисъ Васильевичъ скрывалъ передъ нею очень долгое время.

Въ С... Вознесенскіе прожили около шести лѣтъ и переселились въ Петербургъ, когда Борисъ Васильевичъ былъ назначенъ вице-директоромъ департамента. Охладивъ къ женѣ, Вознесенскій въ Петербургѣ сталъ вести странную жизнь, совсѣмъ несвойственную его лѣтамъ и общественному положенію. Хотя поздно, но бурсацкія наклонности проснулись въ немъ. Онъ сталъ секретно прибѣгать къ вину и развлечениямъ полусвѣта.

Сознавая гадость своихъ поступковъ, Борисъ Васильевичъ относился къ своей женѣ какъ къ живому укору совѣсти, все тяжелѣе и суровѣе тираня бѣдную женщину. Клементина терпѣла все. Наконецъ, въ одинъ горькій день Клементина Константиновна узнала поведеніе своего мужа. Съ своей стороны она почувствовала къ нему глубочайшее отвращеніе. Женская гордость запылала въ ней... «Какъ», мысленно спрашивала она себя: —«онъ... онъ... (нужно замѣтить, что Борисъ Васильевичъ въ послѣднее время очень посѣдѣлъ, одряхлѣлъ, мучился катарромъ и ревматизмомъ) измѣняетъ мнѣ?..» И въ груди ея шевельнулось чувство, похожее на жажду мщенія.

Въ такомъ-то возбужденномъ состояніи Клементина Константиновна поѣхала однажды кататься и зашла за какою-то мелочною покупкою въ пассажъ. Громкое восклицаніе у дверей одного изъ магазиновъ: «Клементина!.. вы ли это?» остановило ее. Передъ ней стоялъ Косоринъ, котораго она узнала сразу, несмотря на его отросшую бороду и усы.

— Возвратясь изъ заграницы, говорилъ молодой человѣкъ,—я разузнавалъ о васъ, Клементина... М-ме Монжо въ то время умерла, но мнѣ все-таки удалось добыть свѣдѣнія, что вы вышли замужъ, за какого-то важнаго человѣка въ провинціи, вице-губернатора, что-ли... Счастливы-ли вы, Клементина?..

— Нѣтъ, вырвалось у нея со вздохомъ.

Теплыя слова Косорина, память о которомъ у ней еще не изгладилась, тронули молодую женщину—и она прямо, откровенно отвѣтила ему на его вопросъ. Косоринъ смѣшался.

— А я, нехати началъ онъ,—служу здѣсь, при окружномъ судѣ, присяжнымъ повѣреннымъ... Но не пройдемся-ли мы по пассажиу? предложилъ онъ...

— Пожалуй, отвѣчала Вознесенская небрежно.

Косоринъ сталъ рассказывать свою біографію, очень краткую и незанимательную, какъ онъ вернулся изъ заграницы, соблазнился адвокатурой и, отказавшись отъ болѣе блестящей карьеры,

былъ кандидатомъ на судебныя должности и, наконецъ, присяжнымъ повѣреннымъ.

Клементина слушала его, но очень разсѣянно,— замѣтно было, что она думала о чемъ-то другомъ,— и прервала разсказъ адвоката вопросомъ:

— Вы женаты?

— О, нѣтъ!..

— Влюблены?

— Гм!.. да, влюбленъ...

— Въ кого?

— Въ свою прежнюю любовь... Оставимъ этотъ разговоръ, Клементина! попросилъ Косоринъ,— вы теперь замужня женщина...

— Которую мужъ мѣняетъ на первую встрѣчную, перебила, горько усмѣхаясь, Клементина.

Косоринъ еще болѣе разстерялся.

— Какая вы стали женщина... промолвилъ онъ въ недоумѣніи.

— Честная, твердо отвѣчала Вознесенская,— ни дѣломъ, ни словомъ не измѣнявшая своему мужу... О помышленіи я не говорю: тамъ засѣлъ одинъ образъ... Посмотрите! знакомо вамъ это кольцо?..

И Вознесенская сорвала съ своей маленькой ручки перчатку...

— Клементина!.. Какъ я счастливъ!.. Вы не забыли прошлаго?..

— А вы?..

— Я люблю васъ какъ прежде, когда я плакалъ, разставаясь съ вами... Помните у м-ме Монжо?.. нашу первую встрѣчу?..

— Помню все... Но не растравляйте рань. Я такъ взволнована сегодня—и своимъ семейнымъ горемъ, и этою встрѣчею съ вами... Постарайтесь познакомиться съ моимъ мужемъ. Я замужемъ за вице-директоромъ департамента N, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Борисомъ Васильевичемъ Вознесенскимъ. Приѣзжайте къ намъ... Мы живемъ на Караванной улицѣ, въ собственномъ домѣ. До свиданья!..

Клементина Константиновна съ ласковой улыбкой кивнула ему головой и вошла въ магазинъ.

Оставшись одинъ, Косоринъ задумался, вынулъ книжечку и записалъ адресъ Клементины. Потомъ онъ вышелъ на крыльцо пассажа, гдѣ видѣлъ, какъ черезъ нѣсколько минутъ вышла Клементина, сѣла въ карету и помчалась на Караванную.

Спустя дня два послѣ этой встрѣчи Косоринъ былъ представленъ однимъ изъ членовъ окружнаго суда генералу Вознесенскому и его супругѣ, какъ незнакомецъ, въ качествѣ талантливаго юриста. Будучи обремененъ службою, Вознесенскій вскорѣ поручилъ ему ходатайство по своимъ дѣламъ—и Косоринъ сдѣлался у Вознесенскихъ домашнимъ человѣкомъ.

Пригласивъ Косорина подъ вліяніемъ нанесеннаго ей мужемъ оскорбленія какъ женщину, Клементина Константиновна при неожиданной встрѣчѣ была тогда въ такомъ настроеніи, что готова была на самую эксцентрическую выходку; но

потомъ она стала стыдиться самой себя. Первый визитъ Косорина заставилъ Клементину сильно покраснѣть. Она дѣлала видъ, что не помнитъ прошлаго и встрѣчи въ пассажѣ, и обращалась съ адвокатомъ холодно и равнодушно. Все это еще болѣе разжигало страсть Косорина, увлекавшагося молодою женщиною съ каждымъ днемъ сильнѣе.

Но холодность эта, конечно, была притворною и стоила Клементинѣ Константиновнѣ страшной борьбы и невѣроятныхъ усилій надъ собою: долгъ, честь, боязнь позора—и любовь, быстро возроставшая до страсти, боролись въ душѣ молодой женщины. Кризисъ не замедлилъ...

Случились такъ, что въ то время, когда она, послѣ душевнаго потрясенія, сидѣла въ раздумьи о томъ, стоитъ ли ей мучить любимаго человѣка и оставаться вѣрной такому ничтожному старикашкѣ какъ Вознесенскій, ей доложили о приходѣ Косорина.

Косоринъ явился съ единственною цѣлюю навсегда распрощаться съ молодою женщиною, такъ какъ ему было не въ моготу сносить долѣе ея холодность къ себѣ... Но посреди монолога, исполненнаго горькихъ упрековъ за безсердечность, Косоринъ былъ остановленъ вопросомъ Клементины Константиновны, которая вдругъ какъ-то нервно и отрывисто проговорила:

— Будете ли вы любить меня всегда?...

— Всю жизнь!.. отвѣчалъ въ увлеченіи молодой человѣкъ.

— Ну, вот и прекрасно!.. засмѣялась она вдруг озадаченному Косорину,—и прекрасно!.. и...—прекрасно!.. повторяла она, уже громко хохоча и рыдая...

Онъ понялъ наконецъ—и бросился къ ней на помощь... Клементина билась въ жесточайшей истерикѣ.

.....
Рожденіе Сережи еще болѣе скрѣпило ихъ любовь.

VII.

На другой день послѣ отказа Косорину и разговора съ Вансовичемъ, горничная, явясь утромъ на зовъ Клементины Константиновны, нашла ее одѣтою во вчерашнее платье, съ блѣднымъ, нѣсколько похудѣвшимъ, изнуреннымъ лицомъ, сидѣвшею у стола за какимъ то письмомъ. Клементина Константиновна приказала горничной подождать и, быстро кончивъ письмо, отдала новое приказаніе отправить его къ адвокату Владиміру Дмитріевичу Косорину съ порученіемъ просить у него немедленнаго отвѣта.

На лицѣ Вознесенской была написана рѣзкая рѣшимость.

— Нѣтъ! я никогда не рѣшусь на это, проговорила она, по отправкѣ письма, въ волненіи прохаживаясь по комнатѣ.

— А если онъ меня и въ самомъ дѣлѣ бросить?.. задавала она себѣ вопросъ и остановилась.—О, я буду просить, умолять... Я удержу его!..

Прошло около получаса. Вознесенская посмотрѣла на часы и прошептала: «какъ долго нѣтъ отвѣта!»

Еще полчаса мучительнаго ожиданія. Вдругъ дверь въ ея спальню отворилась—и на серебряномъ подносикѣ горничная подала ей маленькій конвертикъ. Клементина выслала горничную и съ нетерпѣніемъ разорвала обложку. Тамъ она нашла сложенную вдвое полчетвертушку почтовой бумаги, на которой были набросаны слѣдующія немногія строки: «я своего рѣшенія не перемѣню. Черезъ нѣсколько дней меня уже не будетъ. Сожгите записку. В. К.» Прочитавъ отвѣтъ, молодая женщина скомкала записку въ рукѣ—и быстро склонивъ голову на письменный столъ, истерически зарыдала. «Онъ неумолимъ!» воскликнула она.

Рыданія ея были услышаны; въ спальню вбѣжала горничная, и въ то же время доложили о пріѣздѣ врача.

Клементина Константиновна попросила умыться, тщательно промыла глаза и, смотря въ туалетное зеркало, старалась придать своему лицу возможно спокойное выраженіе. Оправившись, она вышла къ Вансовичу, неперестававшему и въ этотъ день бросать на нее испытующіе взгляды. Поздоровавшись

съ генеральшею и уходя къ больному, Вансовичъ между разговоромъ, будто нечаянно, оставилъ на столѣ въ залѣ изящный граненый маленькій флакончикъ съ свѣтло-желтою жидкостью.

— Что это за флакончикъ? спросила молодая женщина у доктора, когда они возвратились въ залу, послѣ совмѣстнаго визита въ кабинетъ къ больному генералу.

— Это... это, отвѣчалъ Вансовичъ,—жизнь и смерть. Собственно говоря—это ядъ, но дѣйствующій различно: въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ онъ по-даетъ помощь; за то больныхъ, подобно вашему мужу, онъ умерщвляетъ въ нѣсколько минутъ... Три-четыре капли достаточны... Симптомы отравленія почти незамѣтны... Рѣдкій врачъ-различить ихъ...

Клементина Константиновна слушала Вансовича какъ-то разсѣянно, какъ будто бы разсказъ о свойствахъ жидкости въ флакончикѣ не интересовалъ ее. Она думала о чемъ-то другомъ, расхаживая по залѣ. Рассказывая, Вансовичъ стоялъ съ флакономъ сначала близъ стола, потомъ пошелъ съ ней рядомъ и завелъ разговоръ о Владимірѣ Дмитріевичѣ Косоринѣ, спросивъ генеральшу, давно ли она его видѣла.

— Вчера, отвѣтила она.

— А я его видѣлъ сегодня... Не знаете-ли, что съ нимъ?..

— А что?..

— Онъ, кажется, боленъ... Какой-то странный взглядъ... Онъ говорилъ мнѣ, что сегодня или завтра онъ уѣзжаетъ куда-то... Что за причина?

— Должно быть дѣла, проговорила, не зная что сказать, молодая женщина и пошла въ гостиную, чтобы скрыть замѣшательство на своемъ лицѣ отъ извѣстія о такомъ скоромъ отъѣздѣ адвоката. Докторъ послѣдовалъ за нею и переѣхалъ разговоръ, усаживаясь въ кресло напротивъ хозяйки. Но и новый разговоръ клеился вяло, вслѣдствіе нерасположенія духа генеральши, такъ что Вансовичъ, при всей своей находчивости, долженъ былъ замолчать и попрощаться. Вансовичъ свой уходъ совершилъ съ такою поспѣшностью, что если бы Клементина Константинова была менѣе погружена въ свои собственныя мысли, то она по всей вѣроятности сочла бы его за прямое бѣгство и была бы крайне удивлена. Но бѣдной женщинѣ было не до того; на нее нашло то странное настроеніе духа, которое описать невозможно... Въ головѣ ея стоялъ хаосъ за наплывомъ сразу множества мыслей... Она о чемъ-то думала, думала напряженно, но изъ этихъ думъ не вырабатывалась ни одна идея, ни одинъ лучъ указанія къ тому или другому пути, къ той или другой цѣли... Но въ такія минуты голова сама вырабатываетъ мысли нечувствительно... Часто послѣ подобнаго состоянія человѣкъ совершаетъ извѣстное дѣйствіе, производитъ катастрофу въ своей жизни,—и ему ка-

жется, что ни о чемъ подобномъ онъ до того времени не думалъ.. Но, нѣтъ... онъ ошибается... Повторяю, безъ собственной воли его, голова сама составила этотъ планъ—и именно въ этотъ самый моментъ его такъ сказать безсознательнаго состоянія.

Весь этотъ день Клементина Константиновна просновала по дому, переходя изъ комнаты въ комнату и навѣщая то своего больного мужа, то ребенка. Въ одинъ изъ такихъ переходовъ, вошедши въ гостиную и сѣвъ въ кресло, она почувствовала подъ собою что-то твердое; она встала и увидѣла забытый докторомъ тотъ самый флакончикъ съ ядомъ, который онъ показывалъ ей утромъ. Клементина взяла его, посмотрѣла и машинально опустила въ карманъ своего платья.

По несчастному стеченію злой судьбы, больной въ этотъ день былъ сварливѣе и капризнѣе обыкновеннаго. Мысли Вознесенской стали еще запутаннѣй, на сердцѣ она чувствовала что-то тяжелое, какъ свинецъ. Цѣлуя принесеннаго нянькою Сережу, она заплакала и прошептала: «бѣдный сиротка»...

— Мама пацеть... пролепеталъ ребенокъ.

Вечеръ тянулся для нея безобразно длинно. Минуты казались часами, а часы неизмѣримымъ пространствомъ. Тяжелые вздохи поминутно вылетали изъ страждущей груди. А тутъ больной безпрестанно то звалъ ее къ себѣ, упрекая, что она

гнушается имъ, то отсылалъ назадъ, говоря, что присутствіе ея тяготитъ его.

Наступила полночь. Въ кабинетѣ у больного сидѣла противъ оттомана, съ книгою въ рукѣ, жена его, а въ ногахъ, на своемъ обычномъ креслѣ, сидѣлка. Старикъ спалъ, издавая глухое, неровное дыханіе со свистомъ въ груди. Сидѣлку одолѣвала страшнѣйшая дремота и она наклоняла голову то въ ту, то въ другую сторону. Замѣтивъ это, генеральша посовѣтовала ей пойти въ свою комнату заснуть, а сама вызвалась посидѣть вмѣсто нея...

Когда нужно будетъ, я тогда васъ разбужу, прибавила она.

Сидѣлка съ благодарностью послѣдовала этому совѣту.

Клементина Константиновна осталась съ своимъ мужемъ одна. Во всемъ домѣ царила глубокая тишина, нарушавшаяся лишь болѣзненнымъ дыханіемъ Бориса Васильевича. О чемъ думала молодая женщина—неизвѣстно, но мысли ея были далеки отъ книги. Она положила ее на столъ и, потягиваясь въ изнеможеніи въ креслѣ, безотчетно положила правую руку въ карманъ своего платья. Тамъ что-то стеклянное, холодное заставило ее вздрогнуть и выпрямиться въ креслѣ. Это былъ флакончикъ. Морозъ пробѣжалъ вдоль спины у молодой женщины. Она широко открыла глаза—и съ испугомъ оглядѣла комнату, со спящимъ больнымъ. Въ ушахъ слышался звонъ.

Какая-то мысль, какъ будто-бы не приходившая ей въ голову, теперь охватила ее и заставляла трепетать, какъ преступницу. Флаконъ находился въ правой, дрожащей рукѣ, а лѣвая рука касалась пробочки флакончика. Она еще разъ оглянулась вокругъ себя, посмотрѣла на спящаго мужа—и нетерпѣливо, вся дрожа, мгновенно раскупоривъ флаконъ, влила изъ него нѣсколько капель въ стаканъ съ прохладительнымъ питьемъ, стоявшій тутъ-же на столѣ вблизи ея кресла. Все это было дѣломъ одной минуты. Но когда ядъ былъ уже налитъ и флаконъ спрятанъ въ карманъ, лихорадочная живость и рѣшимость оставили молодую женщину. Она покрыла стаканъ съ питьемъ ладонью своей руки и утомленно сѣла въ кресло, какъ бы раздумывая о своемъ рѣшеніи и намѣреваясь не приводить его въ исполненіе...

— Клементина, пить!.. проговорилъ вдругъ больной. Вздрогнувъ отъ этого голоса, который показался ей ударомъ колокола, молодая женщина быстро, дрожащей рукой, подала больному стаканъ, съ приготовленнымъ питьемъ, и какъ только онъ снова задремалъ, вся изнеможенная отъ душевной пытки, ушла къ себѣ въ спальню. Проходя мимо спавшей въ сосѣдней комнатѣ сидѣлки, она разбудила ее, говоря, что ей дурно и она не можетъ болѣе сидѣть у больного. Проснувшаяся сидѣлка, испугавшись той смертельной блѣдности, которая покрывала лицо Клементины Константиновны, по-

могла ей дойти до спальни, гдѣ Клементина оставшись одна, сѣла на кровать, крѣпко стиснувъ свои похолодѣвшія руки, и какъ бы замерла, устремивъ съ тоской глаза въ одну точку.

Не прошло часа по уходѣ Клементины Константиновны, какъ въ домѣ поднялась страшная суматоха. Вездѣ мелькали огни, люди бѣгали, суетились, сталкиваясь другъ съ другомъ. Борисъ Васильевичъ кончался. Мечась на постели въ конфульсіяхъ и не узнавая присутствующихъ, онъ кричалъ только: «горло, горло!.. Ахъ, тошно мнѣ!.. Дурно!.. переложите меня на полъ...». Съ пола онъ просился на оттоманъ, или требовалъ перенести его въ другую комнату, на дворъ... Дали знать Клементинѣ Константиновнѣ...

Когда Вансовичъ пріѣхалъ для оказанія помощи, тотъ лежалъ уже бездыханенъ.

Осмотрѣвъ трупъ, Вансовичъ сурово взглянулъ на присутствовавшую въ комнатѣ Клементину и, обратясь къ ней, сказалъ довольно повелительнымъ тономъ, выходя изъ кабинета въ слѣдующую комнату.

— Ваше превосходительство, мнѣ нужно съ вами переговорить.

Клементина Константиновна молча послѣдовала за нимъ.

VIII.

Черезъ три дня послѣ описанныхъ сценъ въ Казанскомъ соборѣ происходило отпѣваніе тѣла дѣйствительнаго статскаго совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера Бориса Васильевича Вознесенскаго. Прахъ былъ преданъ землѣ въ оградѣ Александро-Невской лавры. Впереди печальныхъ дрогъ съ богатымъ балдахиномъ несли ордена покойнаго, а сзади слѣдоваль длинный рядъ экипажей и множества люда, большею частью изъ чиновнаго міра.

Смотря на печальное лицо молодой вдовы генеральши, носившее слѣды глубокаго страданія, нѣкоторые изъ незнакомыхъ сочувственно относились къ ея горю. Другіе говорили: «молода, утѣшится»... Что же касается до близко-знавшихъ семейную жизнь Вознесенскихъ, никто изъ нихъ не сомнѣвался въ скорой свадьбѣ Клементины Константиновны съ Владиміромъ Дмитріевичемъ Косоринымъ. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, когда именно совершится она: по прошествіи-ли шести недѣль, или приличія ради черезъ полгода?..

Нѣкоторыя дамы задумывались даже о своемъ туалетѣ къ этой свадьбѣ, потому что взаимная любовь между генеральшей Вознесенской и Косоринымъ не была тайной. Дамы, ласкавшія Сережу, шептали другъ другу: «вылитый Косоринъ».

Но можно ли представить удивленіе всѣхъ знакомыхъ Вознесенской, когда по прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ погребенія генерала Бориса Васильевича общій всѣмъ знакомый гусарскій поручикъ Николай Сивковъ, бывавшій вездѣ и повсюду, въ одинъ день облетѣлъ весь городъ съ вѣстью, божась и клянясь, что онъ собственными ушами слышалъ, какъ швейцаръ Вознесенской сказалъ при немъ Косорину, пріѣхавшему вмѣстѣ съ нимъ навѣстить вдову, что «ея превосходительство не приказали васъ принимать»...

И Николай Сивковъ говорилъ правду: Вознесенская дѣйствительно не принимала къ себѣ Косорина, хотя швейцаръ и не при немъ сказалъ отказъ адвокату. Сивковъ объ этомъ какъ-то пронюхалъ, можетъ быть черезъ людей своихъ и Вознесенской.

Пока знакомые ломали голову надъ причиною такого страннаго факта, черезъ шесть недѣль по городу пронеслась молва, еще болѣе изумившая всѣхъ, что вдова генерала Вознесенскаго, Клементина Константиновна, уже перевѣнчана въ церкви у Николы Морского съ нѣкимъ врачомъ Альбертомъ Викентьевичемъ Вансовичемъ и уѣхала съ мужемъ въ деревню.

И это тоже была правда.

Какъ ни удивлялся и ни терялся въ догадкахъ кругъ знакомыхъ Клементины Константиновны Вознесенской въ Петербургѣ о внезапномъ ея замужествѣ съ Вансовичемъ, но болѣе всѣхъ былъ изумленъ Косоринъ... Услыхавъ о смерти Вознесенскаго, Косоринъ полетѣлъ къ молодой вдовѣ, полный радостныхъ надеждъ. Но, увы! швейцаръ заявилъ ему, что генеральша не приказала принимать его.

— Что это значить?.. твердилъ онъ, ошеломленный такою неожиданностью,—что за женскій капризъ?

Косоринъ сильно любилъ Клементину и былъ увѣренъ въ искренности и ея любви къ нему; онъ ждалъ, что она позоветъ его къ себѣ. Но зова не было. Тогда, выведенный изъ терпѣнія, Косоринъ послалъ ей нѣсколько писемъ—и ни на одно не получилъ отвѣта. Роковая вѣсть, что Вознесенская вышла замужъ за Вансовича, поразила молодого адвоката до болѣзни. У него открылась нервная горячка, которая, по мнѣнiю лѣчившаго его врача, спасла его отъ самоубійства. По выздоровленiи онъ впалъ въ меланхолiю, заперся дома и не принималъ къ себѣ никого изъ знакомыхъ.

Вансовичъ и Клементина Константиновна уже болѣе въ Петербургъ не возвращались. Пробывъ

медовый мѣсяць съ своею молодою супругою въ деревнѣ, врачъ подалъ въ отставку и поселился въ одномъ богатомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ и поступилъ вновь на службу. Сережа послѣ замужества матери внезапно заболѣлъ и умеръ... Клементинѣ Константиновнѣ также не суждено было прожить долго. Ее снѣдала какая-то внутренняя болѣзнь; она страдала, чахла и года черезъ два умерла. Все состояніе ея перешло въ руки Альберта Викентьевича, который скоро утѣшился и женился на семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, дочери богатаго мѣстнаго купца.

Такимъ образомъ для Владиміра Димитріевича Косорина и для всѣхъ окружающихъ, знавшихъ о любви къ нему Вознесенской, навсегда осталось тайной причина такого быстрого разрыва Клементины Константиновны съ адвокатомъ и ея внезапное замужество съ Вансовичемъ.

Тайна эта была извѣстна лишь горничной Клементины Константиновны, да потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, мнѣ, судебному слѣдователю,—но увы! тогда ужѣ, когда упущено было время для раскрытія преступленія.

Х.

Въ одно время, когда я квартировалъ въ Петербургѣ на Гончарной улицѣ, въ услуженіи у меня находилась не молодая расторопная дѣвушка,

красивой наружности, по имени Татьяна. Однажды за какимъ-то дѣломъ ко мнѣ пришелъ присяжный повѣренный Косоринъ. Увидя его, Татьяна была поражена и воскликнула:

— Господи, Боже мой, Владиміръ Дмитріевичъ?!..

— А, Татьяна!.. здравствуй.

Это знакомство моей Татьяны съ Косоринымъ меня заинтересовало, и въ тотъ же день вечеромъ, когда Татьяна подавала мнѣ чай, я спросилъ ее:

— Ты знаешь давно Владиміра Дмитріевича?

— Какъ же... Сколько лѣтъ.

— Гдѣ же ты познакомилась?

— Да вѣдь я прежде жила у генерала Вознесенскаго въ услуженіи... Мужъ былъ старикъ, а жена писанная красавица, молодая... Владиміръ Дмитріевичъ бывали тамъ каждый, день, и ну сошлись. Извѣстное дѣло, люди молодые... А потомъ грѣха-то, грѣха тяжкаго приняла она, моя голубушка, на душу... И хоть бы къ чему... А то такъ, такому же злодѣю досталась.

— Какъ... что? спросилъ я уже крайне заинтересованный. Дѣло въ томъ, что мнѣ, извѣстна была по слухамъ довольно подробно исторія Косорина съ Вознесенской—и въ умѣ моемъ не разъ возникали многоразличныя догадки о причинѣ разрыва и странномъ замужествѣ Вознесенской, но я не зналъ, что Татьяна служила прежде у нея и была повѣренной всѣхъ тайнъ молодой женщины.

— Да она-то покойница, Клементина Константиновна... отвѣчала Татьяна.

— Какой же такой это тяжкій грѣхъ она на себя приняла?

— Эхъ, баринъ!.. Всего нашей сестрѣ болтать нельзя...

И, махнувъ рукою, Татьяна вышла изъ комнаты.

Но я былъ не изъ числа тѣхъ людей, которые могутъ оставить начатое. Я видѣлъ ясно, что Татьяна знаетъ что-то сокровенное, и рѣшился узнать это отъ нея. Главнымъ образомъ я убѣждалъ дѣвушку тѣмъ, что я тайны никому не выдамъ, а Клементина Константиновна умерла,—слѣдовательно, дѣло это кончено. Убѣжденная этими доводами, Татьяна наконецъ сказала:

— Да что тамъ! Барыня отравила генерала... Сама-то я видѣть не видала, а только слышала. Все она изъ любви къ Владиміру Димитріевичу и рѣшилась на это. Сережа-то сынъ отъ него. Онъ—Вансовичъ—самъ на нее зубы точилъ, да какъ муженекъ-то померъ, онъ—баць: «Выходи, говорить, за меня, все скрою, а то выдамъ и не миновать тебѣ Сибири». Ну, и согласилась, вышла, побоялась каторги, а пуще всего ребенка жалѣла оставить сиротинкою. Однако не вытерпѣла этой жизни—стала чахнуть. Съ мужемъ она мало и видѣлась, все сторонилась его. Да и онъ-то бывало глядитъ на нее звѣремъ, ревнивый былъ, никуда ее не отпускалъ и къ себѣ никого не принималъ. Только

у нея и утѣшенія было—ребенокъ, а какъ сталъ онъ хворать, такъ она до того исхудала, что жалъ было видѣть ее. Какъ умеръ Сережа, такъ мы всѣ думали, что она сойдетъ съ ума: все бывало плачетъ, да молится, а когда мужа дома нѣтъ, то тайкомъ пишетъ, а послѣ спрячетъ. Потомъ ужъ она и совсѣмъ слегла въ постель, да какъ почувствовала, что кончина приближается, позвала священника, да и покаялась ему во всемъ. Худо ужъ ей было; я ночью сидѣла у ней въ спальнѣ и задремала, вдругъ, слышу, она, бѣдная, зоветъ меня и говоритъ: «Тяжко мнѣ, Таня, покаялась я Богу, хочу и людямъ покаяться». И тутъ она мнѣ все и рассказала, потомъ дала ключъ отъ комода, тамъ въ шкапулкѣ у ней хранилась эта тетрадка, велѣла она взять ее и передать въ полицію. «А Косорина, говоритъ, отыщи и скажи ему, что я его всегда любила и изъ-за него погибла». А я, признаться, побоялась нашего барина, думала, какъ бы мнѣ бѣды не нажить съ этимъ дѣломъ, скажутъ: ты вѣрно все знала, почему раньше не сказала. Ну, думаю, барыня-то помираетъ, Богу отвѣтъ дать, а я-то пожалуй за это дѣло въ тюрьмѣ насижусь, взяла да и спрятала тетрадку къ себѣ въ сундукъ, думала какъ, если встрѣчу когда Косорина, то дамъ ему почитать. Черезъ два дня барыня моя померла.

Послѣ этого разговора Татьяна передала мнѣ эту рукопись съ просьбою отдать ее Косорину.

Это была полная исповѣдь несчастной женщины. Изъ нея-то и узналъ я подробности вышеописанной страшной ночи, а также и ея разговоръ съ Вансовичемъ, когда онъ, осмотрѣвши трупъ ея мужа, вышелъ съ ней въ другую комнату и тамъ долго оставался съ ней наединѣ.

Какъ только они вошли въ будуаръ Клементины Константиновны, Вансовичъ заперъ дверь, тщательно убѣдившись, что ихъ никто не можетъ слышать, тихо подошелъ къ сидѣвшей Клементинѣ и зловѣщимъ шопотомъ, упорно глядя ей въ глаза, проговорилъ:

— Вы отравили вашего мужа. Я долженъ послать за полиціей и судебнымъ слѣдователемъ, чтобы произвести вскрытіе трупа и арестовать васъ.

Клементина затрепетала, въ предчувствіи чего-то неотвратимаго, ужаснаго.

— Гдѣ мой флаконъ съ ядомъ, который я забылъ у васъ вчера... немедленно дайте мнѣ его! продолжалъ врачъ.

Молодая женщина машинально, дрожащей рукой, достала изъ кармана флаконъ и подала его доктору.

— Такъ и есть, сказалъ Вансовичъ принимая флаконъ,—онъ пустой!..

— Альбертъ Викентьевичъ! проговорила съ ужасомъ Клементина Константиновна, что же это такое?..

— Какъ могли вы рѣшиться на такое злодѣйство?.. продолжалъ съ угрозою Вансовичъ.

— Доктора! но вспомните же, что вы мнѣ говорили!..

— Ничего не помню, ничего не говорилъ, отпирался Вансовичъ.

Тутъ онъ началъ рисовать ей картину суда, на которомъ всѣ улики будутъ противъ нея; склонность ея къ Косорину подтвердится всѣми; онъ, Вансовичъ, обязанъ будетъ показать, что Вознесенскому было значительно лучше наканунѣ того дня, какъ въ квартирѣ его забытъ былъ имъ флаконъ съ ядомъ и что по смерти больного въ флакончикѣ, найденномъ имъ, не оказалось яду; сидѣлка засвидѣтельствуетъ, что генеральша выслала ее и оставалась наединѣ съ мужемъ почти до самой его кончины и т. д., и т. д. Клементина Константиновна при этой угрозѣ совершенно растерялась.

— Требуйте отъ меня что вамъ угодно, я готова на всѣ жертвы, но только спасите меня!..

— Будто бы?..

— Да...

Послѣдовала длинная пауза. Вознесенская сидѣла, откинувшись въ креслѣ, съ выраженіемъ отчаянія на помертвѣвшемъ лицѣ. Докторъ стоялъ передъ нею пасмурный.

— Мое молчаніе, сказалъ онъ отчетливо и твердо, можно купить только одной цѣной...

— Какою?.. спросила немного ободренная Вознесенская.

— Если вы будете моей женой!..

— Вы сумасшедшій! воскликнула Клементина, развѣ вы не знаете всего?.. Вамъ извѣстно, что я принадлежу другому и чей сынъ Сережа!.. Вы знаете, какъ любить меня Владиміръ!..

— А я? Вы были въ тайникѣ души моей!.. сказала трагически Вансовичъ,—можетъ быть, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ,—я люблю васъ болѣе сотни разныхъ Владиміровъ!.. Дѣлайте немедленно выборъ: я или Сибирь!..

— Лучше Сибирь! горячо воскликнула подавленная горемъ женщина.

— Въ такомъ случаѣ, я посылаю сейчасъ за слѣдователемъ и дѣлаю вскрытіе трупа. Ха-ха-ха... отвратительно захохоталъ Вансовичъ, пронически поглядывая на молодую женщину и дѣлая нѣсколько шаговъ къ выходу,—такъ-то вы любите Сережу!..

— Вы звѣрь, а не человѣкъ! За что вы меня терзаете?.. Вы же сами наталкивали меня на мысль отравить мужа и съ этимъ умысломъ оставили у меня флаконъ съ ядомъ. Я думала, что вы удовольствуетесь только тѣмъ, что возьмете съ меня за свое молчаніе болѣе или менѣе значительную сумму денегъ, и я готова отдать вамъ половину своего состоянія, а если мало этого, возьмите всю часть, которая по духовной завѣщана мнѣ моимъ мужемъ, но только пощадите меня и оставьте въ покоѣ!..

— Какъ вамъ угодно, я настаиваю на своемъ!..
 Поймите, я не могу медлить болѣе.

И Вансовичъ съ рѣшительнымъ видомъ пошелъ къ дверямъ.

— О!.. пощадите... остановитесь!.. я согласна,—
 со слезами воскликнула Вознесенская.

— Но мнѣ мало вашего слова, мрачно проговорилъ Вансовичъ, садитесь къ столу. Пишите то, что я продиктую вамъ.

Вознесенская, вся разбитая, трепещущая, сѣла къ письменному столу, положила передъ собой бумагу... Съ перомъ въ руцѣ она ждала, что онъ скажетъ.

— Пишите, началъ Вансовичъ— «Спасите меня, мой мужъ умеръ сейчасъ, я отравила его сегодня ночью, воспользовавшись тѣмъ ядомъ, который вы случайно выронили изъ кармана въ то время, когда вынимали платокъ. Флаконъ остался незамѣченный вами на креслѣ, на которомъ вы сидѣли. По уходѣ вашемъ я спрятала этотъ флаконъ; я знала, что въ немъ сильный ядъ, потому что вы, когда вошли въ мою гостиную, заявили, что торопитесь къ пациенту, у котораго болятъ зубы, и вы сами положите ему одну каплю на больной зубъ. При этомъ вы показали мнѣ флаконъ. Сегодня ночью я привела въ исполненіе давно задуманный мною планъ; но теперь я страшусь, что на меня можетъ пасть подозрѣніе всѣхъ окружающихъ. Внезапная смерть моего мужа сопровожда-

лась сильными страданіями и я услышала зловѣщій шопоть моихъ слугъ, которые подозрѣвають меня въ отравленіи. Ради моего ребенка прошу васъ спасти меня...»

Подписавъ это письмо, Клементина Константиновна въ изнеможеніи опустила руки и зарыдала.

Вансовичъ, быстро сложивъ эту бумагу, спряталъ ее въ боковой карманъ сюртука, затѣмъ, принявъ озабоченный видъ, направился въ слѣдующія комнаты, отыскалъ горничную и послалъ ее къ барынѣ помочь той. Затѣмъ онъ заявилъ, что беретъ всѣ хлопоты относительно погребенія на себя. Выходя изъ дому, онъ объявилъ швейцару, что Клементина Константиновна не приказала принимать ни подъ какимъ видомъ Косорина.

Дальнѣйшее извѣстно. Осталось только загадкой: была ли смерть Сережи естественною?.. Не крылось ли и въ этомъ преступленіе со стороны Вансовича? Очевидно, Вансовичъ имѣлъ въ виду черезъ бракъ свой съ Вознесенской завладѣть состояніемъ не только Клементины Константиновны, но и ея сына.

Убийство ребенка.

(Изъ уголовной хроники).

I.

Подъ еврейскую пасху.

Въ 1869 году я служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ Т-ской губерніи, лежащей въ средней полосѣ нашей имперіи и населенной по преимуществу великороссами, въ числѣ которыхъ было много молоканъ и другихъ старообрядческихъ сектантовъ. На мою долю выпалъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ участковъ, а именно второй, въ Мор-скомъ уѣздѣ. Квартира моя была въ большомъ селѣ Пятилукахъ, имѣвшемъ около десяти тысячъ населенія.

Достовѣрно не могу сказать числа, но только хорошо помню, что это было передъ Благовѣщеніемъ Пресвятыя Богородицы, то есть около 25 марта, и евреи праздновали свою пасху. Послѣднее обстоятельство мнѣ было рѣшительно неизвѣстно и я не интересовался имъ. Погода стояла отвра-

тительная: снѣгъ смѣнялся дождемъ, а дождь снѣгомъ, черезъ что, на немощенныхъ улицахъ черноземной почвы стояли лужи и невылазная грязь. О прогулкѣ и выходѣ изъ дому нечего было и думать. Да и все знакомство состояло изъ трехъ священниковъ, становаго пристава, офицеровъ стоявшей въ селѣ роты и еще одного еврея, случайно поселившагося въ Пятилукахъ. Еврей этотъ, Савелій Соломоновичъ Янкель, былъ коробейникъ, т.-е. въ низенькой рогоженной кибиткѣ, запряженной иногда одною, иногда двумя тощими клячами, развозилъ по городамъ, селамъ и вѣсямъ въ коробкахъ различныя мануфактурныя произведенія и издѣлія. Чего-чего только не было въ коробкахъ господина Янкеля?.. Коленкоръ, ситцы, шелковыя матеріи, шпильки, булавки, иголецъ, крестики, наперстки, часы, оракулъ «Соломонъ», романы Рафаила Зотова—«Тайнственный монахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра Великаго», «Никласъ, медвѣжья лапа, атаманъ контрабандистовъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Фридриха II», «Фра-Діаволо или послѣдніе годы Венеціи», а также «Вѣчный жидъ» Сю, «Луcreція Флуріани» Жоржъ Зандъ, романы Дюма и бездна пѣсенниковъ и изданій московскихъ книгопродавцевъ, по преимуществу г. Салаева и г. Манухина. Кромѣ этого, у Савелія Соломоновича можно было найти: картины, кружева—словомъ, все, что хотите.

Проѣзжая по своему участку на тройкѣ почто-

выхъ лошадей, съ двумя колокольчиками подъ дугой, на слѣдствіе, конечно, въ удобномъ, крытомъ тарантасѣ и съ подорожною въ карманѣ, гласившей, чѣобы мнѣ оказывали преимущество предъ прочими проѣзжающими, я неоднократно встрѣчалъ несчастнаго Янкеля, плетущагося въ холодъ, въ снѣжную пургу, въ проливной дождь, всего измороженнаго, измокнувшаго, вслѣдъ за своей несчастной кибитченкой, которую съ трудомъ тащила кляченка, или падающая на каждомъ шагѣ отъ гололедицы, или увязавшая въ черноземной густой грязи. Янкель кричитъ на своего возницу, съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ: «Куда ты заѣхалъ?.. Гдѣ у тебя глаза?..» А возница осыпаетъ бѣднаго Янкеля, въ раздраженіи, отборными, но непечатными словами... «Пархатый жидъ, еврейская морда», и т. под... Мнѣ не разъ приходилось выводить Янкеля изъ затруднительнаго положенія, именно, вытаскивать его изъ дорожной грязи.

Однажды при подобномъ обстоятельствѣ, выручивши Янкеля, я проѣхалъ съ нимъ до одного села и пригласилъ его выпить стаканъ чаю. Онъ былъ человѣкъ не первой молодости, лѣтъ за сорокъ. Признаюсь, я къ нему питалъ особую симпатію за его трудолюбіе, а главное за заботливость о своей довольно многочисленной семьѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не нравился его промыселъ, такъ какъ я былъ предубѣжденъ противъ евреевъ за то, что они якобы считаютъ себя какими-то аристо-

кратами, избраннымъ народомъ и, по многимъ фактамъ, предпочитаютъ легкій трудъ—тяжелому. Слова нѣтъ, что каждый и изъ насъ къ какой бы то націи ни принадлежалъ, стремится къ тому же, но ни въ какой націи это стремленіе такъ не очевидно, фактивно, наглядно, какъ у евреевъ. Однимъ словомъ, по своимъ русскимъ убѣжденіямъ, я желалъ бы, чтобы Янкель бросилъ торговлю и занялся земледѣліемъ. Объ этомъ предметѣ мнѣ давно-давно хотѣлось поговорить съ Савеліемъ Соломоновичемъ, но мнѣ долго не удавалось этого сдѣлать, потому что я видѣлся съ Янкелемъ очень рѣдко, такъ какъ онъ, по своему промыслу, безпрестанно отлучался изъ Пятилукъ, иногда даже на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этотъ разъ на постояломъ дворѣ, воспользовавшись tête-à-tête съ Савеліемъ Соломоновичемъ, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста, почтенный Янкель, неужели вамъ не надоѣлъ до сихъ поръ вашъ промыселъ? Эти постоянныя странствованія, это отсутствіе изъ семейства, разныя дорожныя непріятности...

— И прибавьте, перебилъ меня Янкель,—оскорбленія на каждомъ шагѣ отъ людей неразвитыхъ и грубыхъ,—а ихъ такъ много!..

— Вотъ видите, вы сами говорите, продолжалъ я, соглашаясь съ нимъ,—вы забываете еще погоду, не бережете своего здоровья...

— Теперь нечего и беречь, замѣтилъ Савелій Соломоновичъ,—у меня неизлечимый ревматизмъ.

— Отчего же вы не перемѣните родъ вашихъ занятій?

— На какой?..

— Вы живете въ деревнѣ, почва благопріятная,— ну, отчего бы вамъ не сдѣлаться хотя маленькимъ землевладѣльцемъ и не заняться земледѣліемъ...

— Пхе!.. иронически улыбаясь, произнесъ и махнулъ рукою Янкель.

— Или вы думаете, что вашъ теперешній трудъ легче (я налегъ на это слово) земледѣлія?..

Янкель молчалъ.

— Ошибаетесь, Савелій Соломоновичъ, убѣждалъ я его.—Земледѣліе—занятіе само по себѣ пріятное, на свѣжемъ воздухѣ, укрѣпляющее физическія силы; занятія же ремесленныя, наоборотъ, убиваютъ здоровье. Ремесленникъ, за исключеніемъ праздниковъ, трудится цѣлый годъ; земледѣлецъ же лишь нѣсколько дней въ году, при посѣвѣ и уборкѣ хлѣба, а потомъ, съ самой осени до весны, лежитъ себѣ на боковой...

— Да, да, да! протянулъ Янкель.—У людей необразованныхъ сложилось понятіе о евреяхъ, какъ о народѣ кочующемъ, но отцы наши занимались не однимъ скотоводствомъ, но и земледѣліемъ по преимуществу. Исторически также вѣрно, что нашъ Иосифъ былъ первый министръ земледѣлія...

— И прекрасно! воскликнулъ я, въ нѣкоторомъ

восхищеніи,—отчего же вы отказываетесь отъ этого рода занятія?..

— Отчего?..

— Да...

— Александръ Андреевичъ! серьезно, послѣ долгой паузы, энергично обратился ко мнѣ Янкель,— нашъ разговоръ можетъ завести насъ очень далеко, а потому я его прекращаю.

— О, нѣтъ, возразилъ я съ неменьшею энергіею,—вы, Савелій Соломоновичъ, такъ легко отъ меня не отдѣлаетесь!.. Я надѣюсь, что вы настолько уважаете меня, что можете быть со мною положительно откровенны, несмотря на мою должность судебного слѣдователя. Всякій порядочный человѣкъ каждую религію считаетъ священной уже потому, что она есть убѣжденіе. Исключеніе я дѣлаю относительно язычниковъ и то въ смыслѣ грубыхъ идолопоклонниковъ, для которыхъ я желалъ бы быть миссіонеромъ. Вы къ намъ относитесь нѣсколько иначе, господинъ Янкель! Несмотря на то, что я коренной хохоль, Полтавской губерніи, и изъ рода въ родъ православнаго вѣроисповѣданія, но я родился среди евреевъ и имѣю понятіе о нѣкоторыхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ ихъ, и своими опроверженіями вы меня не переубѣдите. Мнѣ приходилось слышать нелѣпости, что евреи обращаютъ христіанъ въ свою религію. Можетъ быть и былъ какой-нибудь единичный примѣръ, но онъ ровно ничего не доказываетъ, потому что ясно какъ

дважды два четыре, что миссіонерство совсѣмъ не въ духѣ еврейской религіи. Вы считаете достойными царства небеснаго лишь себя, евреевъ... Хотя, въ сущности, всѣ-то мы евреи, но вы какъ-то изолируетесь, не хотите принять насъ въ свою семью, игнорируете насъ, удѣляете намъ очень маленькое мѣсто въ раю, между тѣмъ вы достаточно великодушны для того, чтобы вести съ нами дѣла и компанію; язычниковъ какъ бы не признаете за людей. Этотъ аристократизмъ и мѣшаетъ вамъ заниматься такимъ трудомъ, какъ напримѣръ земледѣліе...

— Неправда, отвѣчалъ на мой длинный монологъ Янкель.

— Какъ неправда?..

— Да такъ... Мы своей земли не имѣемъ, а потому намъ и не для чего заниматься земледѣліемъ...

— Вотъ какъ!.. Скажите на милость! иронически замѣтилъ я,—вы хотите, чтобы землю для васъ обрабатывали другіе?.. Какъ это земли нѣтъ?.. Развѣ ею васъ не надѣляли?..

Янкель пожалъ плечами и, закуривъ папиросу, сталъ прохаживаться по комнатѣ, заложивъ руки подъ фалды своего длиннаго сюртука. Савелію Соломоновичу не хотѣлось продолжать нашего разговора, на меня же нашло упрямство непремѣнно кончить его.

— Что же вы ничего не отвѣчаете мнѣ, Янкель? спросилъ я.

— А что отвѣчать?.. Что мнѣ дать земледѣліе! Чѣмъ я буду кормить семью?..

— Кормится же имъ со своею семьею нашъ русскій мужикъ.

— Мужикъ, протянулъ Савелій Соломоновичъ и улыбнулся, причѣмъ бросилъ на полъ окурокъ папіросы.

Это меня раздражило.

— А вы—баринъ?.. Ёдко присталь я къ Янкелю, чѣмъ вы лучше его?..

— Не въ томъ дѣло, лучше или хуже, а въ томъ, что у него другія привычки, наклонности. Вы сами получаете жалованья двѣ тысячи рублей. Вы не мотъ, не картежникъ, не пьяница; семейство ваше небольшое: вы, жена и двое маленькихъ дѣточекъ. Позвольте васъ спросить: что же вы—богачъ? живете въ роскоши?.. Ну-съ, а дайте ваши средства мужику, онъ богачъ...

Я хотѣлъ прервать Янкеля. Но онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукою.

— Позвольте... Вы очень несправедливы. Къ чему нападать на обиженных?.. Не хочетъ чловѣкъ чѣмъ-либо заниматься, и Богъ съ нимъ! У насъ, я разумью всю Россію, мѣщане не занимаются земледѣліемъ, а преимущественно торговлею. Отчего же вы не вините ихъ, а вините евреевъ?.. Отчего всякій иностранецъ, прибывшій въ Россію и принявшій русское подданство, можетъ заниматься какимъ ему угодно легкимъ ремесломъ? Зачѣмъ вы

хотите, чтобы евреи взяли на себя трудъ, какой вамъ угодно?

Янкель былъ правъ, заранее предполагая, что разговоръ насъ вовлечетъ въ рѣзкости. Имѣя предубѣжденіе противъ евреевъ, я, язвительно говоря о нихъ, отстаивалъ свое мнѣніе всѣми правдами и неправдами. Янкель тоже сказалъ мнѣ много горькихъ истинъ, и мы разстались не только не дружелюбно, но даже враждебно.

Перехожу къ событію.

Въ день происшествія я лежалъ поздно вечеромъ на диванѣ, въ халатѣ, и читалъ книгу. Мнѣ попался подъ руки изъ небольшой моей библіотеки старый томикъ «Русскаго Вѣстника», въ которомъ находилась прекрасная статья г. Хвольсона, подъ заглавіемъ: «Въ защиту противъ нѣкоторыхъ обвиненій евреевъ». Погода, какъ я говорилъ, была скверная, пасмурная и дождливая. Статья была прочитана, часы давно пробили двѣнадцать и я собирался на покой. Вдругъ подъ окномъ своей квартиры я услышалъ гулъ и голоса какъ бы цѣлой толпы. Вслѣдъ затѣмъ раздалось нѣсколько ударовъ въ ставню окна.

— Что такое? кто такой?.. крикнулъ я, подбѣгая къ окну.

— Я, становой приставъ,—отвѣчалъ голосъ съ улицы,—прикажите отпереть калитку.

— Да что такое случилось?.. Объясните...

— Страшное происшествіе... Убійство... Народъ бунтуетъ.

Разспрашивать далѣе было некогда и неудобно. Я бросился въ переднюю разбудить мертвецки спящаго слугу, чтобы онъ отворилъ калитку, а самъ сталъ посиѣшно одѣваться.

Становой приставъ, Дмитрій Демьяновичъ Шпилькинъ, былъ довольно молодой человѣкъ, лѣтъ 27, плюгавенькій, маленькаго роста, худощавый, черненькій и чрезвычайно юркій человѣкъ, и я подозревалъ, что онъ перекрещенецъ изъ евреевъ. Мѣсто становаго пристава досталось ему не по служебнымъ достоинствамъ, а по какому-то случаю, черезъ протекцію, и онъ чрезвычайно дорожилъ имъ. Шпилькинъ постоянно юлилъ передо мною и заискивалъ моего расположенія, но я отказывалъ ему въ этомъ, потому что, во-первыхъ, я всегда какъ-то не симпатизирую пролазамъ, а онъ былъ имъ, и во-вторыхъ, что Шпилькинъ, желая отличиться и доказать свое рвеніе къ службѣ, былъ торопливъ, суетливъ и этимъ часто портилъ мои слѣдственные дѣла, за что ему порядочно отъ меня доставалось, и я обращался съ нимъ нерѣдко грубо. Вообще я держалъ его въ почтительной отъ себя дистанціи и не допускалъ ни малѣйшей фамиллярности.

Войдя ко мнѣ въ комнату, становой приставъ былъ очень взволнованъ. Я находился около двери въ переднюю и услышалъ въ ней какой-то женскій плачь съ визгомъ.

— Что это такое? спросилъ я становаго пристава.

— Это женщина-съ, у которой убили ребенка.

— Кто?.. за что?..

— Еврей... Жидъ Янкель, отвѣчалъ Шпилькинъ.

Въ эту минуту дверь изъ передней отворилась и къ ногамъ моимъ упала на колѣни какая-то женщина, эдакъ à la мѣщанка, не въ крестьянскомъ костюмѣ.

— Ваше высокоблагородіе, завопила она, всплескивая руками.—Спасите, помогите! Не знаю что дѣлать!.. Поганые евреи украли ребенка и, должно быть, зарѣзали его...

— За что же?.. Какъ?.. Встаньте, пожалуйста, съ колѣнъ.

— Не знаю, отвѣчала она, вставая.

— Вы съ ними въ ссорѣ, съ Янкелями, да?..

— Нѣтъ.

— Какихъ лѣтъ вашъ ребенокъ?

— Полтора года.

— Вы его мать?

— Д-д-да, всхлипывая и запинаясь проговорила женщина.

— Какую же такую неприятность могъ нанести Янкелю вашъ полутораговой ребенокъ, что онъ рѣшился украсть и убить его?

— У нихъ теперь пасха, отвѣтили въ одинъ голосъ становой приставъ и женщина.

— Пасха?.. Ну, что же изъ этого?..

— Еврей имѣють обычай на пасху убивать хри-

стіанскихъ младенцевъ, имъ нужна христіанская кровь...

— Что?.. прервалъ я его, грозно и сурово взглянувъ на него.—Вы это почему знаете?.. Можетъ быть, какъ бывший еврей?

— Никакъ нѣтъ. Но народъ говорить... слухи, г. судебный слѣдователь...

— Слухи могутъ быть нелѣпые... Вамъ, какъ становому приставу, слѣдовало бы не давать ходу этимъ нелѣпостямъ, а вы распространяете еще ихъ. Кажется, вы собрали цѣлую толпу около моей квартиры?

— Не беспокойтесь, г. судебный слѣдователь, самоувѣренно и не безъ достоинства отвѣчалъ Шпилькинъ,—благодаря принятымъ мною мѣрамъ, толпа совершенно покойна. Она ждетъ только вашихъ распоряженій.

— Вы, ей-Богу, сознался я,—такъ встревожили меня, что я совершенно растерялся, задаю вамъ вопросы, а между тѣмъ, можетъ быть, вмѣсто растобариванія нужно мое присутствіе. Скажите: ребенокъ найденъ убитымъ?..

— Никакъ нѣтъ...

— Слава Богу! воскликнулъ я.—Значить, его только не отыскали. Онъ пропалъ, что ли?

— Такъ точно.

— По какому же случаю падаетъ подозрѣніе на Янкеля, что онъ укралъ ребенка?.. Объ убійствѣ и разговорѣ еще нѣтъ...

— У нихъ, сударь, теперь пасха, проговорила женщина.

— Это къ дѣлу не относится, замѣтилъ я.— Будьте добры, садитесь, пригласилъ я женщину и станowego пристава.— Да нельзяли разогнать толпу... Я слышу шумъ и говоръ, которые мѣшаютъ мнѣ...

— Никакъ нельзя-съ...

— Почему? спросилъ я станowego съ изумленіемъ.

— Потому собственно, отвѣчала онъ,— что толпа рѣшила ждать спокойно до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено вами строжайшее разслѣдованіе въ домѣ Янкеля. Она обѣщала мнѣ повиноваться съ тѣмъ, что если не найдется въ домѣ Янкеля зарѣзаннаго младенца, то она разойдется; если же найдется, то она казнить всѣхъ Янкелей.

— Какъ это казнить?..

— А кто ихъ знаетъ... Самосудомъ, извѣстно!..

— Повторяю вамъ, я словно въ чаду, ничего не понимаю; расскажите мнѣ, въ чемъ дѣло. Позвольте спросить васъ, обратился я къ женщинѣ,— кто вы такая?

— Мой мужъ, отвѣчала она,— отставной саперный унтеръ-офицеръ, приписанный къ здѣшнему сельскому обществу.

— Какъ васъ зовутъ и сколько вамъ лѣтъ?

— Меня зовутъ Елена Митрофанова Александровская, двадцать седьмой годъ.

— Вѣры?

— Православной.

— Теперь потрудитесь, г-жа Александровская, рассказать, какимъ образомъ у васъ исчезъ ребенокъ?

— Въ сумеркахъ, начала Александровская,— я сидѣла за воротами на скамейкѣ и няньчила ребенка.

— На рукахъ?

— Да.

— Онъ у васъ ходитъ уже?..

— Нѣтъ, ползаетъ. Потомъ, мнѣ нужно было пойти въ коровникъ, дать коровамъ корму. Я взяла и опустила мальчика на землю, а сама ушла за своимъ дѣломъ.

— Какъ это опустили на землю? Въ такую сырость и грязь?..

— Ничего, онъ у насъ привычный, не барчукъ.

— Зачѣмъ вы не взяли его съ собою, или отчего не внесли въ избу?

— Когда-бъ зналъ, гдѣ упалъ, тамъ соломки бы подостлалъ, отвѣчала Александровская пословицею.— Богъ ужъ, значить, попуталъ.

Молодая женщина произвела на меня странное впечатлѣнiе. Сначала она явилась передо мною такой огорченной матерью, потомъ черезъ минуту стала уже спокойна; мнѣ даже показалось, что она довольно кокетливо сняла большой платокъ-шаль съ головы и накинула его на плечи, чтобы порисоваться передо мною своими черными волосами и роскошнымъ бюстомъ полной груди. Правда, при нѣкоторыхъ моихъ вопросахъ, на лицѣ ея выража-

лась какая-то внутренняя тревога, но ее скорѣе можно было счесть за испугъ, чѣмъ за сокрушеніе и скорбь о ребенкѣ. Притомъ, когда это выраженіе отражалось на ея лицѣ, то она видимо старалась для чего-то подавить его, чтобы я не замѣтилъ. Говорила она очень свободно и развязно, въ инныя минуты была готова, казалось, и пошутить. Эта прекрасная Елена дѣйствительно была хороша собою. Высокая, стройная, почти антично сложенная, съ черными огненными глазами, съ нѣжной бѣлой кожей и легкимъ, карминнымъ румянцемъ, Елена Александровская нисколько не походила на крестьянку. Самый типъ и складъ лица, съ горбатымъ носикомъ, былъ не русскій, а напоминалъ гречанку или французенку. Одѣта она была тоже не совсѣмъ по-крестьянски, то есть не такъ, какъ одѣвались женщины въ Пятилукахъ. Въ Пятилукахъ носили сарафаны и замужнія женщины на головѣ уродливыя кички, подъ которыя онѣ прятали всѣ свои волосы. Елена Митрофановна Александровская была одѣта въ черное шерстяное платье, хотя сшитое просто, не по модѣ, безъ панье и проч. Когда она сняла съ себя пеструю шаль и раскинула ее на плечахъ, то волосы ея были распущены. Видно было, что она не носитъ никогда кички. Языкъ ея былъ чистъ и правиленъ, безъ всякаго мѣстнаго или вообще крестьянскаго жаргона. Голосъ мягкій и пріятный.

Я продолжалъ допросъ.

— Долго ли я пробыла въ коровникѣ, или нѣтъ — продолжала Александровская, — не могу показать вамъ вѣрно, г. судебный слѣдователь; я заходила на минутку и въ избу. Наконецъ, я вспомнила о Костюшѣ.

— Такъ зовутъ вашего маленькаго?

— Да... Выбѣгаю за ворота, смотрю: Кости нѣтъ. Сначала я этимъ не безпокоилась, подумавъ, что, вѣроятно, его взяла къ себѣ какая-нибудь сосѣдка. Я пошла въ одну, въ другую, въ третью избу, обходила нѣсколько улицъ, вездѣ и у всякаго разспрашивала—никто не видалъ и не знаетъ. Ребенокъ словно сквозь землю провалился. Между тѣмъ стало совсѣмъ темно. Тутъ я вспомнила, что у евреевъ пасха...

— Почему же вы это вспомнили?..

— Да такъ... Жена Янкеля мнѣ сказала.

— Когда?

— Сегодня, сегодня, — поспѣшно проговорила Александровская.

— Слѣдовательно, вы съ нею видѣлись?..

— Какъ же, какъ же, — перебила меня допрашиваемая. Лія Янкель проходила мимо, когда я сидѣла съ Костей за воротами, и поняньчила его.

— Значить, вы съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ?

— Ничего, такъ себѣ.

— Что же изъ этого, что вы вспомнили о еврейской пасхѣ?..

— Мнѣ пришла въ голову мысль, что евреи украли ребенка на пасху, чтобы зарѣзать его: имъ нужна въ это время христіанская кровь.

Я находился подѣ влияніемъ статьи доктора Хвольсона и улыбнулся, но ничего не возражалъ.

Александровская продолжала:

— Я побѣжала къ дому Янкеля и сквозь ставни увидѣла у нихъ свѣтъ. Смотрю въ щелку и вижу: стоитъ Янкель въ чемъ-то бѣломъ, въ родѣ фланелеваго одѣяла, и держитъ въ рукахъ маленькаго ребенка. «Костя! Костя!»—закричала я. Крикъ мой былъ услышанъ одними Янкелями. Они сейчасъ же потушили огонь. Сосѣди же не скоро меня услышали. Я стала стучаться въ ставни, звать на помощь и побѣжала къ становому приставу, потому что его квартира недалеко отъ дома Янкеля, и рассказала ему все. Народъ сталъ тоже собираться. Одинъ по одному, черезъ мой крикъ, улицы двѣ узнали о кражѣ жидами ребенка.

— Но, вѣдь, вы достовѣрно не узнали, что у Янкеля на рукахъ былъ вашъ ребенокъ? У него есть свои грудныя дѣти. Вашъ ребенокъ не отысканъ. Сдѣлаемъ розыскъ. Можетъ быть, его занесла какая-нибудь ваша знакомая, живущая на другомъ концѣ села, и завтра же принесетъ вамъ вашего ребенка живого и здороваго. Онъ отъ груди отученъ?..

— Давнымъ-давно. Его вскормили на рожкѣ.

Елена при этихъ словахъ отчего-то покраснѣла.

— Покуда, — обратился я къ становому приставу, — я никакого ни особаго происшествія, ни убійства ни вижу. Какъ вы распорядились по заявленію г-жи Александровской?..

— Такъ какъ ее сопровождала толпа, — рапортовалъ Шпилькинъ, то я, г. судебный слѣдователь, долженъ былъ немедленно принять полицейскія мѣры. Я собралъ сотскихъ и десятскихъ и отправился съ ними въ домъ Янкеля..

— Отчего вы не дали знать мнѣ тотчасъ! Вѣдь вы же знали, что я дома, не въ отъѣздѣ?.. Какъ же вы производили безъ меня обыскъ по такому уголовному дѣлу?..

— Я обыска не производилъ.

— Не производили?.. протянулъ я.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Шпилькинъ, я только схватилъ и связалъ Янкеля и все его семейство и, за карауломъ сотскихъ и десятскихъ, отправилъ въ арестантскую при своей квартирѣ. Домъ же и дворъ Янкеля я тоже окружилъ карауломъ. Затѣмъ я явился къ вамъ съ донесеніемъ.

— Боже мой! какая глупость!? — вскричалъ я. Это простиительно какой-нибудь бабѣ. Вы изъ мухи дѣлаете слона... Изъ какого-нибудь ничтожнаго происшествія, надъ которымъ впослѣдствіи можно лишь только посмѣяться, вы тревожите народъ, чуть не возбуждаете его къ бунту и подвергаете опасности жизнь цѣлаго семейства. Пойдемте, выйдемъ, уговоримъ толпу... Пошлите за священникомъ, от-

цомъ Ивановъ, онъ человекъ умный и его село любить и уважаетъ. Онъ убѣдить ихъ... Вамъ прежде всего слѣдовало бы обратиться къ нему и ко мнѣ...

— Г. судебный слѣдователь, — возразилъ печально понутивъ голову становой приставъ, — я все не такъ виноватъ, какъ вы предполагаете. Толпа ея, Александровской, такъ была настроена, что если бы я только не уговорилъ ее и не арестовалъ бы тотчасъ семейство Янкелей, то ихъ бы разорвали всѣхъ до одного. Я упросилъ толпу подождать разслѣдованія, и она согласилась, но съ тѣмъ, что если вы найдете у Янкеля что-либо неладное, то чтобы вы обязались выдать ей евреевъ.

— И вы согласились?

— Да.

Я хотѣлъ сказать становому приставу что-то рѣзкое, какъ въ этотъ моментъ въ головѣ моей блеснула страшная мысль, заставившая меня задрожать, волосы на головѣ моей приподнялись и всѣ планы перевернулись, какъ говорится въ просторѣчїи, вверхъ дномъ. До этой минуты, съ самаго ранняго дѣтства своего, безъ чтенія статьи доктора Хвольсона, я былъ твердо и всецѣло убѣжденъ, что обвиненіе въ пролитїи евреями христіанской крови—нелѣпо, и они въ этомъ виновны. Но вдругъ я пошатнулся въ своемъ убѣжденїи. Прошу припомнить читателей слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ своего разсказа я сказалъ, что я служилъ въ мѣстности, наполненной

разными сектантами. Вслѣдствіе этого у меня промелькнула идея: если въ средѣ христіанской религіи есть такія нелѣпныя секты, какъ напримѣръ хлысты и скопцы, то почему же не допустить возможности и въ еврейской религіи существованія фанатической секты, доходящей до абсурда?.. Можетъ быть доктору Хвольсону она неизвѣстна, но все-таки существуетъ? Неужели Савелій Янкель виновенъ?.. Ужасъ объялъ меня... Обыскъ въ его домѣ сталъ страшить. Не забудьте, что я, какъ судебный слѣдователь, долженъ былъ осматривать все до мельчайшей подробности и придавать цѣну всякому подозрительному предмету, а малѣйшее подозрѣніе могло принести Янкелю и всему его семейству несчастіе, а пожалуй и смерть. Если онъ и виновенъ, я долженъ былъ сохранить жизнь его, не говоря даже о семействѣ, въ числѣ которыхъ были грудныя дѣти. По обязанностямъ службы, мнѣ слѣдовало бы призвать Янкеля при обыскѣ у него въ домѣ, но я этого не сдѣлалъ и взаимѣнъ того попросилъ становаго пристава и Александровскую немного подождать, присѣлъ къ столу и написалъ записку слѣдующаго содержанія:

«Милый и добрый другъ Мишель!

«Мнѣ крайне необходима твоя помощь. У насъ въ Пятилукахъ сегодняшнюю ночь чортъ знаетъ что дѣлается... У одной женщины пропалъ ребенокъ. Семейство извѣстнаго тебѣ еврея Янкеля

праздновало свою пасху. Мать ребенка предполагает, что Янкель украл дитя для какихъ-то обрядовъ и уже лишилъ его жизни. Кажется, нелѣпость; но тѣмъ не менѣе женщина взбудоражила весь околотокъ, собрала толпу, которая ей вѣритъ. Становой приставъ безъ меня распорядился засадить Янкеля съ семействомъ въ арестантскую при своей квартирѣ. Сейчасъ я иду дѣлать обыскъ и надѣюсь, что не найду ничего, но иногда при слѣдствіяхъ бываютъ недоразумѣнія въ родѣ находки кровавыхъ пятенъ и тому подобное; такія-то подозрѣнія могутъ возбудить самыя ужасныя послѣдствія для бѣдныхъ Янкелей. Но, tu comprends... Сдѣлай такъ: на всякій случай собери нужное количество солдатъ и окружи квартиру становаго пристава, гдѣ содержатся арестанты, для спасенія Янкелей. Солдаты по твоему зову соберутся живо. Ты службистъ и они любятъ тебя. Только, ради Бога, сдѣлай все тихо и безъ шума. Впрочемъ, что я учу тебя?.. Прости мою глупость... Я взволнованъ и спѣшу. Обѣщаю тебѣ задержать толпу резонерствомъ minimum полчаса. Крѣпко жму твою руку. Весь твой и пр.»

Письмо это было адресовано командиру стоявшей въ Пятилукахъ роты N—скаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитану Михаилу Васильевичу Денисову, молодому человѣку, очень неглупому, доброму, услужливому и прекрасному во всѣхъ отношеніяхъ. Это былъ мой пріятель. Запечатавъ письмо, я вы-

шелъ въ переднюю и вручилъ его своему чело-
вѣку съ приказаніемъ отдать по принадлежности,
разумѣется, снабдивъ слѣдуемыми распоряженіями
и наставленіями. Слуга у меня былъ малый рас-
торопный. Отославъ его, я вышелъ на крыльцо
къ толпѣ, начинавшей терять всякое терпѣніе.

На дворѣ разсвѣло.

При моемъ появленіи мужики поснимали шапки.

Я обратился къ нимъ съ рѣчью, начавшеюся
такъ: «Вы, старики и братцы, напрасно собра-
лись!.. Ей-Богу правда! Неужто вы думаете, что
я спущу евреямъ. Нѣтъ, законъ имъ не простить,
и если Янкель будетъ виновенъ, его повѣсятъ.

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ, ваше высокоблагоро-
діе, жалѣть ихъ нечего,—послышались голоса
изъ толпы.

— Конечно,—подтвердилъ я. Но только вотъ
что, братцы, обсудите: много ли пользы вамъ, если
вы одного Янкеля повѣсите?.. Нѣтъ, ихъ всѣхъ
слѣдуетъ переловить, а безъ становаго и судеб-
наго слѣдователя этого нельзя. Вотъ я вамъ раз-
скажу... И здѣсь я проимпровизировалъ цѣлыхъ
два разсказа изъ уголовной хроники, какъ въ
одномъ селѣ крестьяне убили одного конокрада;
ихъ наказали, а коножрадство развилось черезъ
это еще болѣе; а въ другомъ—крестьяне привели
пойманнаго конокрада къ судебному слѣдователю,
и тотъ докопался до всѣхъ конокрадовъ и они всѣ
были истреблены до одинаго. Я болталъ съ цѣлью

дать возможность штабсъ-капитану Денисову собрать солдатъ.

Краснорѣчіе мое было такъ сильно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снотворно, что одна часть толпы ушла отъ моихъ убѣжденій, а другой — отъ краснорѣчія захотѣлось спать. Осталась третья часть, состоявшая не столько изъ самыхъ ожесточенныхъ, сколько изъ самыхъ любопытныхъ.

Но рано или поздно мнѣ нужно было идти на обыскъ дома и я отправился.

Описывать ли вамъ обыскъ, совмѣстно съ становымъ и понятыми?..

Къ чему!..

Скажу только результатъ, горькую дѣйствительность! Въ домѣ Янкеля найдены были лишь нѣкоторыя подозрительныя вещи и кровяныя пятна, которымъ я и не придалъ было никакого значенія. Но—увы!—во дворѣ, на полу, въ небольшомъ сарайчикѣ, лежалъ несчастный младенчикъ, пронзенный въ самое сердце тонкимъ и длиннымъ ножомъ, на подобіе стилета, съ еврейскою надписью на рукояткѣ и, какъ мнѣ лично было извѣстно, принадлежавшимъ несомнѣнно еврею Янкелю.

Трупикъ ребенка оказался сыномъ Елены Митрофановой Александровской...

При взглядѣ на ребенка мать такъ и грянулась около него на полъ.

Зрѣлище было потрясающее.

II.

Осмотръ трупa.

Понятно, что при видѣ зарѣзаннаго ребенка въ сарайчикѣ евреевъ Янкелей я смутился и въ первую минуту не зналъ, на что мнѣ рѣшиться.. Изъ этого состоянія вывелъ меня голосъ, шепнувшій на ухо: «Штабсъ-капитанъ приказали кланяться, они уже все исполнили по вашей просьбѣ».

Я оглянулся.

Предо мной стоялъ Григорій, мой слуга.

Слова Григорія, что пріятель мой штабсъ-капитанъ Денисовъ принялъ уже мѣры къ огражденію жизни евреевъ, возвратили мнѣ слѣдовательское хладнокровіе и поэтому-то, подмѣтивъ въ выраженіи лица своего вѣрнаго хохла увѣренность (вѣроятно), я внутренно благодарилъ Бога, внушившаго мнѣ мысль послать къ Денисову записку.

Между тѣмъ стоявшіе у двери сарайчика сотскіе передали толпѣ о находкѣ зарѣзаннаго мальчика. На дворѣ поднялся гулъ, крики и проклятія на евреевъ. Толпа была не очень значительна, но своимъ крикомъ она могла взбудоражить всю слободу. Мать ребенка Елена Митрофановна Александровская, разразившись воплемъ, привстала съ колѣнъ и съ возгласами: «Ахъ, ахъ, что мнѣ теперь дѣлать!» упала-было ко мнѣ на шею. Я пе-

редадь ее своему Григорію, замѣтивъ ей: «Позвольте, сударыня, мнѣ сдѣлать распоряженія».

Я подозвалъ становаго пристава и сказалъ ему негромко:

— Какъ видите, нужно сдѣлать судебно-медицинскій осмотръ и составить актъ. Пошлите за докторомъ. Удержите и успокойте толпу, знающую уже о происшествіи; скажите ей, что сейчасъ вы посылаете за докторомъ и, можетъ быть, ребенокъ еще будетъ живъ.

Становой вышелъ.

Такою ложью я хотѣлъ было успокоить и мать ребенка, какъ, мгновенно взглянувъ на нее, я замѣтилъ, что лицо ея погружено въ глубокую задумчивость и она кажется спокойною. Елена стояла спиною къ ребенку, опираясь на Григорія и свѣсивъ голову черезъ его плечо; прекрасные глаза свои она то опускала на землю, то поднимала вверху.

Я молча прохаживался по сараю. По выходѣ становаго пристава толпа что-то прокричала насчетъ евреевъ и продолжала глухо волноваться. Вбѣжалъ мой письмоводитель, безцвѣтная личность, еще молодой человекъ лѣтъ 22, но аккуратный и исполнительный, Сильверстъ Семеновичъ Зеленскій.

— Ай-ай-ай! проговорилъ онъ, съ сожалѣніемъ качая головою при видѣ ребенка.—Я сейчасъ только узналъ все, обратился онъ ко мнѣ.—Изви-

ните, если опоздалъ. Будетъ составляться судебный актъ?

— Непремѣнно. Я уже послалъ за докторомъ. Идите, сказалъ я письмоводителю,—захватите все, что нужно, возьмите съ собою десятника и возвращайтесь поскорѣе.

— Я сбѣгаю въ минуту, отвѣчалъ, почти убѣгая, Зеленскій.

— Ахъ, да, вспомнилъ я, относясь къ Григорію,—забылъ еще поручить Зеленскому послать въ сельскую больницу за носилками, перенести отсюда ребенка по вскрытіи трупа...

— Развѣ его отнесутъ въ больницу? живо спросила меня, выпрямляясь, Александровская,—а не къ намъ въ домъ?..

Глаза ея были сухи...

— Это зависитъ отъ доктора. Онъ можетъ сдѣлать вскрытіе здѣсь, или въ больницѣ...

— Нѣтъ ужъ, г. слѣдователь, лучше въ больницѣ и оттуда пусть его хоронятъ... Все равно, теперь мертваго не оживить. На погребеніе мы дадимъ съ мужемъ денегъ сколько нужно.

— Какъ хотите. Кстати, гдѣ же вашъ мужъ?

— Онъ уѣхалъ въ городъ. Его нѣтъ дома... Впрочемъ, схожу, узнаю. Вы позволите мнѣ?..

— Можете...

Но въ эту минуту въ сарайчикъ вошли докторъ, фельдшеръ и становой приставъ. За ними пришелъ и мой письмоводитель Зеленскій. Становой приставъ доложилъ мнѣ, что толпа броси-

лась было къ его квартирѣ, чтобы вытащить евреевъ и расправиться съ ними, было пущено даже нѣсколько камней, которые разбили стекла въ двухъ окнахъ и, упавъ въ комнату, гдѣ содержались евреи, попали въ жену Янкеля и маленькую дочь, однако этимъ все и кончилось, потому что толпа была остановлена двумя взводами солдатъ, подъ командою штабсъ-капитана Михаила Александровича Денисова, прибывшаго къ самой суматохѣ. Убѣжденія станового пристава, при посредствѣ штабсъ-капитана Денисова, заставили толпу разойтись очень недовольной. Арестантскую избу Денисовъ окружилъ крѣпкимъ карауломъ.

Выслушавъ станового, я подошелъ къ врачу. Это былъ сѣденькій небольшого роста старикъ, но съ замѣчательно живыми черными глазами и умнымъ лицомъ. Робертъ Васильевичъ Будке имѣлъ степень доктора медицины и обладалъ обширными познаніями по богословію. Воспитывался онъ въ Дерптскомъ университетѣ, а также слушалъ лекціи въ нѣкоторыхъ заграничныхъ университетахъ. Онъ былъ друженъ съ извѣстнымъ Фейербахомъ, чрезвычайно уважалъ его, но не сходилъ съ нимъ въ религиозныхъ воззрѣніяхъ. Что загнало Роберта Васильевича въ нашу глушь — мнѣ было неизвѣстно. Поздоровавшись со мною, докторъ сталъ внимательно осматривать ребенка.

Полненькое бѣлокурое дитя лежало на полу, безъ всякой подстилки, въ ситцевой розовой рубашкѣ. Хотя рубашка на ребенкѣ была немного окровавлена и отъ раны шла запекшаяся кровь, но на полу, подъ трупомъ, крови не было. Последнее обстоятельство я объяснилъ себѣ тѣмъ, что убійство совершено не въ этомъ сарайчикѣ.

Робертъ Васильевичъ вынулъ изъ груди ребенка ножъ Янкеля и сталъ глядѣть на рану и на ножъ, на которомъ оказалось немного весьма темной, густой испорченной крови; потомъ онъ приблизилъ свой носъ къ ранѣ, ко рту и ушамъ ребенка.

— Да, сказалъ старый докторъ громко, окончивши свой осмотръ ребенка,—рана смертельная, пронзено сердце... Но необходимо произвести анатомическое изслѣдованіе.

— Почему же такъ? спросилъ я Буцке.

— Есть на это причины, отвѣчалъ Робертъ Васильевичъ. — Хорошо ли вы замѣтили положеніе трупа?

— О, да... Составимъ актъ.

— Нѣтъ, позвольте, когда мать въ послѣдній разъ видѣла своего ребенка?

— Она потеряла его лишь вчера при наступленіи вечера, какъ говоритъ она, отвѣчалъ я.

— Гм!.. промычалъ Буцке,—а когда вами отысканъ трупъ?

— Часа полтора, не болѣе...

— Это вздоръ! возразилъ докторъ.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и спросилъ.

— Какъ вздоръ?..

— Ребенокъ умеръ уже около двухъ сутокъ, твердо и рѣшительно проговорилъ Робертъ Васильевичъ.

Мы, всѣ присутствовавшіе, зная правдивость Буцке, словно оцѣпенѣли.

— Неправда ваша, врите вы... Вы, доктора, ничего не понимаете! закричала на доктора мать ребенка, Александровская.

Я попросилъ ее замолчать, а самъ принялся за составленіе акта судебно-медицинскаго осмотра.

Александровская же продолжала кричать:

— Неправда! Я представлю свидѣтелей, многіе сосѣди видѣли меня съ ребенкомъ вчера передъ вечеромъ на улицѣ.

Робертъ Васильевичъ молча еще разъ осмотрѣлъ трупъ, потомъ подозвалъ меня и указалъ на тѣлице мальчика, которое все было испещрено разными синебагровыми пятнами и продолговатыми рубцами, происходившими отъ ушибовъ и ударовъ, напимѣръ, ремнемъ. Все это было записано въ протоколъ.

Когда актъ былъ составленъ и засвидѣтельствованъ надлежащими подписями, ребенка отнесли, подъ надзоромъ фельдшера, въ сельскую больницу. Я поручилъ становому приставу и секретно своему

письмоводителю Зеленскому имѣть за Александровской тайный, но внимательный надзоръ, и въ случаѣ, если они замѣтятъ что подозрительное, сообщить мнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ я послалъ, согласно желанію Буцке, въ сосѣднія мѣста еще за двумя врачами для экспертизы при вскрытіи трупа, которое было отложено до ихъ пріѣзда.

Дворъ и домъ Янкеля были окружены карауломъ.

III.

Лучъ свѣта въ темномъ дѣлѣ.

Погода перемѣнилась. Весна вступила въ свои права. День обѣщаль быть очень хорошимъ. Солнце свѣтило ярко, но мартовскіе лучи его еще усилили большую грязь на улицахъ Пятилукъ. Послѣ вчерашняго снѣжку, дождя и затѣмъ къ вечеру морозца, образовавшаго гололедицу, теперь таяло.

Мы вышли изъ двора Янкеля вмѣстѣ съ докторомъ, погруженные въ размышленія о случившемся. Такъ мы прошли нѣсколько сажени, какъ вдругъ услышали за собой веселый молодой, мужской голосъ. Онъ принадлежалъ бравому и красивому офицеру съ большими черными бакенбардами и усами. Это былъ мой пріятель штабсъ-капитанъ Михайль Александровичъ Денисовъ.

— А я васъ ищу! сказалъ онъ пріятнымъ баритономъ.

Мы всѣ поздоровались.

— Что тамъ, около арестантской, благополучно?

— Ничего, отвѣчалъ беззаботно Денисовъ. — Но, конечно, безъ сильнаго караула для защиты евреевъ — нельзя. Мужики строятъ кислыя рожи, что имъ не дали расправиться съ жидами.

— Много было возни? спросилъ я.

— Пустяки.

— Я много благодаренъ тебѣ за твою распорядительность и своевременную помощь намъ.

— Вотъ, стойте! Хорошо, что во-время предупредилъ. Я, признаться, вчера былъ въ гостяхъ у отца Семена и лихо хватилъ...

— Не хочешь ли поправиться, выпить... Господа! пригласилъ я своихъ спутниковъ, — зайдите ко мнѣ, напьемся чаю... Право, не откажите! Спать, я думаю, въ такое время никто не ляжетъ, а утро чудесное.

— Я затѣмъ и шелъ, сказалъ штабсъ-капитанъ.

— Пожалуй, и я зайду, согласился Буцке. — Кстати, вы не распорядились приказать слѣдить за матерью ребенка? спросилъ Буцке, значительно взглянувъ на меня.

— Напротивъ, распорядился, утвердительно отвѣчалъ я.

Мой Григорій быстро подаль намъ самоваръ. Жена моя еще спала, а потому мы помѣстились въ моемъ кабинетѣ. Денисовъ, растянувшись на моемъ диванѣ, категорически заявилъ, что холо-

стого чаю онъ пить не будетъ, а женатый, т. е., на его языкѣ, съ коньякомъ или ромомъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ, я рѣшительно не понимаю сегодняшнюю исторію... Что это за найденный ребенокъ въ сараѣ Янкеля?.. Тебѣ, братъ Александръ Андреевичъ, предстоитъ трудное слѣдствіе, потому что, ты хоть самого меня зарѣжь, я не повѣрю, чтобы Янкель могъ убить ребенка. Во-первыхъ, онъ страшный трусъ; во-вторыхъ, онъ, сколько мнѣ извѣстно, не можетъ видѣть крови. Разъ, когда я при немъ порѣзалъ палецъ, покупая у него бритвы, такъ, вѣришь ли, съ нимъ дурно сдѣлалось, до того онъ нервный. Жена его—эта добродушная женщина, имѣющая своего грудного ребенка, — навѣрное не рѣшится на это, а пятнадцатилѣтняя Эсфирь...

— Ну, про Эсфирь можно и оставить, замѣтилъ я, смѣясь. — Мнѣ безъизвѣстно, что ты готовъ защищать ее передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Денисовъ улыбнулся.

— Ты забываешь, продолжалъ я, — что здѣсь былъ религіозный фанатизмъ, въ которомъ чело-вѣкъ самаго добраго характера является звѣремъ.

— Но кто же вамъ сказалъ, спросилъ меня доселѣ молчавшій докторъ, — что евреи фанатики?.. Они строгіе исполнители Моисеева закона, и только. Да и едва ли въ глазахъ евреевъ христіанскій младенецъ, надъ которымъ совершено крещеніе, а не обрѣзаніе, можетъ считаться агнцемъ непороч-

нымъ. Въ этомъ случаѣ явится со стороны евреевъ какое-то боготвореніе христіанской крови. Все это такъ бессмысленно, что враги евреевъ, незнакомые съ ихъ религіей, прибѣгнули къ другому способу доказательствъ въ нуждѣ евреевъ въ христіанской крови, а именно, что она нужна имъ для колдовства. Но и здѣсь они потерпѣли фіаско, потому что, по закону Моисееву, за употребленіе крови для колдовства полагается смертная казнь.

— Все-таки, возразилъ Денисовъ врачу, — нѣтъ дѣйствій безъ причинъ. Откуда-нибудь же да произошло обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови?

Робертъ Васильевичъ улыбнулся.

— Да, въ теченіе семи столѣтій, продолжалъ Буцке, по всей Европѣ неоднократно подымался вопросъ объ этомъ обвиненіи, дѣлались строжайшіе розыски и разслѣдованія, въ числѣ судей и слѣдователей были люди, презиравшіе евреевъ, ненавидѣвшіе ихъ, но еврей всегда выходилъ побѣдителемъ. Папы даже буллами запрещали вѣрить этому обвиненію. Многіе изъ евреевъ приняли разныя христіанскія религіи и явились врагами своихъ единоплеменниковъ, были даже и ученые раввины, но всѣ единогласно, какъ на судѣ, такъ и въ интимныхъ бесѣдахъ, утверждали, что у евреевъ никакого обряда, для котораго бы имъ была нужна христіанская кровь, — нѣтъ. Едва ли слѣдуетъ говорить о собственныхъ признаніяхъ самихъ ев-

реевъ въ употребленіи христіанской крови, сдѣланныхъ ими при пыткахъ инквизиціи и на кошмарахъ... Загляните въ архивы нашихъ старыхъ судовъ, сколько тамъ находится дѣлъ о колдунахъ, чародѣяхъ, вѣдьмахъ и прочее... Сколько несчастныхъ, чтобы какъ-либо сохранить свою жизнь, взводили на себя небылицы и признавали себя виновными.—Вы, обратился ко мнѣ Будке,—рассказывали мнѣ про дѣло, какъ цѣлое село обвинило одну женщину въ интимной связи съ нечистымъ духомъ, и она не отрицала своей вины...

— Да. Но, Робертъ Васильевичъ, сказала я,—до настоящаго дня я самъ признавалъ обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови нелѣпностью.

— А теперь?

— Я начинаю думать, что, какъ на примѣръ у насъ есть скопцы, и у нихъ есть тоже подобная секта, которая для какихъ-нибудь обрядовъ употребляетъ кровь.

— Вы говорите это, возразилъ докторъ, потому, что мало знакомы съ духомъ и исторіей іудаизма. У евреевъ секта нѣтъ и быть не можетъ, какъ это на первыхъ порахъ ни странно покажется. Но религія евреевъ есть національная, то есть обязательная только потомкамъ Авраама, Исаака и Іакова. Ко всѣмъ религіямъ другихъ народовъ они относятся съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ, къ себѣ же съ необычайной строгостью, полагая,

что весь еврейскій народъ отвѣтствуетъ предъ Богомъ за отступленія каждаго еврея отъ закона Моисеева. Поэтому ни дружба, ни родство не спасутъ сектантовъ отъ гоненія и преслѣдованія самихъ же евреевъ. Однако, спохватился докторъ, мы съ вами засидѣлись, а вѣдь нужно идти въ больницу. Что-то еще скажетъ вскрытіе?—многозначительно добавилъ онъ, прощаясь со мною.

— А что, скажите? провожая въ прихожую спросилъ я доктора.

— То, отвѣчалъ онъ мнѣ,—что этотъ ребенокъ былъ уже разъ отравленъ и я тогда случайно спасъ его. Я потомъ все вамъ расскажу; теперь некогда. Мнѣ не хотѣлось объ этомъ говорить вамъ при Денисовѣ, хотя онъ прекрасный малый.

— Что вы тамъ шептались, спросилъ меня Денисовъ, когда я возвратился въ комнату.

— Все по этому же дѣлу, разсѣянно отвѣчалъ я.

— Расскажи мнѣ пожалуйста, сталъ просить онъ,—я вѣдь ничего не знаю.

Я началъ рассказывать. Но лишь дошелъ до того обстоятельства, какъ ко мнѣ пришла мать ребенка, и сталъ описывать ея наружность, какъ Михаилъ Александровичъ живо спросилъ меня.

— А какъ ее зовутъ?

— Елена Митрофановна Александровская.

— Елена! вскричалъ онъ.—Ого! вотъ не ожидалъ! Елена-то!.. Прекрасная Елена! Ну-ну, продолжай дальше.

- Да развѣ ты ее знаешь? спросилъ я.
- Еще бы. Вдоль и поперекъ.
- Въ такомъ случаѣ расскажи мнѣ пожалуйста, что это за особа. Мнѣ это интересно, попросилъ я Денисова.

IV.

Кто была мать ребенка.

По окончаніи своего разсказа я попросилъ Денисова исполнить свое обѣщаніе, разсказать объ Александровской.

— Хорошо. Но біографія ея очень длинна, пересохнетъ горло; прикажи подлить шнабсъ-тринкену.

Подкрѣпивъ себя, штабсъ-капитанъ началъ:

«Это было въ 1862 году. Нашъ полкъ шель изъ В—ской губерніи, на югъ Россіи, въ Польшу для усмиренія мятежа. Я былъ тогда прапорщикомъ. Въ одномъ уѣздномъ городѣ, довольно, знаешь, порядочномъ, намъ назначена была продолжительная дневка, такъ что мы сегодня, на примѣръ, пришли, завтра пробыли цѣлый день, а на третій—ушли. Въ числѣ офицеровъ нашего полка былъ нѣкто поручикъ Поскребишевъ, субалтернъ-офицеръ, съ состояніемъ и забубенная головушка. «Побываль, сударь ты мой, и на гауптвахтѣ, и подъ арестомъ, всего отвѣдалъ!» какъ говоритъ почтмейстеръ въ «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя. Этому Поскребишеву была отведена квартира въ одномъ купеческомъ домѣ

средней руки. Семейство это стояло одною ногою въ квасу, а другою въ нѣкоторой интеллигенціи. Такъ, самъ купецъ носилъ бороду, длинный сюртукъ, сапоги со скрипомъ и съ бураками, а купчиха на головѣ повязку, шаль и растопыренное платье; дѣти же хватили цивилизаціи, отчего родители были въ великомъ восхищеніи. Сынъ носилъ пинджакъ, туго накрахмаленные воротнички и цилиндръ-шляпу, корча вообще изъ себя джентльмена изъ ножевой линіи, о дочери и говорить нечего! Это уже была настоящая барышня: училась въ пансіонѣ, знала: *merci, adieu*, танцевала лансье, трамбланъ, кадрили и читала до одурѣнія старинные романы французской беллетристики. Дѣвушка была недурна собою, красива, словомъ сказать—извѣстная тебѣ Елена Митрофановна, а прежней фамилии ея не знаю. Это была натура пылкая и страстная. Она тотчасъ же заинтересовалась остановившимся въ ихъ домѣ красивымъ офицеромъ и пошла шмыгать въ палисадникъ, находившійся около оконъ его квартиры въ нижнемъ этажѣ дома. Поскребишевъ сейчасъ же завелъ съ нею знакомство и они прогуляли до самаго ужина; на слѣдующій день молодые люди были неразлучны, *tête-à-tête*, и пошли гулять вмѣстѣ въ городской садъ, откуда возвратились довольно поздно. Тамъ между ними, само собою разумѣется, произошло довольно длинное любовное объясненіе. Родители видѣли короткое обращеніе офицера съ

ихъ дочерью, но не придавали этому никакого значенія, въ виду завтрашняго отъѣзда Поскребишева. Послѣдній льстилъ имъ, говорилъ, что онъ ихъ уважаетъ, что рѣдко встрѣчалъ такое семейство, полюбилъ какъ родныхъ, и проч. Родители даже гордились, что ихъ дочерью заинтересовался такой умный и красивый ахвицеръ, имѣвшій свой собственный экипажъ. Наступилъ день разлуки. Полкъ выступилъ рано. Поскребишевъ остался, сказавъ, что выѣдетъ къ вечеру и догонитъ полкъ къ ночи. Дѣйствительно, послѣ обѣда онъ приказалъ запрягать. Поскребишевъ любезно простился со всею семьею, поблагодарилъ за гостепрѣимство и общалъ не забывать ихъ, послѣ чего сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда Елена попросилась у матери къ теткѣ, жившей отъ нихъ очень далеко, у которой она часто ночевала. Ничего не подозрѣвая, мать отпустила ее. Прошли сутки, другіе. Елена не возвращалась; но не безпокоились, такъ какъ случалось, что и прежде она подолгу гостила у тетки. Наконецъ сама тетка пришла навѣстить ихъ, и тогда у нихъ явилось подозрѣніе, но все же было и упованіе, что, можетъ быть, Елена не пошла къ теткѣ, а загостилась у какой-нибудь подруги. И это бывало. Стали наводить справки, и истина открылась, какъ говорить Пушкинъ, «со всей ужасной наготой, тогда лишь только объяснилась душа преступницы молодой». Елена бѣжала съ Поскребишевымъ. Вмѣсто

тетки, она пошла къ заставѣ, гдѣ дожидаль ее въ экипажѣ Поскребишевѣ. Не слѣдуя шагъ за шагомъ за полкомъ, какъ субалтернъ-офицеръ, онъ махнулъ съ Еленой впередъ полка, прямо до слѣдующаго губернскаго города. Послѣдствій онъ не боялся никакихъ. Елена была совершеннолѣтняя и навязалась его проводить. Родители, прождавъ съ недѣлю свою дочь, въ самомъ дѣлѣ не стали и искать ее. Маршрута полка они не знали, фамилію офицера тоже. Ищи вѣтра въ полѣ, да и гдѣ она теперь?.. Прибывъ въ губернский городъ, Поскребишевъ остановился въ лучшей гостиницѣ и прожилъ съ Еленой дня три очень пріятно и весело. Молодые побывали въ театрѣ, на гуляньяхъ, ѣздили кататься, лакомились. На четвертый день, дѣвушка прѣснулась утромъ довольно поздно и позвала Поскребишева. Отвѣта не послѣдовало. Тогда она наскоро одѣлась и вышла въ залу. Поскребишева не было. Вещей и денщика его тоже не оказалось. У Елены стиснуло грудь и застучало сердце. Она догадалась, что Поскребишевъ бросилъ ее и уѣхалъ.

— Негодяй!—замѣтилъ я, прерывая разсказъ Денисова.—Онъ, вѣроятно, сманилъ ее обѣщаніемъ жениться.

— Кто ихъ разбереть! отвѣчалъ Денисовъ. Можетъ быть, Поскребишевъ и обѣщаль жениться, можетъ быть онъ только упросилъ проводить ее нѣсколько верстъ и завезъ далѣе, а можетъ быть

Елена согласилась ѣхать съ нимъ въ качествѣ гражданской жены. Когда я спрашивалъ объ этомъ Поскребишева, онъ только самодовольно покручивалъ усы. Елена говорить сбивчиво: то Поскребишевъ оболъститель, то вретъ, потому что, будто бы, она сама его бросила. Путаеть. Во всякомъ случаѣ Поскребишеву нельзи было жениться на ней, какъ офицеру: нужно было внести цензъ; по случаю же военного времени также нельзя было возиться съ нею, какъ съ гражданскою женою, и онъ счелъ за лучшее бросить ее. Но буду продолжать далѣе.

«Елена окинула глазами столъ, думая найти письмо, искала денегъ подъ подушкою. Нигдѣ ничего не было. Положеніе ея было ужасное: въ незнакомомъ городѣ и безъ гроша денегъ въ карманѣ! Она позвонила. Явился слуга.

«— Гдѣ баринъ? спросила она.

«— Развѣ вы не знаете, что баринъ уѣхалъ? отвѣчалъ слуга.

«Елена покрасвѣла.

«— Онъ пичего не говорилъ вамъ?

«— Они сказали, что вы изволите тоже сегодня уѣхать. Больше ничего. Заплатили деньги и за васъ за сегодняшній день.

«Елена не выдержала.

«— Боже мой! вскричала она, онъ меня бросилъ! Что я теперь буду дѣлать? У меня денегъ нѣтъ!

«— Такъ вы, значить, ему не жена?

«— Нѣтъ.

«— Такъ-съ... Это бываетъ! замѣтилъ лакей и, за минуту стоявшій передъ нею въ почтительной позѣ, усѣлся фамиллярно и комфортабельно въ кресло. Но въ дверь кто-то постучалъ, и лакей кинулся въ коридоръ. Черезъ нѣсколько минутъ въ номеръ къ Еленѣ вошелъ юнкеръ, но немолодыхъ лѣтъ и некрасивый.

«— Что вамъ угодно?—съ удивленіемъ спросила его Елена.

«— Я отъ поручика Поскребишева.

«Елена оживилась.

«— Прошу садиться, —ласково сказала она гостю.

«— Поручикъ Поскребишевъ, началъ юнкеръ, поручилъ мнѣ передать вамъ: во-1-хъ, что онъ извиняется передъ вами за то, что уѣхалъ не простившись, такъ какъ онъ рано утромъ получилъ отъ полкового командира приказъ немедленно явиться въ полкъ для принятія роты; во-вторыхъ, онъ благодаритъ васъ за тѣ счастливые часы, которые провелъ съ вами; въ-третьихъ, онъ совѣтуетъ вамъ ѣхать къ своимъ роднымъ. Отсутствие свое вы можете оправдать тѣмъ, что, почувствовавъ расположеніе къ г. Поскребишеву, рѣшились проводить его нѣсколько верстъ, но дорогою заболѣли и это продержало васъ нѣсколько дней.

«Юнкеръ досталъ портъ-моне и вынулъ изъ него маленькій пакетецъ.

«— Здѣсь сто двадцать пять рублей. Потрудитесь, сударыня, счесть и выдать мнѣ росписку

А. ШКЛЯРЕВСКІЙ.

въ полученіи для предъявленія поручику Поскребишеву.

«Елена приняла пакетецъ безъ всякаго адреса, въ срединѣ его, кромѣ ассигнацій, не было письма, ни коротенькой записочки.

«Елена въ замѣшательствѣ перебирала ассигнаціи.

«— Вы извольте расписаться хоть въ моей записной книжкѣ. При мнѣ есть также походная чернильница и складное перо.

«И юнкеръ любезно подалъ ей книжку.

«— Потрудитесь писать: такого-то года и числа получила отъ юнкера Станислава Ивановича Хордовскаго, словами, сто двадцать пять рублей. Ваша подпись и больше ничего. Можетъ на оборотѣ вы что прибавите?..

«— Да, прибавлю,—отвѣчала Елена,—что онъ нехорошо поступилъ со мною и я несчастная въ мірѣ дѣвушка.

«— Зачѣмъ отчаяваться,—замѣтилъ Хордовскій, вы такъ молоды и такъ прекрасны.

«Комплиментъ подѣйствовалъ.

«— Вы думаете?..—кокетливо спросила Елена, играя черными глазами.

«— Рѣдко видѣлъ такую красавицу,—отвѣчалъ юнкеръ, лѣтъ тридцати пяти.—Ахъ! pardon, madame! Когда вы думаете ѣхать? Мнѣ Поскребишевъ поручилъ нанять вамъ лошадей и проводить васъ въ дорогу.

«— Не знаю, я еще не рѣшилась. И какъ мнѣ

ѣхать домой?..—сказала она, задумываясь о своемъ положеніи.—Но, проговорила она любезно, можетъ быть, вамъ некогда, въ такомъ случаѣ, я сегодня же уѣду отсюда и дорогою соображу, что мнѣ дѣлать.

«— О! насчетъ меня, пожалуйста, не беспокоитесь. Я остался здѣсь въ качествѣ больного и могу прожить сколько мнѣ угодно. Я жду присылки мнѣ значительнаго куша отъ родителей. Я полякъ. Родители мои имѣютъ громадныя майонки въ Царствѣ Польскомъ, по всѣмъ губерніямъ, а также въ забранномъ краю, въ Волынской, Минской, Могилевской — вездѣ. Я былъ гвардейскимъ офицеромъ и разжалованъ въ пѣхотные юнкера. Ха, ха, ха! Не судьба ли?.. Я жду съ минуты на минуту денегъ. Теперь же весь мой капиталъ... Хордовскій вынулъ портъ-моне и показалъ 15 рублей.—Если madame позволить, я бы просилъ ее подождать дня два.

«— Для меня все равно, согласилась Елена,— что сегодня ѣхать, что черезъ мѣсяць...

«— Какъ я счастливъ!—вскричалъ юнкеръ.

«Лакей принеси самоваръ и чайный приборъ на двѣ персоны. Когда онъ вышелъ, Хордовскій выбѣжалъ за нимъ въ коридоръ и, подавая десятирублевку, попросилъ подать ему коньяку и закупить рублей на пять хорошихъ конфектъ и фруктовъ.—Сдачи не нужно, прибавилъ онъ.

«Согласіе Елены остаться на два дня погубило ее: она не знала, кто такой панъ Хордовскій.

«Я думаю, что изъ словъ его, что онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ и разжалованъ въ юнкера, ты самъ уже заключилъ, что онъ лжець, потому что въ юнкера не разжаловываютъ. Да онъ былъ и не юнкерь, а просто вольноопредѣляющійся изъ мелкой польской шляхты и на двѣнадцатилѣтнихъ правахъ. Поступивъ на службу лѣтъ двадцати-пяти, онъ около десяти лѣтъ уже тянулъ въ нашемъ полку, конечно, со льготами, лямку рядового, тогда какъ другіе вольноопредѣляющіеся, даже изъ мѣщанъ, производились черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ унтеръ-офицеры. Онъ не былъ ни пьяницей, ни буяномъ, имѣлъ нѣкоторое образованіе и умишко, но, знаешь ли, былъ лѣнтяй, лгунишка, мошенникъ и шарлатанъ, за что его не любили. Чуть кто, бывало, изъ офицеровъ приметъ въ немъ участіе, переведетъ въ свою роту, Хордовскій непременно сотворитъ какую-нибудь противъ него пакость, и унтеръ-офицерскіе галуны опять ему не даются. Юнкерскіе басоны на погонахъ онъ носилъ по вольности дворянства, самопроизвольно и по снисхожденію ротнаго командира.

«Карьеру свою онъ кончилъ потомъ тѣмъ, что, послуживъ пятнадцать лѣтъ рядовымъ изъ вольноопредѣляющихся, вышелъ въ отставку безъ права именоваться воинскимъ званіемъ. Военной службой онъ вовсе не занимался, а былъ между нами, эдакъ, въ родѣ фактора. Не удержишь, чтобы не рассказать тебѣ про него одинъ анекдотъ. Разъ мы стояли

въ лагеряхъ; случилось намъ, человѣкамъ пятнадцати офицерамъ, собраться въ одну палатку къ товарищу и мы затѣяли «штоссъ» отъ небольшого банка въ 3—5 рублей. Вдругъ въ палатку является Хордовскій. Въ числѣ играющихъ былъ его ротный командиръ. Хордовскій просится завтра утромъ сходить въ городъ и общается возвратиться завтра же къ вечерней зорѣ. Время было военное: отпустить можно было только на рискъ, но командиръ отпустилъ. — «Кстати, Хордовскій! — прибавилъ онъ, — не купите ли вы мнѣ фунта три табаку перваго сорта Миллера?» «Съ удовольствіемъ», отвѣчалъ Хордовскій. Командиръ далъ ему пять рублей; другой офицеръ поручилъ купить фунтъ чаю, третій — коньяку; Хордовскій всѣмъ предлагалъ свои услуги и божился — клялся, что онъ все донесетъ и купить какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ онъ собралъ съ пяти-шести офицеровъ рублей до тридцати. Приходитъ вечерняя зоря, Хордовскаго нѣтъ. Ротный командиръ въ бѣшенствѣ; на другой день — тоже нѣтъ. Командиру приходилось донести о происшествіи. Но Хордовскій къ этому времени явился. — «Гдѣ вы пропадали, чортъ васъ возьми!» вскричалъ командиръ. — «Охъ, охъ, я заболѣлъ!.. свихнулъ ногу. . цѣлыя сутки пролежалъ во рву, на силу дошелся»... отвѣчалъ Хордовскій умирающимъ голосомъ. — «Ну, а табаку купили?» — «Виновать, капитанъ, я смѣшалъ и купилъ вамъ пять апельсиновъ». Ротный командиръ разругалъ его и выгналъ

изъ палатки. То же самое сдѣлали съ нимъ и другіе офицеры, потому что онъ всѣхъ угостилъ: кого лимономъ, кого рахатъ-лукумомъ, кого халвою, вмѣсто: чаю, сигаръ, коньяку и прочее. Хордовскій пришелъ въ городъ, встрѣтился съ какимъ-то армяниномъ, подружился съ нимъ и накупилъ у него въ ларѣ разной дряни. Остальныя же деньги потратилъ на пустяки. Офицеры сначала сердились на него, но потомъ, собравшись вмѣстѣ, искренно смѣялись... Лучшаго фактора найти трудно. Поскребишевъ поручилъ Хордовскому отдать деньги Еленѣ совершенно случайно. Уѣзжая рано и секретно изъ гостиницы, чтобы избѣжать сценъ и слезъ, онъ, въ поспѣшности, забылъ оставить на столѣ деньги, заранѣе приготовленныя. Записки онъ не хотѣлъ писать. Поскребишевъ завезъ Елену отъ ея родного города всего верстъ за сто съ небольшимъ, такъ что она, безъ торгу, могла бы нанять тройку за 25 рублей. Значитъ 125 рублей ей было очень достаточно и на дорогу, и на путевыя издержки. О томъ, что онъ забылъ оставить деньги на столѣ, Поскребишевъ хватился, когда проѣхалъ цѣлую улицу и сталъ пересчитывать въ экипажѣ свой бумажникъ. Его взяла страшная досада: нужно было возвращаться назадъ въ гостиницу или послать туда денщика. Но случай выручилъ его. Онъ неожиданно увидѣлъ идущаго навстрѣчу по тротуару Хордовскаго, котораго узналъ и подозвалъ къ себѣ. Не знаю, какъ и какими пу-

тями, но Хордовскій остался въ городѣ Z по болѣзни, на неопредѣленное время, съ дозволенія начальства, тогда какъ ему бы слѣдовало быть при походномъ лазаретѣ. Въ Z онъ, разумѣется, бродяжничалъ, выпрашивалъ у проѣзжающихъ деньги и ждалъ случая съ кѣмъ-нибудь доѣхать до мѣста, назначеннаго для временной стоянки полка. Войска стягивались.

«— Что вы здѣсь дѣлаете? Отчего вы не при полку?—спросилъ Поскребишевъ Хордовскаго.

«— Я, г. поручикъ, въ отпуску... Здѣсь у меня мой дяденька!

«— Какой тамъ дяденька! Вы вѣчно врите... Когда вы отправляетесь отсюда?..

«— Навѣрно не знаю... Должно быть...

«— Ну, хорошо! садитесь со мною. Пошелъ дальше, скомандовалъ Поскребишевъ ямщику, и остановился у перваго трактира или гостиницы.

«Тамъ поручикъ далъ Хордовскому порученіе. Поскребишевъ былъ положительно увѣренъ, что Хордовскій исполнитъ его порученіе непременно, потому что тотъ боялся его какъ огня. Какъ-то Поскребишевъ поручилъ что-то Хордовскому, тотъ не исполнилъ и онъ избилъ его. Съ тѣхъ поръ онъ на Хордовскаго могъ положиться. Есть люди, для которыхъ страшнѣе всего кулачная расправа. Хордовскій принадлежалъ къ такимъ людямъ. Сдѣлавъ нужныя наставленія, какъ дѣйствовать, и вручая Хордовскому пакетъ съ деньгами Еленѣ, а

также 15 рублей ему въ подарокъ за услуги, Поскребишевъ присовокупилъ, что онъ напишетъ дѣвушкѣ и все узнаеть, а потому, если только онъ не исполнить его порученія, то онъ не оставитъ живого мѣста на его тѣлѣ.

«Распрощавшись такимъ дружескимъ образомъ, Поскребишевъ поѣхалъ далѣе, а Хордовскій пошелъ по указанію Поскребишева въ гостиницу, гдѣ стояла Елена. Какъ я говорилъ, Хордовскій дѣйстви-тельно исполнилъ порученіе Поскребишева точно и добросовѣстно. Но онъ, разъ хвастнувъ, не могъ уже болѣе удержаться, и рокъ увлекъ его. Кокетство, замѣченное имъ въ Еленѣ, вниманіе и довѣріе къ его словамъ вскружили окончательно голову, а выпитыя рюмки коньяку довершили остальное. Онъ на колѣняхъ сталъ просить и умолять Елену не уѣзжать и подождать, пока онъ получитъ изъ имѣнія деньги. Онъ обѣщаль выйти въ отставку, жениться на ней, не взирая на все свое богатство и знатный родъ, описывалъ ту роскошную обстановку, въ которой она будетъ находиться и сіять какъ царица, балы, вечера, собранія и проч. Вралъ много, до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что онъ еле держится на ногахъ, и потому уплеся. Вечеромъ онъ вновь посѣтилъ ее. Елена была вполнѣ неопытна и вдобавокъ въ томъ положеніи, когда человѣкъ, чтобы высвободиться изъ него, готовъ по-неволѣ всему вѣрить. Въ свой городъ ей не хотѣлось ѣхать: она боялась и на-

казанія родительскаго, и гнѣва ихъ, и сраму отъ всего города. Проспавшись въ сосѣднемъ № той же гостиницы, Хордовскій, явясь вечеромъ, былъ серьезнѣе и солиднѣе, вралъ меньше, но продолжалъ упрашивать остаться и согласиться на его предложеніе. Еленѣ лично Хордовскій не нравился; между нимъ и Поскребишевымъ не было сравненія, и она предпочтительнѣе пошла бы замужъ за Поскребишева, чѣмъ за Хордовскаго. Но Поскребишевъ пренебрегъ ею. О немъ нечего было и думать. Поэтому она обсуждала предложеніе Хордовскаго, также счастливое въ ея положеніи, а потомъ въ воображеніи ея стала рисоваться обстановка и роль, въ которой она будетъ находиться при своемъ богатствѣ. Вслѣдствіе этого на рѣшительный вопросъ Хордовскаго: «Да, или нѣтъ?» она отвѣчала: «Я такъ разстроена... Приходите завтра утромъ». Какъ вѣжливый кавалеръ и панъ полякъ, Хордовскій поцѣловалъ ручку своей невѣсты и удалился. Елена продумала до разсвѣта и рѣшила принять предложеніе.

«Не безъ волненія утромъ вошелъ въ номеръ Елены и Хордовскій за отвѣтомъ. Само собою разумѣется, предложеніе имъ сдѣлано было безразсудно, на вѣтеръ, изъ лжи и хвастовства, безъ взвѣшиванія послѣдствій. Жениться онъ не могъ, да и не думалъ. Тутъ дай Богъ самому сегодня быть сытымъ! Онъ даже и не влюбился въ Елену ни на каплю, потому что онъ не могъ никого ни любить и ни влю-

биться ни въ кого. Однако Елена казалась ему красавицей и фешенебельной дѣвушкой, потому что онъ въ жизни ни съ одной порядочной женщиной не былъ знакомъ; въ сравненіи же съ горничными, кухарками, прачками и деревенскими одалисками Елена въ самомъ дѣлѣ была фешенебельна и выше ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Возможность сближенія съ подобною женщиною и въ такомъ скоромъ времени, если его предложеніе будетъ принято, наркотически щекотала его чувственную и грубую натуру. Но это еще не все... Полученные отъ Поскребишева пятнадцать рублей и нужные ему до зарѣза—съ ними онъ безбѣдно могъ бы доѣхать до полка—Хордовскій всѣ истратилъ до копѣйки. Слѣдовательно, если Елена отвергнетъ его предложеніе, ему предстоитъ или выманить у нея нѣсколько рублей, или замотать деньги, которыя онъ возьметъ на наемъ лошадей; если же согласится, то онъ будетъ кататься какъ сыръ въ маслѣ нѣсколько дней. О будущемъ люди характера Хордовскаго или вовсе не думаютъ, или думаютъ очень мало.

«Онъ вошелъ и поклонился неловко.

«— Чѣмъ вы меня подарите, какъ рѣшите мою судьбу?—спросилъ онъ, склоняя предъ нею голову съ небольшою плѣшью.—Вѣроятно: «нѣтъ».

«— Зачѣмъ вы это думаете?—сказала Елена,—я согласна.

«— Милая моя! Ангелъ! Божество!..

«И Хордовскій заключилъ дѣвushку въ свои объятія. Что чувствовала Елена, не знаю.

«Когда первый пылъ остылъ, Хордовскому захотѣлось остаться наединѣ, одному, помечтать, выпить и въ то же время хотѣлось представить изъ себя Еленѣ правдиваго и дѣловаго человѣка.

«— Елена! произнесъ онъ торжественно.— Ты мнѣ дала слово. Оно твердо, какъ адамантъ, я этому вѣрю. Ты съ этой минуты моя жена передъ людьми и передъ Богомъ! На мнѣ лежитъ священная обязанность заботиться о твоёмъ счастьи, жертвовать собою. Я начинаю тотчасъ. Слушай. У насъ такъ мало средствъ (подлецъ Поскребишевъ!), что мы должны дорожить временемъ. Въ полку больше я служить не намѣренъ. Къ чему при моемъ состояннн? Если я служилъ прежде, то отъ нечего дѣлать... Не было цѣли въ жизни... Но когда я встрѣтилъ тебя, о!.. Одинъ поэтъ говорить:

Зачѣмъ не прежде ты явилась
Или зачѣмъ явилась ты?
Когда ужъ мысль разоблачилась,
Исчезли гордыя мечты!

Итакъ я выхожу въ отставку. Мнѣ служить тамъ уже потому нельзя, что ты можешь встрѣтиться съ негодяемъ Поскребишевымъ... Желаетъ ли ты этого?

«Елена отрицательно покачала головою.

«— А я?!.. Я убью, задушу его при первой встрѣчѣ... Ты не знаешь моего характера! сказалъ

Хордовскій, грозно сверкнувъ узенькими калмыцкими глазами, что вовсе не шло къ его невзрачной и ничего не выражающей фізіономіи, съ рѣдкими усиками.—Еще мнѣ нужно послать телеграммы къ двумъ, тремъ, четыремъ управляющимъ: если тотъ не пришлетъ, то другой, третій или четвертый, кто-нибудь вышлетъ намъ тысячъ десять, я меньше требовать не буду, а для насъ, на первыхъ порахъ, этой суммы достаточно. Я сейчасъ поѣду въ вашъ городъ, побываю у губернатора и вырву у отца твой документы. Впрочемъ, ты совершеннолѣтняя, при деньгахъ перевѣнчаютъ и безъ документовъ. Ахъ! зачѣмъ я не распорядился прежде послать телеграммы? У меня были деньги... Я бы давнымъ-давно не нуждался. Но, увы! я уѣхалъ и не увидѣлъ бы тебя, мой ангелъ!

«Хордовскій полѣзъ цѣловаться.

Я расхохотался и прервалъ рассказъ.

— Послушай, Мишель, сказалъ я Денисову,—ты такъ уморительно рассказываешь, какъ будто бы былъ очевидцемъ разговора.

Денисовъ самъ разсмѣялся.

— Экъ когда ты только замѣтилъ это. Да есть ли какая нибудь физическая возможность передать разговоръ, хоть нашъ сегодня, буква въ букву, если онъ не тотчасъ записанъ стенографически? Ни ты, ни я его не повторимъ. Между тѣмъ писатели утверждаютъ, что будто бы они воспроизводятъ разговоръ буквально. Не смѣшно ли это?

Я сегодня почему-то въ хорошемъ расположеніи духа...

Я взглянулъ на графинь.

— Моя исторія правдива. Дѣйствующихъ лицъ я знаю, изучилъ ихъ характеры. Спрашивается, почему же я не могу представить себѣ ихъ разговоръ между собою?..

— Согласенъ, согласенъ, только продолжай, но не такъ подробно...

— Неблагодарный! воскликнулъ съ паѳосомъ Денисовъ,—дай воспѣть первое паденіе моей героини, а затѣмъ я въ четверть часа расскажу всю остальную часть ея жизни. Продолжаю:

«Распѣловавъ свою невѣсту, Хордовскій, наконецъ, объяснилъ ей, что онъ комкаетъ свою гордость и просить у ней двадцать пять рублей на подачу прошенія объ отставкѣ и на посылку телеграммъ къ управляющимъ.

«Елена отдала было весь кошелекъ къ его услугамъ, но Хордовскій не принялъ.—Нѣтъ, Елена, сказалъ онъ, я беру только столько, сколько нужно для нашего счастья. Часа въ 4, къ обѣду, я приѣду.

«Опять объятія, поцѣлуи и слюни...

«Вышедши на улицу, Хордовскій сначала пожалѣлъ, зачѣмъ онъ не взялъ у Елены всѣхъ денегъ. Потомъ пошло колебанье, что это неблагородно съ одной стороны, а съ другой, что такая хорошенькая всегда выкрутится. На красотѣ Елены онъ остановился и въ концѣ-концовъ, какъ бываетъ съ

тщеславными людьми, въ высшей степени остался доволенъ собою, находя, что поступилъ чертовски хитро, чертовски умно и чертовски благоразумно. Если бы онъ взялъ всѣ деньги, рассуждалъ Хордовскій, то можетъ быть запутался бы и Елена ускользнула отъ его рукъ. Теперь же она не ускользнетъ, какъ равно и ея деньги, вдобавокъ же онъ явился передъ нею безкорыстнымъ. Вспало на мысль и то: оставить ее съ ея сотнею, Богъ съ нею! а самому маршъ до полка! Росписка Елены для предъявленія Поскребишеву была съ нимъ. Но пригожество молодой женщины заглушило самоалѣйшіе проблески благородства.

«Ни подавать прошенія объ отставкѣ, въ которой ему еще хуже бы было, чѣмъ на службѣ, никакихъ телеграммъ подавать Хордовскому было не нужно, потому что у него не было ни имѣнія, ни управляющихъ; поэтому онъ прямо направилъ стопы свои въ знакомый ему грязный трактиришко, гдѣ онъ выдавалъ себя за графа и за разжалованнаго за дуэль конногвардейца, ротмистра. Тамъ псевдоконно-гвардеецъ потребовалъ селянки, бифштексу, вина, водки, бутылку шампанскаго, приказалъ завести машину, надѣлилъ половыхъ двугривенными и полтинниками, спросилъ отдѣльную комнату и улегся спать, мечтая о прелестяхъ Елены и объ ожидашемъ его блаженствѣ. Прохрапѣвши часовъ до шести вечера, онъ, проснувшись, умылся, зашелъ въ парикмахерскую, побрился, на помадилъ, надушился

и предсталъ предъ очи прекрасной Елены. Онъ принесъ ей 3 рубля сдачи, много говорилъ о хлопотахъ, объ усталости, о взяточничествѣ чиновническомъ и на почтѣ и будто бы въ телеграфѣ. Увѣрялъ, что онъ прямо телеграфировалъ своимъ управляющимъ, что онъ женится, и чтобы они хоть бы изъ подъ земли вырыли деньги, и что далъ телеграмму отцу о своемъ приѣздѣ съ женою.

«Съ этого вечера Хордовскій поселился въ номерѣ Елены. Дальнѣйшую ихъ исторію шагъ за шагомъ я рассказывать не буду. Хордовскій каждый день выманивалъ у молодой дѣвушки деньги для справокъ, для новыхъ телеграммъ, вралъ ей на всякомъ шагу, хитро сплеталъ обстоятельства, почему до сихъ поръ нѣтъ отвѣта на его телеграммы, и такъ заврался, зарапортовался, что забывалъ вечеромъ, что онъ вралъ ей утромъ и въ полдень. Онъ тоже, какъ и Поскребишевъ, таскалъ Елену въ театръ, на гулянья, въ кондитерскія на ея же деньги, и не прошло недѣли, какъ въ кошелькѣ ея былъ минусъ, потому что не хватало десятка два рублей для расплаты въ гостиницѣ. Бѣдная женщина уже давно поняла, что Хордовскій лгунъ, хвастунъ, дрянъ, не вѣрила въ его богатства, но все-таки надѣялась, что у него есть хоть какое-нибудь состоянiице, что ему все-таки пришлютъ хоть какихъ-нибудь 150 руб.

«Семья Елены была если не богата, то все-таки имѣла безбѣдныя средства къ существованію, свой

домъ, лавку, приносящую минимум до семи тысячъ дохода, и Елена не имѣла понятія о настоящей безысходной бѣдности.

«Хордовскій сталъ пропадать по цѣлымъ днямъ. Однажды, въ его отсутствіе, старичокъ лакей, убирая со стола самоваръ съ чайнымъ приборомъ, обратился къ ней:

«— Завтра, барыня, я подамъ вамъ новый счетъ. По прежнему еще недоплачено...

«— Нельзя ли какъ-нибудь?

«— Подождать! Пожалуй! Вы откуда ждете денегъ?..

«— Да вотъ онъ ожидаетъ съ минуты на минуту съ имѣніемъ отъ управляющихъ...

«— Кто это? вашъ новый баринъ, юнкеръ? И вы ему вѣрите?.. Это не тотъ, что съ вами пріѣхалъ; у того и свои лошади, и экипажъ, и деньги. А это, простите, шеромыга. Онъ только ваши деньги провель, что офицеръ прислалъ. Я хотѣлъ предупредить васъ, да подумалъ, что вы его допрежь меня знаете. Послушайте меня, стараго человѣка, барыня, у меня тоже дочь сбѣжала, я подожду со счетомъ, но напишите вы завтра тятенькѣ, повинитесь ему и попросите, чтобы онъ прислалъ вамъ денегъ на дорогу. Напишите также и тому офицеру, чтобы помогъ вамъ. Адресъ вы хитренько разузнайте отъ юнкера. Да потомъ и прогоните его съ глазъ, что держать дармоѣда. Комнату я отведу вамъ другую, маленькую, дешевле будетъ.

«Елена поблагодарила добраго человѣка за участіе его къ себѣ и обѣщала послѣдовать его еовѣту, но судьба была противъ этого.

«Хордовскій возвратился въ № вечеромъ не одинъ, а въ сопровожденіи ловкаго и красиваго офицера, съ гремящею кавалерійскою саблею. Вся фізіономія его дышала энергіей и благородствомъ. Въ поклонѣ его сказывались вѣжливость, гордость и сознание собственнаго достоинства.

«— Батальонный адъютантъ нашего полка, прапорщикъ Свищовъ, отрекомендовалъ его Хордовскій Еленѣ.—Изъ извѣстной дворянской фамиліи Свищовыхъ, помѣщикъ...

«Но Свищовъ движеніемъ руки остановилъ его.

«— Довольно, или Елена Митрофановна, если я не ошибаюсь, подумаетъ, что мы равны съ тобою.

«Свищовъ развязалъ саблю и поставилъ ее въ уголь.

«— Я не ожидалъ застать васъ дома,—сказалъ Свищовъ Еленѣ, а потому такъ свободно пришелъ.

«— Почему же?—полюбопытствовала она.

«— Такой прелестный вечеръ...

«— У меня нѣтъ здѣсь знакомыхъ, а его не было.

«— Хордовскій!—почти повелительно обратился къ нему Свищовъ,—растворите окна. У васъ духота.

«Хордовскій тотчасъ же исполнилъ приказаніе.

«— Значить вы этого города вовсе не знаете?—обратился къ Еленѣ Свищовъ.

«— Да, я здѣсь недавно.

«— Прежде не были?

«— Нѣтъ.

«— Какъ вы сюда пріѣхали?— усмѣхнувшись, хотя любезно, но съ ироніей, задалъ вопросъ адъютантъ.

«Елена смѣшалась и ничего не отвѣчала, сильно покраснѣвъ.

«— Хордовскій! сходите, позовите мнѣ лакея и прикажите ему принести мнѣ скаканъ воды со льдомъ.

«Хордовскій удалился.

«— Вы поручика Поскребишева знаете? знакомы?—спросилъ наединѣ Свищовъ.

«— Д-да, чуть слышно отвѣчала Елена.

«— А съ Хордовскимъ давно знакомы?

«Елена молчала.

«Свищовъ посмотрѣлъ на нее пристально и призадумался.

«Въ номеръ вошли лакеи и Хордовскій.

«— Льду нѣтъ-съ,—доложилъ почтительно лакей.

«— Какъ нѣтъ?..

«— Весь вышелъ-съ.

«— Славная гостиница, хорошая гостиница,—нараспѣвъ замѣтилъ Свищовъ. — Льду нѣтъ! Хордовскій!—обратился вновь онъ къ юнкеру,—потрудитесь отыскать ледъ во что бы то ни стало. «Свищовъ вынулъ туго набитый бумажникъ и вынулъ первую попавшуюся ему ассигнацію въ 25 рублей

и бросилъ на столъ. Поѣзжайте! Доплачу здѣсь, если не достанетъ.

«— Помилуйте! для вашей милости и я достану льду, съ подобострастіемъ напрашивался на услугу старый лакей. Мы вашу милость, Николай Сергѣевичъ, очень хорошо знаемъ и всегда довольны.

«— Молчи, старый болванъ! Если я хочу послать его, то...

«— Слушаю-съ, Николай Сергѣевичъ, слушаю-съ.

«— Убирайся вонъ.

«— Слушаю-съ, Николай Сергѣевичъ, слушаю-съ.

«— А вы, Хордовскій, что же не исполняете моего порученія!

«— Сейчасъ, сейчасъ...

«Елена видѣла, что въ глазахъ Свицова лакей и ея будущій мужъ, г-нъ Хордовскій—равно одинаковы. Ей стало стыдно. Душа требовала кому-нибудь повѣдать все...

«Хордовскій и лакей ушли.

«— Нельзя, дисциплина, офицеръ,— извинялъ свое посольство въ коридорѣ Хордовскій лакею.

«— Такъ-съ, идя сзади и лукаво подмигивая глазомъ, отвѣчалъ ему лакей.—Одначе и изъ васъ, юнкеровъ, бываютъ лихіе. Вонъ изъ эфтаго окна одинъ гусарскій юнкеръ, такой же какъ и вы, только помоложе, хотѣлъ выбросить майора. На силу удержали.

«— Какъ здѣсь у васъ душно!—сказалъ Сви-

щовъ, оставшись наединѣ съ Еленою.—Пойдемте ко мнѣ въ номеръ, тамъ гораздо прохладнѣе.

«Съ этими словами онъ подаль дѣвушкаѣ руку; та покраснѣла, но приняла ее...

«Номеръ, занимаемый Свищовымъ, оказался дѣйствительно лучше, просторнѣе и свѣжѣе. Свищовъ приказалъ денщику немедленно принести льду и шампанскаго, что и было въ нѣсколько минутъ исполнено.

«— Что же вы думаете о своемъ положеніи?— спросилъ Свищовъ за бокаломъ вина Елену.

«— Право, не знаю...

«— Денегъ у васъ нѣтъ и вы еще должны въ гостиницѣ?..

«— Я хотѣла послать письма къ Поскребишеву и къ отцу.

«— Да, это хорошо, но не скоро. А въ случаѣ неудачи?.. Отецъ вашъ, можетъ быть, отъ васъ уже отрекся; Поскребишевъ же—картежный игрокъ и иногда проигрывается до полушки... У него можетъ не случиться денегъ. Хордовскій, встрѣтятся сегодня со мною на лѣстницѣ, рассказалъ, кто вы и какъ прибыли сюда. Объ отношеніяхъ своихъ къ вамъ онъ плель много, но я догадываюсь, какъ было. Онъ, вѣроятно, навралъ вамъ о своемъ богатствѣ и предложилъ выйти за него замужь?

«— Да...

«— Ну, вы и согласились. Роза же его вамъ не понравилась съ перваго взгляда.

«— Это правда. Примите во мнѣ, г. Свищовъ, участіе,—попросила Елена со слезами на глазахъ.

«— Извольте. Выбирайте изъ двухъ. Хотите, я дамъ вамъ на дорогу денегъ, и вы завтра можете уѣхать домой, а хотите—поѣдемъ со мною. Даю вамъ честное слово, что я васъ не обижу, и куда бы ни завезъ, при первомъ вашемъ желаніи дамъ вамъ средства возвратиться къ родителямъ, или куда вамъ будетъ угодно. Ну, что же, вы согласны?—спросилъ Свищовъ, беря ея руку и обвивая другою ея талию.

«— Какъ хотите, чуть слышно сказала Елена.

«Хордовскій, возвратясь въ свой номеръ со льдомъ, былъ не особенно удивленъ, не найдя Елены и догадавшись, что она въ номерѣ у Свищова, пошелъ туда, но дверь была заперта. На стукъ его къ двери подошелъ самъ Свищовъ и спросилъ:

«— Это вы, Хордовскій?

«— Я.

«— Принесли льду?

«— Принесъ, а также 23 рубля сдачи.

«— Можете сдачу взять себѣ, ледъ скушать, если томитъ жажда, и ложиться спокойно спать. Елена Митрофановна остается у меня. Понимаете?

«— Понимаю. Благодарю васъ, Николай Константиновичъ.

«На другой день Елена и Свищовъ уѣхали изъ гостиницы вмѣстѣ. Хордовскій тоже поплелся по

той же дорогѣ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ подсадая на телеги. Прибывъ на мѣсто, Свищовъ нанялъ ей отдѣльную чистенькую квартиру и навѣщалъ ее почти ежедневно. Онъ научилъ ее написать письмо къ ея отцу и просить паспорта. Въ отвѣтъ отъ отца полученъ былъ не только паспортъ, но и полное прощеніе и просьбы возвратиться домой, на путь истины. Елена не поѣхала. Затѣмъ Свищовъ серьезно влюбился въ одну польскую дѣвушку изъ хорошей фамиліи и женился на ней. При разлукѣ, онъ предупредилъ Елену заранѣе и наградилъ ее деньгами, но Елена и на этотъ разъ не отправилась домой, а поступила на содержаніе къ штабсъ-капитану Кобылинскому, отъ Кобылинскаго она перешла къ Гвоздянкину, и такъ далѣе. Есть пьеса подъ заглавіемъ: «Дочь второго полка»; что касается до Елены, то ей по всей справедливости слѣдуетъ дать имя: «Жена N-скаго пѣхотнаго полка»... Какъ ты замѣтилъ, она очень красива и даже обольстительна на офицерскій вкусъ, кромѣ того пылка и страстна, но ты, пожалуйста, не представляй ее себѣ въ воображеніи Лукреціей Флоріани Жоржъ Зандъ. Это загадочная натура совершенно въ другомъ родѣ. Ты догадайся, почему Елена, при своей наружности и умѣ, переходитъ изъ рукъ въ руки? Почему она не внушаетъ къ себѣ болѣе глубокаго чувства?.. Потому, что она жадна къ деньгамъ и обворовываетъ cadaго изъ своихъ поклонниковъ. Черезъ этотъ порокъ нѣтъ силъ и возможности

жить съ нею. Свищовъ мнѣ говорилъ, что при совмѣстной жизни его съ Еленой онъ не замѣчалъ въ ней этой страсти къ любостыжанію; она началась съ того времени, какъ Елену оставилъ Свищовъ и она перешла къ Кобылинскому. Страшнѣйшая интересанка и воровка въ полномъ значеніи этого слова. Неправда ли, что начало ея біографіи какъ-то не совпадаетъ съ тѣмъ недостаткомъ въ ней, о которомъ я сейчасъ говорю, но, тѣмъ не менѣе, я говорю правду. Нашъ полкъ пробылъ въ Польшѣ недолго, онъ явился при подавленіи мятежа и скоро ретировался обратно въ Россію. Елена слѣдовала за полкомъ и послѣдняя ея связь была со мною.

— Съ тобою?.. Что ты говоришь?—спросилъ я, предполагая, что Денисовъ вретъ отъ нѣскольکو излише выпитаго коньяку.

— Говорю правду. Это знаютъ всѣ Пятилуки. Когда ты былъ у меня въ первый разъ съ визитомъ, Елена еще жила со мною.

— Но... Вѣдь этому всего годъ и семь мѣсяцевъ,—замѣтилъ я.

— Совершенно вѣрно. Влѣдъ затѣмъ она и вышла замужъ за унтеръ-офицера Александровскаго.

— Какъ?.. Но у ней полторагодовой ребенокъ!.. Значить, этотъ ребенокъ твой?..

— Нѣтъ.

— Все-таки она ему мать?

— Нѣтъ.

— Что ты путаешь?

— У ней никогда не было дѣтей, — спокойно отвѣчалъ Денисовъ.

— А этотъ же?

— Это сынъ ея мужа. Она мачиха.

-- Мачиха!

Я былъ изумленъ.

Вошелъ слуга и доложилъ мнѣ, что докторъ Робертъ Васильевичъ Буцке просить меня пожаловать въ больницу, такъ какъ приглашенные врачи пріѣхали и сейчасъ будетъ анатомическое изслѣдованіе трупа младенца.

V.

Провожая меня въ больницу, Денисовъ-вратцѣ досказалъ біографію Александровской. Живя у него, она познакомилась черезъ посредство его денщика съ отставнымъ унтеръ-офицеромъ, проживающимъ въ Пятилукахъ, Александровскимъ. Александровскій уже старикъ, подь шестьдесятъ лѣтъ, но еще бодрый, имѣеть свой большой домъ, хозяйство и слыветъ за мѣстнаго богача; состоитъ при церкви старостою. Многіе у него занимають деньги и въ томъ числѣ неоднократно занималъ деньги и Янкель для торговыхъ оборотовъ. Во время знакомства Александровскаго съ Еленой съ нимъ случилось несчастіе: жена его скоропостижно

скончалась отъ родовъ, оставивъ ему младенца, Костю, котораго нашли теперь зарѣваннымъ. На самомъ погребеніи первой жены старый солдатъ раздумывалъ, какъ онъ теперь управиться безъ жены съ своимъ хозяйствомъ и съ ребенкомъ? Первая жена его была женщина хилая, больная, и онъ не любилъ ея. Онъ рѣшился вновь жениться. Это самое, тутъ же на похоронахъ, совѣтовали ему и другіе, но невѣсты на примѣтъ онъ не видѣлъ. Объ этомъ онъ нѣсколько разъ говорилъ съ денщикомъ Денисова. Денщикъ же, подмѣтивъ, что Александровскій равнодушенъ къ Еленѣ, вздумалъ сосватать ее за него. Онъ былъ убѣжденъ, что Денисовъ за это сватовство на него сердиться не будетъ, такъ какъ зналъ, что его баринъ радъ былъ бы давно отдѣлаться отъ нея, да совѣстился прогнать ее. Партія эта, въ глазахъ денщика, казалась оченьъ подходящей для Александровскаго, такъ какъ у Елены, ему было извѣстно, были деньги; что же касается до поведенія Елены, то отставные и притомъ пожилые солдаты относятся къ этому весьма снисходительно. Елену денщикъ убѣждалъ тѣмъ, что у Александровскаго большое состояніе, что онъ человѣкъ старый и ему недолго жить на свѣтѣ, ребенокъ тоже можетъ помереть, и она останется полной хозяйкой всего. Эти ли убѣжденія, или Еленѣ наскучила ея бродячая полковая жизнь, но она наняла себѣ отдѣльную квартиру и вскорѣ вышла замужъ за этого Александровскаго, когда

послѣ смерти, его жены, не прошло и шести недѣль.

На консультаціи оба прибывшіе врача безусловно согласились съ мнѣніемъ доктора Буцке, что смерть младенца по многимъ медицинскимъ признакамъ произошла не въ ночь подъ настоящее число, а значительно раньше, приблизительно за двое сутокъ.

Началось полное слѣдствіе.

Боясь, чтобы дорогою Янкелю и его семьѣ не были нанесены неприятности, я не позвалъ ихъ къ допросу въ свою квартиру, а пошелъ самъ къ нимъ въ мѣсто ихъ заключенія, взявъ съ собою своего письмоводителя, Зеленскаго. Дорогою Зеленскій сообщилъ еще новость, что по слободѣ ходятъ весьма упорные слухи, что становой приставъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ Александровскою и что онъ Зеленскій, самъ видѣлъ, какъ сегодня нѣсколько разъ Александровская совѣщалась со Шццелькинымъ. Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ, что я напрасно высказалъ становому приставу свое подозрѣніе на Елену,—но, «привалить преданный мнѣ Зеленскій, я буду смотрѣть за ними въ оба, и сегодня ночью съ товарищемъ буду до утра караулить домъ Александровской. Посмотримъ, не произойдетъ ли чего?..»

Евреи были заключены въ арестантской избѣ, помѣщавшейся, какъ я сказалъ, при квартирѣ станового пристава. Она состояла изъ сѣней и большой комнаты, длиною въ пятнадцать, а шириною

въ десять шаговъ, съ двумя небольшими во дворъ окнами, съ двойными рамами и мутными стеклами, задѣланными вдоль и поперекъ желѣзными поло-сампи. Противъ оконъ была входная дверь. Полъ былъ земляной. Изба никогда не отапливалась. Въ избѣ царили мракъ, сырость и холодъ. Было такъ темно, что безъ свѣчки и днемъ ничего нельзя было видѣть въ избѣ, сквозь худой потолокъ туда проникалъ снѣгъ и дождь, образовавъ тамъ невообра-зимую грязь. Единственною мебелью этого убій-ственного помѣщенія были нары у стѣны, направо отъ входа.

— Здѣсь ничего не видно! дайте свѣчей, крик-нулъ я съ досадою на станowego пристава, кото-рый при входѣ моемъ во дворъ вышелъ ко мнѣ изъ своей квартиры и сопровождалъ меня.

Услышавъ мой голосъ, евреи подняли крикъ и плачь.

— Ваше высокоблагородіе, Александръ Андрее-вичъ! господинъ слѣдователь!.. Смилуйтесь, защи-тите насъ... Васъ Богъ не оставитъ.

Я никогда въ жизни не забуду отчаянные вопли евреевъ, возлагавшихъ на меня всю свою надежду, какъ на спасителя. Они напоминали собой въ ту минуту людей утопающихъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, могъ только вы-говорить я...

Между тѣмъ я началъ различать окружающіе меня предметы, и становой приставъ какъ разъ

во-время зажегъ поданную ему свѣчу. Я увидѣлъ евреевъ, въ страхѣ стоящихъ предо мною; но Боже мой! въ какомъ видѣ!!.. Всѣ они были въ одномъ бѣльѣ, изорванномъ отъ насилія, начиная отъ самого Савелія Соломоновича Янкеля, жены его, полной женщины, Ліи Яковлевны, малолѣтнихъ дѣтей, до красавицы пятнадцатилѣтней Эсфири. Всѣ они были босые и связаны веревками, у Янкеля руки скручены назадъ, жена его съ груднымъ ребенкомъ тоже была спутана веревками; у Эсфири также руки завязаны были назадъ; здѣсь же были и двое маленькихъ дѣтей Янкеля, которые отъ холоду и страха только слабо стонали. Янкель и жена его были избиты. Прелестное личико Эсфири припухло отъ слезъ. Эта дѣвушка была въ полномъ смыслѣ красавица и весьма развита, но робкая, застѣнчивая. Она очень часто бывала у моей жены и брала для чтенія журналы и книги; книгами надѣлялъ ее также мой пріятель, Михаилъ Александровичъ Денисовъ.

Онъ страстно и въ то же время платонически былъ влюбленъ въ молодую еврейку. Смѣлый волокита съ другими женщинами, онъ былъ скромнень и робокъ въ присутствіи Эсфири. Густой румянецъ покрывалъ щеки дѣвушки, когда глаза ея встрѣчались со взглядомъ Денисова, или когда моя жена въ разговорѣ съ ней упоминала его имя. Эта робкая затаенная любовь продолжалась между ними долго. Денисовъ признавался моей женѣ, что онъ

за счастье счелъ бы для себя назвать Эсфирь своею женою. Но, къ сожалѣнію, неравенство общественныхъ положеній и по преимуществу религія служили препятствіемъ къ этому браку.

Увидя въ такомъ положеніи несчастное семейство, я въ ужасѣ спросилъ станового:

— Что это вы дѣлаете, г. Шпилькинъ?.. Развѣ можно такъ безчеловѣчно обращаться?..

— Иначе нельзя было. Народъ требовалъ, чтобы ихъ связали.

— Отчего вы не дали имъ одѣться?..

— Торопился...

— Зачѣмъ, наконецъ, хотъ теперь вы не развязали ихъ.

— Некогда было нянчиться съ ними...

— Некогда? Господинъ Зеленскій,—обратился я къ своему письмоводителю,—пригласите сюда доктора Буцке, капитана Денисова и нѣсколько понятыхъ. Я хочу составить актъ о помѣщеніи арестантовъ и объ обращеніи съ ними станового пристава Шпилькина. Подождите немного, сказалъ я евреямъ. Вы сейчасъ же будете развязаны, одѣты и отведены домой. Нельзя же такое безобразіе оставить безнаказаннымъ. Зеленскій, принесите сюда ихъ платья.

— Не понимаю—почему вы, господинъ слѣдователь, принимаете такое участіе въ этихъ жидяхъ? язвительно проговорилъ Шпилькинъ, обращаясь ко мнѣ.

— Помилуйте, у насъ преступникамъ, подлежащимъ висѣлицѣ или разстрѣлянiю, дается пища, бѣлье, платье и медицинская помощь въ случаѣ ихъ болѣзни... Вы же такъ поступили съ людьми только подозрѣваемыми и быть можетъ невиновными.

Докторъ Букке, Денисовъ и нѣсколько постороннихъ вошли въ избу; за ними слѣдовалъ Зеленскiй въ сопровожденiи десятника, несшаго одежду евреевъ. Я указалъ вошедшимъ на помѣщенiе арестантской, на распоряженiя становаго пристава и, по составленiи акта, просилъ подписать его. Относительно евреевъ я распорядился: тотчасъ же развязать ихъ, потомъ, что бы они, по выходѣ нашемъ, одѣлись и были бы препровождены въ свой домъ, за карауломъ, который и должепъ быть оставаться до новыхъ моихъ распоряженiй. Последнюю обязанность я поручилъ капитану Денисову.

VI.

Возвратясь въ свою квартиру, я немедленно написалъ донесенiе объ этомъ происшествiи прокурору окружнаго суда и неофициальное письмо къ губернатору. Отъ губернатора былъ присланъ чиновникъ особыхъ порученiй и прибылъ новый становой приставъ; Шпилькинъ же былъ временно устраненъ отъ должности.

Преданный мнѣ Зеленскiй, весь день осторожно наблюдавшiй за Александровской вмѣстѣ съ сот-

скимъ и десятскимъ, накрыли становаго пристава и Елену, когда они зарывали въ землю, за огородомъ, нѣкоторыя вещи: пеленку и одѣяльце. Зеленскій задержалъ ихъ и далъ знать мнѣ. Я немедленно явился. Становой приставъ путался. Сначала онъ говорилъ, что явился во дворъ къ Александровской по моему порученію наблюдать за нею и, увидѣвъ, что она что-то подняла,—это была пеленка и одѣяльце,—подошелъ къ ней; она стала плакать, жаловаться, что теперь судебный слѣдователь заѣстъ ее, когда она ни въ чемъ не виновна, и вещи нашла случайно при немъ же, станомомъ, вѣроятно подкинутые ей жидами наканунѣ. Она умоляла его не путать ее въ это дѣло, въ которомъ виноваты одни жиды, и позволить схоронить эти вещи; на что онъ и согласился, проникнутый состраданіемъ къ несчастной женщинѣ. Потомъ онъ говорилъ иначе, что, будучи одинъ безъ свидѣтелей, онъ мѣшалъ ей зарывать вещи въ землю, съ тѣмъ чтобы донести объ этомъ мнѣ и выкопать ихъ. Несмотря на эти отговорки, я подвергнулъ становаго пристава и Александровскую домашнему аресту.

Янкель показаль, что по этому дѣлу ровно ничего не знаетъ и не понимаетъ. Онъ вернулся домой въ Пятилуки за сутки до происшествія, вечеромъ.—Поздновечеромъ передъ пасхой, объяснялъ Янкель, мы, убравшись послѣ молитвы, легли спать. Только что мы уснули, вдругъ я услышалъ около

своего дома говоръ, гулъ, крики и брань на меня и мое семейство, удары въ ставни, затѣмъ въ дверь. Узнаю голосъ становаго пристава, бѣгу въ ужасъ, отворяю дверь. Становой кричитъ: «Дайте огня». Не знаю, какъ онъ отыскалъ свѣчку, потому что на меня и на мою жену, тоже соскочившую съ постели, кинулись мужики и начали насъ бить, говоря, что мы изверги, что у насъ пасха и мы для нея зарѣзали ребенка. Я прошу, кричу, умоляю, увѣряю, что ничего не знаю, не слушаютъ! Дѣти мои перепугались, плачутъ. Становой насилу отнял насъ, велѣлъ связать всѣхъ веревками. Не дали намъ одѣться и такъ и привели въ арестантскую; дорогою насъ чуть не убили, да ужъ караульные удержали. Ножъ, которымъ зарѣзанъ ребенокъ, его, но онъ у него пропалъ и подозрѣніе пало тогда же на Александровскую, приходившую въ гости къ его женѣ. Лія Янкель показала то же, прибавивъ, что слышала отъ всѣхъ, какъ мачиха жестоко обращается съ ребенкомъ, а потому жалѣла малютку. Ребенка она уже давно не видѣла и даже не проходила по той улицѣ, гдѣ живутъ Александровскіе.

Рѣзче всѣхъ было показаніе доктора Буцке, который прямо заявилъ, что онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ ребенка мачиху его, Елену Митрофановну Александровскую. Мотивами къ этому подозрѣнію служатъ слѣдующія обстоятельства. Однажды, проходя по улицѣ, онъ встрѣтился съ высокимъ ху-

дошавымъ человѣкомъ, оказавшимся унтеръ-офицеромъ Александровскимъ, съ ребенкомъ на рукахъ, личико котораго было весьма болѣзненно. На вопросъ доктора, чѣмъ боленъ ребенокъ? солдатъ отвѣчалъ: «Кто его знаетъ!.. животикъ у него болить, а главное рвота. Все его, бѣднаго, тошнить да тошнить, а былъ здоровенькій. Не глисты ли у него?» Докторъ, осматривая ребенка, услышалъ отъ него запахъ камфары. «А чѣмъ вы его лечите?».. спросилъ онъ старика.— Да ничѣмъ.— отвѣчалъ тотъ. Жена раза два давала ему камфары.

— Камфары?.. Что это, она съ ума сошла? Развѣ можно такому маленькому давать камфару? Этимъ можно и взрослога отравить. Пойдемте со мною въ аптеку, я дамъ мальчику лекарства и онъ будетъ здоровъ. Женѣ же вы скажите, чтобы она никогда не давала камфары ребенку внутрь.

— Я думалъ, прибавилъ Буцке, что имѣю дѣло съ простой деревенской бабой, которая даетъ по глупости ребенку что попало. Злого умысла я не подозрѣвалъ. Старикъ я велѣлъ приходить съ ребенкомъ, если ему не будетъ лучше, ко мнѣ. Ребенокъ при моемъ леченіи скоро поправился. Объ этомъ происшествіи я и забылъ бы, если бы въ одно утро ко мнѣ вновь не пришелъ Александровскій, крайне разстерянный, съ ребенкомъ на рукахъ. «Жена ушла, нѣтъ ея дома, не знаю что дѣлать съ нимъ, спасите, ваше высокоблагородіе!..» Малютка былъ въ жару, метался, имѣлъ буждаю-

щій взглядъ и сильный позывъ на рвоту.—Вашъ ребенокъ отравленъ, отвѣчаъ я ему... Вѣрно, жена ваша опять давала ему камфару?... Я живо составилъ изъ своей домашней аптеки противоядіе и далъ ребенку. На этотъ разъ я сказалъ старику, чтобы онъ непременно прислалъ ко мнѣ свою жену. Я былъ очень удивленъ, когда ко мнѣ явилась Елена Митрофановна и я вмѣсто деревенской бабы увидѣлъ ее. У меня тотчасъ же шевельнулось подозрѣніе, но я до сихъ поръ не зналъ, что она не мать ребенку, а мачиха. Поэтому я выговорилъ ей за неосторожное употребленіе медицинскихъ средствъ, качествъ которыхъ она не знаетъ, объяснилъ ей, что такое камфара, и пригрозилъ на будущее время судебнымъ преслѣдованіемъ. Нечаянное отравленіе своихъ дѣтей родителями, по глупости, въ деревняхъ не рѣдкость.

Съ тѣхъ поръ докторъ Буцке, до самаго происшествія, не видалъ ни Елены, ни малютки, но зато онъ недѣли двѣ назадъ встрѣтился съ ея мужемъ, страшно измѣнившимся и постарѣвшимъ за послѣднее время. Старикъ жаловался, что его все рветъ и жажда мучить. Буцке велѣлъ старiku на другой день утромъ придти къ нему въ больницу, но тотъ не пришелъ.

Вызванный изъ города, мужъ Елены далъ весьма короткое показаніе, но такое вѣское, что оно снимало подозрѣніе съ евреевъ. Старикъ подтвердилъ показаніе Буцке относительно отравленія камфарой

ребенка; что она ненавидѣла его сына; что она и его хотѣла отравить какимъ-то зельемъ, чѣмъ разстроила его здоровье. Доносить мнѣ на жену не хотѣлось; не хотѣлось себя срамить. Я, признался старикъ: «хотѣлъ миромъ разойтись съ ней». Затѣмъ и поѣхалъ въ городъ посоветоваться съ добрыми людьми. А тутъ она, вишь ты, что безъ меня устроила; какъ звѣрь лютый, заколола моего ребенка, словно поросенка какого...

— Янкелей я не виню, они люди добрые, благопріятели мнѣ, продолжалъ Александровскій,— такого зла не сдѣлають. Положимъ, я жидовской вѣры не знаю; ну, можетъ быть, они на пасху рѣжутъ дѣтей христіанскихъ, такъ они навѣрно зарѣзали бы чьего-нибудь другого ребенка, а не моего Костю. Все это на нихъ напраслина. Я знаю, кто Елену настроилъ показать на нихъ; это все штуки станowego пристава.

— Ему какая цѣль? спросилъ я.

— Шашни у него съ Еленою, заставлялъ самъ ихъ на огородѣ. Наслѣдника-де убьешь, мужа изведемъ, деньги наши. Сказано: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить. Вы разузнайте о моей Еленѣ: какова была, такую и осталась. Не сказалъ бы вамъ о ней ни слова, если бы она такъ люто не поступила съ моимъ Костей.

При допросѣ свидѣтелей-сосѣдей, они показали, что Елена Митрофановна обращалась съ своимъ

пасынкомъ крайне жестоко. Вообще они отозвались о ней, какъ о женщинѣ неуживчивой, дурной. Нѣкоторыя, при этомъ, сосѣдки подтвердили подозрѣнія ея мужа объ отношеніяхъ Елены къ становому приставу.

Такимъ образомъ, стало ясно, что ребенка убила и подкинула евреямъ его мачиха, Александровская. Такъ же стали смотрѣть на это дѣло недовѣрчивые къ евреямъ крестьяне. Отъ дома Янкеля былъ отставленъ караулъ, и несчастное семейство могло увидѣть свѣтъ Божій.

Но въ этомъ, повидимому, ясномъ дѣлѣ было одно обстоятельство, которое запутывало слѣдствіе и оправдывало Александровскую.

Всѣ сосѣди ея, давшіе о ней неблагопріятные отзывы, въ то же время показали, что видѣли ее наканунѣ на улицѣ съ ребенкомъ на рукахъ. А одна сосѣдка заявила, что, зайдя провѣдать въ этотъ день Александровскую, застала ее укачивающей ребенка въ качкѣ при этомъ она просила ее говорить потише, чтобы не разбудить ребенка, который, по ея словамъ, очень капризничалъ, и она насилу его укачала. Часа черезъ два эта же сосѣдка видѣла Елену на улицѣ, прохаживающейся съ ребенкомъ на рукахъ.

Какимъ же образомъ ребенокъ могъ быть мертвымъ раньше, когда его видѣли живымъ вчера?

Какъ могли такъ грубо ошибаться врачи?.. Слѣдствіе затянулось.

Жена моя крайне сожалѣла о несчастномъ семействѣ Янкеля. Въ злополучную для нихъ ночь двое маленькихъ дѣтей ихъ простудились и перепугались до того, что заболѣли. У нихъ открылся тифъ. Несмотря на всѣ старанія доктора Буцке, дѣти не вынесли и умерли. Жена Янкеля съ горя тоже заболѣла и не вставала съ постели.

Однажды сидѣли у меня въ гостяхъ Денисовъ и новый становой приставъ, Егоръ Васильевичъ Вельшевъ, человекъ, получившій образованіе и нисколько не похожій по нравственнымъ качествамъ на своего предшественника Шпилькина. У жены моей тоже была гостья, за которою она послала, Эсфирь Янкель.

— Ты не знаешь горя Эсфири, обратилась ко мнѣ за чаемъ съ улыбкою жена.

— Какого?..

— У нея пропали ея куры цесарки и сундукъ съ куклами.

— Ахъ, ради Бога, не говорите.

— Отчего же?.. Нарочно скажу, шутила жена.

— У ней пропали куклы, которыми она, изволите видѣть, занималась до этихъ поръ...

— Неправда, неправда, противорѣчила Эсфирь.

— Иначе онѣ не стояли бы въ сундукѣ въ сараѣ.

— Я давно ихъ бросила...

— А какъ давно, вмѣшался Денисовъ, съ годъ будетъ?

— Нѣтъ, уже болѣе года... наивно отвѣтила дѣвушка.

Мы всѣ засмѣялись.

— Какъ давно онѣ у васъ пропали? полюбопытствовалъ становой приставъ Вельяшевъ.

— Въ ту несчастную ночь, когда насъ арестовали.

— Куръ найти очень мудрено, замѣтилъ становой,—ихъ, должно быть давнымъ-давно съѣли, а вотъ игрушки—это дѣло другое; ихъ найти можно. Не можете ли вы описать мнѣ хоть нѣкоторые изъ нихъ?

— Могу, отвѣчала Эсфирь.—Куклы были хорошія, съ пружинками, и я берегла ихъ на память. Сундукъ былъ старый отъ кареты, обшитъ кожей и обитъ мѣдными гвоздочками.

— Прекрасно, не можете ли вы составить списокъ тѣмъ предметамъ, которые были въ томъ сундукѣ.

— Даже сейчасъ, поспѣшно согласилась Эсфирь, и, взявъ бумагу и карандашъ, она перечислила всѣ предметы, находившіеся въ сундукѣ, и подала списокъ Вельяшеву.

— Пожалуйста, Егоръ Васильевичъ, попросила моя жена,—разыщите. Эсфирь такъ огорчена.

— Непремѣнно постараюсь, обѣщаль становой.

— И я помогу, прибавилъ Денисовъ улыбаясь.

По окончаніи чая, мы, мужчины, удалились опять ко мнѣ въ кабинетъ. По поводу пропажи сундука

изъ сарая Янкеля между мною и становымъ зашелъ разговоръ о происшествіи въ Пятилукахъ подъ еврейскую пасху.

— Александръ Андреевичъ,—сказалъ мнѣ становой, мнѣ давно уже хотѣлось вамъ замѣтить, что въ вашемъ слѣдствіи есть ошибка, недоразумѣніе, которое мѣшаетъ вамъ кончить дѣло... Видѣли ли свидѣтели ребенка живымъ? Не былъ ли онъ уже мертвъ, когда она носила его по улицѣ закрытаго одѣяломъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—вскричалъ я, пораженный этими словамп. Но для какой цѣли она могла дѣлать это?..

— Вы знаете, замѣтилъ становой приставъ,—изъ практики, что убійцы весьма часто, совершивъ преступленіе зрѣло и обдуманно, потомъ потеряются и дѣлають абсурдные поступки.

Замѣчаніе Вельяшева я принялъ къ свѣдѣнію и на другой же день приступилъ къ передопросу свидѣтелей, поставивъ вопросы прямо: видѣли ли они ребенка живымъ, брали его на руки, плакалъ ли онъ при нихъ, или нѣтъ? Всѣ свидѣтели показали, что видѣли лишь, какъ Елена Александровская укачивала ребенка, какъ соннаго, который былъ завернуть въ одѣяло съ головкой. Никто изъ нихъ ребенка на руки не бралъ, онъ не кричалъ при нихъ и не плакалъ, и былъ ли онъ живъ, или мертвъ—они не знаютъ. Всѣ свидѣтели видѣли Елену въ разные дни и часы, а ребенокъ находился у нея

постоянно въ одномъ положеніи, завернутый съ головкою въ одѣяло и какъ будто спящій.

Изъ этихъ показаній можно было почти безошибочно вывести заключеніе, что ребенокъ былъ мертвъ. Я полагалъ, что слѣдствіе мое по дѣлу о заколотомъ ребенкѣ было окончено, и хотѣлъ представить его на заключеніе прокурора, но оно выразилось вполне ясно, благодаря кукламъ Эсфири.

На Ооминой недѣлѣ, слѣдующей за Пасхою, въ селѣ Дроздовѣ была ярмарка, на которой обязанъ былъ по должности присутствовать и становой приставъ Вельяшевъ. Проходя ряды съ разными разностями, большею частью сельскими произведеніями, становой приставъ вдругъ увидѣлъ разставленныхъ на скамьѣ куколъ, довольно подержанныхъ, но цѣнныхъ для деревенскихъ жителей. Ихъ продавали два парня-хохлы, одинъ изъ нихъ стоялъ, а другой сидѣлъ на старомъ каретномъ сундукѣ, обшитомъ кожею и обитомъ мѣдными гвоздочками, то есть на томъ самомъ, который былъ украденъ въ сараѣ Янкеля, и куклы, согласно описанію, были Эсфири. Послѣдовали разспросы, и становой приставъ привелъ ихъ въ свою квартиру для допроса. Парни первоначально показали, что сундукъ былъ найденъ ими на дорогѣ; а потомъ—что его отдалъ имъ проѣзжій человекъ. Это разнорѣчіе запутало ихъ, и при убѣжденіяхъ Вельяшева они чистосердечно во всемъ сознались. Одинъ изъ нихъ Степанъ Граченко видѣлъ, какъ

еврей Янкель возвращался домой съ товаромъ и у него родилась мысль обокрасть еврея. Объ этомъ онъ сообщилъ своему товарищу Осипу Веревкѣ, который съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. На другой день, вечеромъ, они отправились въ Пятилуки и, когда стало совершенно темно, при наступленіи ночи, перелѣзли черезъ плетень и вошли во дворъ. Въ избѣ Янкеля горѣлъ тогда еще огонь, а потому они не рѣшились попробовать войти въ избу, а ограничились обыскомъ сарая, въ надеждѣ найти тамъ привезенный товаръ; но они ничего не нашли, кромѣ двухъ куръ и въ углу сундука, хотя и легкаго; однако воры, пошевеливъ его, предположили, что въ немъ есть товаръ. Молодые люди (Граченкѣ 18, а Веревкѣ 17 лѣтъ) воровали впервые и довольствовались найденнымъ. Веревка былъ силенъ и одинъ свободно могъ унести сундукъ; Граченко же взялъ сонныхъ куръ и скрутилъ имъ головы, чтобы они не кудахтали. Потомъ они отправились прежнимъ путемъ къ плетню; но, перелѣзая плетень, они увидѣли осторожно приближавшагося становаго Шпилькина въ сопровожденіи какой-то женщины, которая держала въ рукахъ какъ бы завернутаго ребенка.

Граченко и Веревка, перепуганные неожиданнымъ появленіемъ пристава, поспѣшили, пользуясь темнотою, незамѣченными скрыться за близъ стоявшій развалившійся сарай. Осторожно выглядывая оттуда, они видѣли, какъ становой приставъ

перелѣзъ черезъ плетень во дворъ къ евреямъ, а потомъ женщина подала ему тамъ свертокъ или ребенка, который былъ у ней въ рукахъ, и быстро ушла. Вскорѣ и приставъ перелѣзъ обратно черезъ плетень и тоже, крадучись, поспѣшно ушелъ.

Мы еще посмѣялись между собой, добавилъ Граченко, что вотъ-де мы оттуда тащили, а приставъ туда. Въ свою Дроздовку они пришли до разсвѣта и спрятали сундукъ въ комору у Граченка, а куръ ощипали и продали. Продавать куколъ они рѣшились вслѣдствіе того, что услышали, будто Янкель боленъ и на ярмарку не поѣдетъ.

Эти показанія Граченка и Веревки были приобщены также къ дѣлу объ убійствѣ къ Пятилукахъ ребенка Александровскихъ и были такъ вѣски, что не оставляли сомнѣнія въ виновности Елены Митрофановны и Шпилькина.

Но, не смотря на явныя улики, преступница продолжала упорно отрицать свою вину. Шпилькинъ же повинился во всемъ. Онъ умолялъ пощадить его, быть къ нему снисходительнѣй, ссылаясь на то, что въ убійствѣ ребенка онъ не повиненъ, не подговаривалъ къ этому Александровскую, но, будучи влюбленъ въ нее и состоя въ близкихъ отношеніяхъ съ ней, онъ сдѣлался повѣреннымъ ея тайнъ. Она призналась ему, что вышла замужъ по расчету и ненавидитъ своего мужа и ребенка; что они мѣшаютъ ей быть счастливой и что она такъ или иначе отъ нихъ отдѣлается.

«Разъ она сказала мнѣ, что пробовала отравить мужа и ребенка съ цѣлью завладѣть его деньгами, выйти за меня замужъ и уѣхать богатой съ имениемъ на родину. Эта мысль занимала ее постоянно. Я испугался этихъ преступныхъ ея замысловъ и сталъ уговаривать ее покориться волѣ Божіей, но Елена тайно отъ меня стала потихоньку отравлять ребенка и мужа. Нечаянное вмѣшательство доктора Буцке въ болѣзнь ребенка разстроило всѣ ея планы. Мужъ сталъ подозрѣвать ее, между ними начались крупныя ссоры. Однажды мужъ сказалъ ей, что такъ какъ ему стало очевидно, что она тяготится ребенкомъ, то онъ рѣшился поѣхать въ городъ попросить тамъ одну свою дальнюю родственницу взять у нихъ ребенка на воспитаніе».

Продолжая любить Елену, онъ надѣялся, что съ устраненіемъ ребенка между нимъ и женою водворится согласіе. На слѣдующій день Александровскій уѣхалъ въ городъ, объявивъ женѣ, что домой возвратится дня черезъ три-четыре, и горячо упрашивалъ жену поберечь сына.

Проводивъ мужа, Елена не замедлила привести въ исполненіе задуманное ею преступленіе. Для этой цѣли, желая отвлечь подозрѣніе отъ себя, она воспользовалась ножомъ, который заранѣе былъ ею украденъ у еврея Янкеля. Дождавшись поздно вечера, когда ей не могли помѣшать, она положила спящаго ребенка въ приготовленное корыто и быстро вонзила ему въ сердце ножъ.

Тѣло ребенка затрепетало и замерло. Дождавшись, когда кровь перестала течь изъ раны малютки, Елена быстро, торопливо принялась убирать слѣды своего преступленія. Трупъ ребенка она тщательно обмыла, одѣла и, завернувъ въ одѣяло, положила въ качку.— Не знаю, съ какими чувствами провела эту ночь преступница, но на утро слѣдующаго дня, она, взявъ на руки завернутый трупъ ребенка, пошла съ нимъ гулять. Въ этотъ день она часто съ нимъ выходила за ворота, жалуюсь проходящимъ на скуку, заговаривала съ ними явно съ цѣлью обратить ихъ вниманіе на то, что ребенокъ у ней заснулъ на рукахъ.

Пришедшему къ ней Шпилькину она все рассказала, прося его помочь ей подбросить ребенка евреямъ и такимъ способомъ взвалить обвиненіе на нихъ. Это было тѣмъ правдоподобнѣе, что у евреевъ наступала пасха и существуетъ предразсудокъ, что евреи на свою пасху употребляютъ кровь христіанскихъ младенцевъ.

— Остальное, присовокупилъ Шпилькинъ, вамъ извѣстно изъ дѣла. Условившись съ Еленой, я подбросилъ въ сарай Янкеля трупъ ребенка, придавъ ему видъ распятаго. При свѣтѣ огарка, который былъ при мнѣ, я воткнулъ ножъ въ рану ребенка. Послѣ этого я поспѣшилъ уйти домой, а Елена подняла плачь и крикъ на всю слободу.

— Я виновенъ, очень виновенъ противъ евреевъ,

кончилъ Шпилькинъ, но я такъ любилъ эту женщину, что не могъ не скрыть ея преступленія.

Елену Александровскую и Шпилькина немедленно препроводили въ городскую тюрьму, а дѣло ихъ передано въ окружный судъ.

Наступилъ часъ суда по дѣлу объ убійствѣ ребенка въ Пятилукахъ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли не евреи, а губернский секретарь Дмитрій Демьяновичъ Шпилькинъ и жена унтеръ-офицера Елена Митрофановна Александровская.

На первый вопросъ предсѣдателя суда присяжнымъ засѣдателямъ: виновна ли Елена Александровская въ убійствѣ своего пасынка, полуторагодового ребенка Константина Александровскаго; съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ?—присяжные вынесли вердиктъ:

— Да, виновна.

На второй вопросъ: виновенъ ли губернский секретарь Шпилькинъ въ сообщничествѣ и укрывательствѣ преступленія?—послѣдовалъ отвѣтъ:

— Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія.

Судъ приговорилъ—жену унтеръ-офицера Елену Александровскую, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на двѣнадцать лѣтъ, а губернскаго секретаря Дмитрія Шпилькина, по лишеніи всѣхъ правъ состоя-

нія, сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе.

Что касается до двухъ воровъ Граченка и Веревки, то они, просидѣвъ нѣкоторое время въ кутузкѣ, были наказаны двадцатью пятью ударами розогъ, по приговору волостного схода.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
Неправильный вердиктъ присяжныхъ (Изъ уголовной хроники). Разсказъ	1
Русскій Тичборнъ. Разсказъ (Изъ уголовной хроники)	58
Нераскрытое преступленіе (Разсказъ судебного слѣдователя)	169
Убийство ребенка (Изъ уголовной хроники) . . .	217

A000002164434

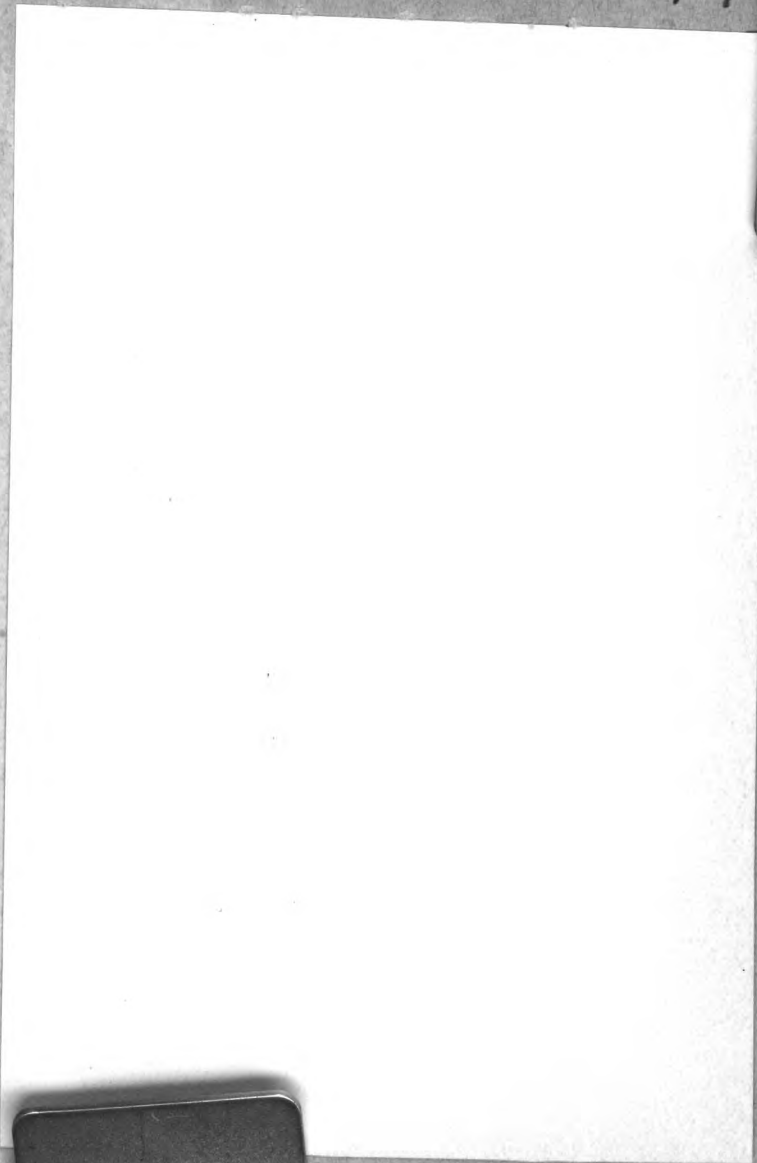
✓
PG 1470

.S52

R3

1903

141

A000002164434